

АЛЕКСЕЙ НАЗАРОВ

Хранитель времени

ТАШКЕНТ - 2019

АЛЕКСЕЙ НАЗАРОВ

ХОРЕЗМ • САМАРКАНД • АНДИЖАН • ФЕРГАНА
БУХАРА • ТАШКЕНТ

УДК...
ББК

Работы художников, представленные в альбоме, являются собственностью собирателя **Алексея Назарова.**

ISBN

Издание второе дополненное
© Алексей Назаров, 2019

Имя Алексея Константиновича Назарова не требует представления в Узбекистане. Его знают во всех уголках нашей страны и за рубежом. Его знают как высокопрофессионального врача, который всегда придет на помощь. Но не все знают, что у Алексея Назарова уже многие годы есть серьезное увлечение: он коллекционирует произведения искусства.

Причем он не просто коллекционирует, он тесно общается с нашими художниками, переживает за них, радуется за их творческие успехи, хорошо знаком с перипетиями их жизни и творчества. И, наверное, в этом стыкуются две разные сферы: медицина и искусство, которые призваны помогать (а иногда и спасать), улучшать, облагораживать человеческую природу.

Удивительно, что про художников пишут многие: искусствоведы, писатели, философы, сами художники. Но часто это бывает надуманно, иногда слишком пристрастно или, наоборот, сухо, научно, без излишних чувств.

Рукопись Алексея Назарова долго пролежала у меня на столе в мастерской, так как в силу своей собственной занятости никак не получалось взять ее и прочитать. Но однажды я все-таки начал ее читать. И был поражен, насколько просто и доступно, а главное искренне, автор написал о жизни художников, которых мы все знаем и любим. Рукопись читаешь не просто с интересом и удовольствием, ты веришь автору, ты становишься его единомышленником и разделяешь его взгляды.

Когда-то Игорь Витальевич Савицкий, так же общаясь с художниками, собрал уникальную коллекцию, которая стала основой знаменитого ныне Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан в городе Нукусе. Сегодня эту благородную миссию выполняет и Алексей Назаров. Его рукопись дополняет подвижнические интересы автора, а главное, несет в себе дух современной эпохи. Пройдут годы, десятилетия, и те, кто будет изучать художественную жизнь в Узбекистане конца XX–начала XXI веков, возможно, обратятся к монографии Алексея Назарова как к достоверному источнику не только информации, но и смогут почувствовать нечто большее, настоящее, искреннее, в котором нашли отражение не только конкретная эпоха, но и личность самого автора.

Акмаль Нур,

Председатель Академии художеств Узбекистана,
академик, народный художник Узбекистана, лауреат Государственной премии Узбекистана

Культура любой страны создается сотнями лет. Это очень сложная и нежная структура, базирующаяся на вере, надежде и любви народа и им же укрепляющаяся. Говоря о самобытности страны, в первую очередь подразумевают его культуру, во вторую — экономику и политику. Уничтожение цивилизации начинается с уничтожения культуры, поэтому сохранение и преумножение культурных ценностей — главная задача любого цивилизованного правительства.

Tantum scimus, quantum memoria tenemus

«Мы знаем столько, сколько удерживаем в памяти», — так рассуждали древние греки пару тысячелетий назад.

Что такое Память, и что такое Любовь доколе нам в точности неизвестно, но при потере той или иной (кстати, обе женского рода), мы становимся социально не значимы и обузой для окружающих. Хотя четко знаем, что удерживаются и передаются они словом и символом. Я стал ощущать, что живопись — это святая миссия искусства, постоянно подбрасывающая творцам задачи, и она же имеет при себе богатейший мир Любви.

С Божьей помощью я выстроил мемориал простым и гениальным художникам, моим близким и случайно встреченным людям, жившим в сложное перестроечное время конца 20-го — начала 21-го столетия. При работе над книгой неожиданно выяснилось интересное совпадение — это начало написания книги в 2006 г. и ее завершение в 2019 г. в одном и том же городе Ферганской долины — Андижане!

Первое издание книги прошло незамеченным специалистами по искусству. Ну это и понятно, ведь писал ее медик, не имеющий лавр и базисного образования в этом направлении. На Востоке есть мудрое изречение: «Те, кто ценят прошлое, значит любят настоящее, а будущее им становится богатым наследием».

И все-таки я попытался отразить две формы бытия из трех существующих в тибетской философии, а вот третья форма, думаю, станет интересной специалистам следующего поколения и простым людям лет через 20 после, когда изложенное станет историей. Хотя, как знать? Как знать?

Спасибо всем моим друзьям художникам и искусствоведам, что открыли двери в прекрасный мир искусства и в Ваши души, и тем, кто был рядом со мной в эти годы. И если я о ком-то не написал ни строчки, то мазки и этюды к Вашим портретам Вы легко найдете в этой работе. Отдельное спасибо Евгении Васильевне Божко и Сергею Александровичу Чередниченко, которые помогли и стимулировали меня на этот труд. Я Вас всех люблю, а тех кого уже нет, нежно помню и живым желаю счастья и радости.

Всем, кто мешал и препятствовал в этой работе, низко кланяюсь. Вы тоже поклонитесь, Вашим учителям, родителям и детям, не забывая, что здоровый позвоночник — это долгая жизнь.

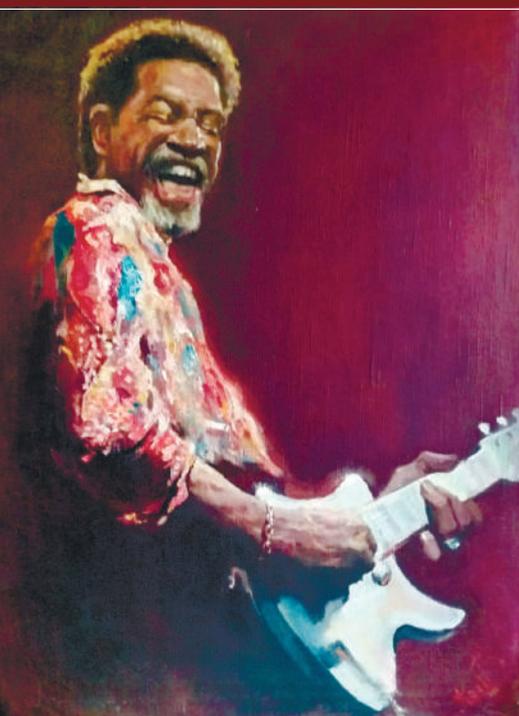
Да, кстати, и Вам ничего не приснилось: Миром по-прежнему правит Любовь!

Vita brevis! Ars longa!

Д-р Алексей Назаров

ХОРЕЗМ

Аллабергенов Атахан
Аллабергенов Сардор
Аскарлов Зайнутдин
Давлетшин Рафаэль
Кичко Павел
Кодыров Солий
Ли Татьяна
Мадаминов Машарип
Матниязов Эркин
Рахимов Хамро
Худайбергенов Мадамин
Щербак Виталий
Юлдашев Хаитбай
Якубов Хушнуд

Хранитель времени

Зная о моем увлечении искусством, жизнью и творчеством художников, в марте 2001 года мне позвонила корреспондент одной из бульварных газет и сообщила, что в Индийском культурном центре выставлена экспозиция работ Павла Кичко, художника из Ургенча. О звонке я вспомнил через неделю после очередного напоминания и, досадуя на назойливость корреспондента, направился по адресу. Это были сумбурные годы, когда выставочная деятельность только стала оживляться, частично выбираясь из-под депрессивного пресса перестроечного периода на всем постсоветском пространстве, и презентации были не столь частым явлением. Культура любой страны создается сотнями лет. Это очень сложная и нежная структура, базирующаяся на вере, надежде и любви народа и им же укрепляющаяся. Говоря о самобытности страны, в первую очередь подразумевают его культуру, во вторую — экономику и политику. Уничтожение цивилизации начинается с уничтожения культуры, поэтому сохранение и преумножение культурных ценностей — главная задача любого цивилизованного правительства.

Я свернул на Севастопольскую. Давно не бывал в этом большом жилом массиве частных построек, простирающемся от улицы Дагестанской по обе стороны Луначарского шоссе, а сейчас улицы Буюк Ипак Йули. Здесь когда-то жила семья моего одноклассника и друга — Саша Куранова, талантливого архитектора, художника и поэта. Этот район не представлял собой ничего интересного — однотипные, одноэтажные, покрашенные белой известью

Куранов Александр Евгеньевич. 2017 год.

дома, утопающие в зелени вишен. Такие районы в республике были как две капли воды похожи друг на друга, но сейчас я его не узнал. Как грибы повыврастали дома-дворцы, построенные по индивидуальным проектам в стилях рококо, барокко и других, исключая наш восточный. Массив обжили богатые люди новой экономической формации.

В этой связи мне вспомнилась серия картин Татьяны Ли «Домики на Никитина», которую Татьяна выставляла в моем бывшем центре, в глубине махалли «Дархан-3» на улице Садыкова-Ярославская. Центровая работа «домиков», попавшая в персональный буклет художницы, была приобретена мной. Она пахнет детством и спокойствием и, несмотря на авангардность, умиротворяет и вызывает ностальгические чувства.

Индийский культурный центр располагался на одной из многочисленных улиц массива в большом доме, очевидно арендуемом. Экспозиция располагалась в зале библиотеки и состояла из 30 работ, добротнo прописанных уверенной рукой. Чувствовался профессионализм автора и бесподобное владение цветовой гаммой — от ярко-сочных радужных работ до выполненных в технике сепии. Философское направление многих картин говорило о глубоком внутреннем мире мастера, а багетное оформление — о его бедности. Особенно врезалась мне в память три произведения — «Портрет девочки-хивинки», «Хранитель времени», «Меланхолия». Если первое брызжет сочностью красок и радостью, то третье — монотонно и печально, заставляет подумать о смысле жизни и смерти.

На первый взгляд эти три работы никак не связаны друг с другом. Первая — портрет улыбающейся девочки на фоне старых зданий хивинской ичанкалы с красным яблоком в руках. Вторая — седой ухмыляющийся старик среди толпы зевак, обвешанный множеством часов, от солнечных до электронных. Сюжет явно навеян работами Сальвадора Дали. И третья — серо-коричневая, на которой изображена лодка, плывущая по реке времени. На носу лодки высокий человек в сером хитоне играет на мандолине, а двое мужчин в таких же хитонах с кашпошами скорбно сидят на корме. Лица всех трех не определены, да и нужны ли лица вечности? Не знаю, думал ли Паша, выполняя эти работы, что они работают как триптих, отображая философию жизни — от рождения и до смерти. Кстати, именно эти три работы

Паша впоследствии многократно копировал, меняя сюжет и краски, очевидно, в зависимости от настроения.

Пройдет еще около двух лет после моего заочного знакомства с творчеством Павла Кичко до личной встречи с ним в Ургенче. А тогда я позвонил корреспондентке и попросил о переносе экспозиции после завершения выставки в Индийском культурном центре в мой медицинский центр, где большая часть работ была раскуплена. Господин Бюхнер из германского представительства «Alkatell» купил сразу три работы. Кстати, денежки с выставки-продажи не попали к Паше благодаря смекалке менеджера-

Павел Кичко. 2005 год.

корреспондентки! Ну «какой приказчик не крадет у хозяина»? Поэтому художники предпочитают продавать работы сами или доверяют это дело своим домашним менеджерам.

В качестве благодарности за проведенную выставку П. Кичко презентовал мне картину «Блюз», где был изображен черно-

Павел Кичко. «Блюз», 2007 год,
холст, масло, 30x46 см.

кожий саксофонист, освещенный огнями рампы, «улетающий» вместе со своим блюзом. Эта работа очень понравилась трехкратному олимпийскому чемпиону Александру Карелину и была подарена мной ему прямо из экспозиционного ряда. Картина уехала в Новосибирск.

После выставки у меня не осталось ничего, кроме желания познакомиться с художником — романтиком и философом, но мои попытки выгадать Павла с работами в Ташкент были тщетны. В то время я не знал, что он был привязан к матери, тяжело болеющей и уже не встающей с постели.

Через полтора года в Ургенче наконец-то «гора встретилась с Магометом». Паша — среднего роста, кареглазый и коренастый, а не высокий блондин с голубыми глазами, как я его себе представлял. Скорее хмурый, чем веселый, менее разговорчивый, чем хотелось, без определенной прически, одетый во что попало и почти всегда слегка выпивший. Несмотря на все это, возникла искра, породившая дружбу, взаимопонимание и дальнейшую большую творческую жизнь двух «замечательных людей», очень разных по внешним признакам, но очень близких по внутреннему настрою. По моим заказам Паша выполнил около ста работ, которые подарили радость мне и людям. Часть их осела в моей коллекции, а другие разъехались приносить радость по разным городам и континентам.

Горжусь тем, что мне досталась первая его «Меланхолия», выполненная в 2001 году. Небольшая болотно-зеленого цвета работа — самая грустная из его «Меланхолий», где в лодке изображены контуры трех фигур на фоне полного лунного затмения. Границы воды и суши слабо определены. На носу лодки скорбящий человек, в середине — кормчий с длинным шестом в руках, и позади него, играющий на мандолине, как видно, в очень минорных тонах, низкорослый, в шапочке магистра-философа музыкант.

Павел Кичко. «Меланхолия 2», 2005 год,
холст, масло, 80х60 см.

По второй работе «Меланхолия», выполненной П. Кичко по моему заказу, видно, насколько поднялось настроение автора. Работа уже превысила первоначальный размер в четыре раза. Выполнена она в светлых, серо-коричневых тонах. На фоне затянутого тучами, но все же — солнца,

отчетливо видны три фигуры. Первая — в позе «роденовского» мыслителя. Вторая — музыкант в яркой клоунской одежде средних веков, дающей понять, что исполняется мелодия в мажоре. Шест третьего — кормчего — как дробная черта, за которой много воздуха и пространства. Нос

Павел Кичко. «Девочка с яблоком», 2000 год,
холст, масло, 24 x 30,5 см.

лодки выполнен в виде головы дракона, а на востоке дракон — символ мудрости, богатства и философии. Разве можно назвать эту работу авторской копией? На мой взгляд, это новая работа из «новой жизни» автора.

Темных и светлых полос в жизни Павла Кичко было предостаточно, с явным преобладанием темных, но в большей части наших встреч под его рукой рождались шедевры, так просто и быстро, как мыльные разноцветные пузыри из соломинки. Его акварельная графика по силе не

Павел Кичко. «Девушка хивинка с гранатом»,
2007 год, бумага, акварель, 50 x 70 см.

уступала живописи. Мой заказ — 15 акварельных работ — Паша сделал за двое суток. Причем огромных размеров и так изящно, что мои коллеги битый час толпились над ними, взахлеб обсуждая их темы и краски. Акварельные работы были наполнены очень глубоким содержанием, философией и ностальгическими светлыми образами. У меня не нашлось даже такого размера планшета для их транспортировки. Работы были перевезены в Ташкент в тубусе, и часть их приняла участие в выставочном кастинге экспози-

ции «Феерия графики», которую я провел в ноябре 2008 года в доме-музее Урала Тансыкбаева.

Просто восхищает «Девочка-хивинка с гранатом». «Девочка с яблоком» повзрослела и похорошела. Пряди сине-черных волос, сплетенных во множество косичек, разбегающихся волнами по плечам и груди, бусы из дерева, спускающиеся со стройной лебединой шеи на синее национальное платье, изящные пальцы левой руки, держащие спелый гранат, красивое лицо с сочными и похожими на гранат губами и особенно глаза — грустные, большие, философски смотрящие прямо вам в душу. Девочка уже созрела, как и светящийся рубиновым цветом плод в ее левой руке. На выставке равнодушных людей перед этой работой не было. Во многих работах Павла есть минорное, ностальгическое настроение, но нет ерничества. Даже в этом миноре любой смотрящий почувствует любовь к родине, жизни, Богу.

На грустные мысли наводит акварельная работа «Перелет», где с одиноко стоящего в пустыне дерева срывается белая птица, уносящая на своей спине гнездо с тремя яичками, но в клюве у нее соломинка, предназначенная для нового созидания. Работа выполнена в минорных, светло-бежевых тонах и задает зрителю извечные вопросы: «Зачем? Что делать? Кто виноват? Правильно ли сделан выбор? А что в будущем?».

В работе «Одиночество» на ярком динамическом фоне показана полнеющая фигура одиноко танцующей женщины. Нет зрителей, нет близких и вообще уже ничего нет в жизни стареющей танцовщицы — невостребованная старость страшна. Забыться можно только в танце, который приносил ей когда-то веру, а

Павел Кичко. «Хранитель времени», 2007 год,
холст, масло, 72 x 48 см.

кому-то — надежду и любовь. Сейчас только танец и только воспоминание об убитой любви, сокрушенной надежде и отсутствующей вере. Только в любви, укрепляющейся с годами, умирает одиночество. Любовь — божественный дар, и покушение на нее всегда преступление — или против себя, или против человечества, или против Бога!

Павел Кичко. «Иммиграция», 2006 год,
бумага, акварель, 47х36 см.

В новом варианте «Хранителя времени», написанном Павлом Кичко в 2007 году по моему заказу, мне кажется, он изобразил себя, проливающего «время и любовь» в песок пустыни, рождающего новую жизнь на земле своими произведениями. Здесь вы увидите ретроспективу его любимых картин — джазиста, караваны, уходящие в будущее, и хивинские мотивы. Я бы назвал картину «Хранитель любви».

Кстати, эту работу он вручил мне во время встречи медиков фирмы «Аник» с группой художников в арендуемом мною огромном доме в Ургенче. Прихожая этого дома была так велика, что в ней бы поместились два танка Т-34, так что мест всем хватило. Встреча была очень теплой и продуктивной. Обсуждали представленные работы Паши, строили планы на будущее. Кстати, там же была заказана и сразу оплачена новая работа Паши — увеличенный в формате в 1,5-2 раза повтор «Хранителя времени» с желаемыми поправками и измененной цветовой гаммой. Паша с удовольствием работал со

мною над улучшением этого проекта, так как он стал тиражным и пользовался спросом, а спрос и предложения — вечные двигатели торговли. Если не ошибаюсь, то он написал 10-12 авторских повторов, включая и мой последний для него заказ. Да и для нашей группы врачей (к великой радости местно-ревнующих медиков) эта командировка тоже была заключительной.

Но договор с Пашей оставался в силе, и через год мы дозвонились супруге — Диле. К великому удивлению и огорчению цена за работу, сообщила она, увеличена вдвое. Было понятно, что она стала заниматься менеджерской работой.

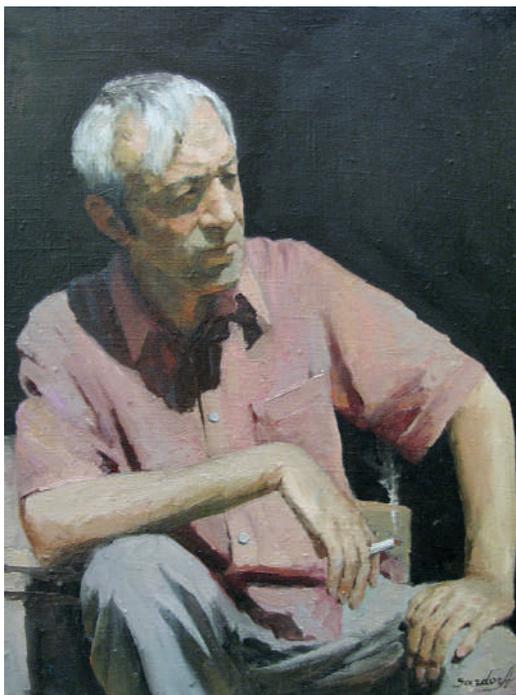
Связаться с Пашей нам больше не удалось, но от друзей мы узнали, что он получил черепно-мозговую травму при падении и ушел от нас 22 ноября 2010 года. Встреча с завершающим серию «Хранитель времени» все же произошла в Центральном выставочном зале Академии Художеств Узбекистана в 2015 году на совместной выставке работ великого, но спорного творца — Павла Кичко.

Светлой и доброй ему памяти на века!

С Хамро Рахимовым, Павлом Кичко,
Атаханом Аллабергановым. 2007 год.

Сардор Аллабергенов.
«Портрет отца», 2007 год, холст, масло

Гвоздем программы, конечно, был Атахан Аллабергенов. Все относились к нему с большим уважением, называя его учителем.

Атахан оказался очень добродушным, во всем светлым хорезмийцем. Я часто бывал у него дома. Встречал он меня и моих коллег очень гостеприимно, всегда организовывал шикарные хорезмийские столы, но всегда нарушал традиции Хорезма: присутствовал за столом вместе с гостями.

Первый раз я столкнулся с этим интересным обычаем будучи молодым врачом, в первой своей командировке в Хорезм. С моим коллегой и другом Зауром Каримовым мы были приглашены на обед главным врачом сельской больницы. Мы, голодные, просидели возле поданной горячей пиццы целый час, удивляясь нерасторопности хозяев и истекая слюной. И почти враждебно встретили через час пришедшего хозяина, но, увидев его очень удивленное лицо, поняли: что-то сделали не так.

Через полчаса, насладившись вновь подогретой пиццей, мы смеялись до слез вместе с хозяином, который уже не отходил от нас, по-ташкентски предлагая пиццу — берите, берите. Назвать работы Атахана хорошими мне не хватает духа. Я думаю, мое мнение разделят и другие зрители — они просто великолепны. Атахан — глыба! Атахан — чародей! Атахан — романтик и певец Хорезма. Не зря коллеги по цеху называют его Учителем!

В Атахане живут два мастера — один романтично реалистичен, а другой — экспрессивно авангарден. Я не могу классифицировать направление его творчества и жизни. Есть такие люди, которые всех и все расставляют по своим полочкам и присваивают номера — первый или последний. Я думаю, Атахан способен поломать все эти полки, настолько он неподражаем и самобытен.

В его произведениях не добавит мазка, они не оставляют никакой возможности что-то улучшить. Он силен от миниатюры до станковой живописи. Его картины одинаково хороши, реалистичны и живописны. Это первая часть его художественной природы. Здесь он

Атахан Аллабергенов. Акварель, 2007 г.

трудолюбив и патриотичен. Ну, а в другой — графической — сентиментален, легок и влюблен, близорук и очень добр. Он предлагает каждому закончить свою работу впечатлениями, как красками, и видит в каждом зрителе выдающегося художника и мастера. Вот настолько легка и экспрессивна акварель Атахана.

Кстати, у него подрастает сын — Сардор. Он еще молод, но вполне мастеровит. Его работы уже продаются по высокой цене — вполне заслуженно. Так что я вынужден не соглашаться с тезисом, что «на детях гения природа отдыхает». Он достойный преемник отца и при таком усердии займет место в ряду выдающихся художников Хорезма. Я приобрел у него не-

Сардор Аллаберганов.

большого размера «Портрет отца», который мне очень импонирует.

Хорезмская земля — туристическая зона, особенно красавица Хива. Все художники региона работают на экспорт. В связи со сложными таможенными выкрутасами вся продукция сильно миниатюризирована. Художники расписывают все, что под рукой: деревяшки, баклажки, сухие тыквочки. Миниатюрами завалены все гостиницы, сувенирные лотки, магазины, торгующие антиквариатом. Причем сильные авторы не брезгают этим мелким бизнесом, распределяя продукцию под

реализацию по мелким точкам продажи и активно используя возможность для оптового сбыта.

Арт-рынок в Хиве был очень пестр и многообразен в те перестроечные времена. Продукция на рынке представляла в основном сувенирную часть — работы прикладников — в дереве, ткани, игрушки, лепнина, росписи на чем угодно и маленькие графические работы, в основном акварель, изображающая прелести Хорезма в прошлой жизни, памятники старины и маржевые рисунки.

Реализация этих сувениров шла везде, где разрешалось и нет: в гостиницах, дуканах, с лотков и киосков, просто на земле, на барахолках и прямо из мастерских. Все это китчевое искусство охотно подхватывалось туристами от доллара до двадцати.

Продукция посерьезней реализовывалась в артуголках приличных гостиниц. Серьезный контрабандный товар продавался только в частных домах, к тому времени запрещенный к вывозу и уголовно-наказуемый. К ним относились тикинские ковры ручной работы, сотканые в Туркмении.

В одном из таких домов я долго торговался с хозяином насчет двух изделий. Когда же ударили по рукам, я спросил, как же удастся провезти ковры через границу, и услышал от продавца странную историю: из приграничного поселения на узбекской территории проезжают на арбе на туркменскую сторону и ночью, навьючив на ишак пару ковров, через неконтролируемую часть границы посылают животное обратно. За ночь ишак преодолевает несколько километров по песку в родной кишлак.

В гостях у Аллабергенова Атахана. Встреча с хорезмскими художниками. 2007 г.

Не знаю, правда ли это? Провожая до входной двери, хозяин осведомился, знаю ли я, чем ишпак отличается от осла. Получив отрицательный ответ, он сказал: «Тупостью, а осел от ишака – упрямством». Выйдя с двумя коврами из дома, я понял, кого хозяин считает ишаком, но быстро успокоился, вспомнив, что ранее я себя уже так называл. Теперь точно знаю, что это правда!

Исследование этого интересного процесса изготовления и сбыта предметов искусства я начал, проживая в гостинице «Джайхун» в

Ургенче, после знакомства с двумя интересными мастерами — сбытчиками миниатюрной акварели Рустамом и Зайнутдином. Они продавали свои маленькие акварельки в холле гостиницы, имея, конечно, разрешительные документы.

Впоследствии с Зайнутдином завязалась долголетняя дружба, теплая и уважительная. Я часто бывал у него в мастерской и дома. Видел, как происходит процесс производства миниатюр и сколько усердия и трудолюбия необ-

Аскарлов Зайнутдин на переднем плане
с художниками. 2007 год.

ходимо для поточной работы. При хорошем стечении обстоятельств производилось до десятка работ в день. Я покупал эти акварельки у него сотнями, одаривая близких и незнакомых мне людей. Как подарки они были очень хороши и разъезжались по Азии, Европе и другим континентам. Но когда я сделал заказ укрупнить размер работ, оставляя сюжеты, у него ничего не получилось. И я подумал, что рыбка, привыкшая к маленькому аквариуму, будет и в большом плавать по своей привычной лощи. И ошибся. Через год в гостинице «Интурист», беседуя за обедом с директором, я услышал, что Зайнутдин участвовал в художественном оформлении этого заведения. Естественно, я подумал, что его кабинет и стены оформлены миниатюрами. Каково было мое удивление и восхищение, когда мне представили чудесную работу, выполненную на холсте маслом, размером 3х5 метров.

Я приобретал у Зайнутдина и живописные работы. Все о любимом Хорезме. Работы и мастер во всем замечательны. Иной раз от его работ веет таким одиночеством! Хотя он религиозный человек, а в религиозных постулатах нет, как вы понимаете, такого состояния души. Даже если человек полностью изолирован, у него всегда есть друг и судья — Бог. Покайся и получишь прощение. Уверуй, и тебе откроется дорога надежды и любви. Трудись, и труды твои будут вознаграждены временем и людьми.

Зайнутдин познакомил меня со многими художниками Хорезма, имеющими высшее и средне-художественное образование — Мадаминным Машоришом, Худойбергеновым Мадаминном, Хамро, Матниязовым Эркином, Кодировым Солией, у которых я приобрел много живописных и графических работ, а у Солий я заказал еще около пятидесяти тыквочек, раскрашенных мастерски по-хорезмски для подарков

Аскарлов Зайнутдин. «Караван», 2005 год,
холст,масло, 55х45 см.

сотрудникам и членам моей семьи. Многие художники Хорезма не брезговали в те времена заработками от прикладного творчества.

Со многими художниками я общаюсь и по сей день, особенно с Матниязовым Эркином, который переехал в Ташкент.

«Прикладников» в Хорезме великое множество, особенно в Хиве. Каждый дом в ичанкале приспособлен под мастерскую, гостиницу, магазин или точку общественного питания. Туристы могут наблюдать воочию, как создаются предметы прикладного искусства. В мастерских шьют, ткут, вяжут, занимаются росписью по металлу, по дереву и керамике, скорняжничают. В мастерских много детей-учеников. Они перенимают мастерство взрослых, начиная с пятилетнего возраста. Более старшие уже участвуют в системе реализации. Поэтому найти работу, сделанную только мастером, не представляется возможным, хотя их имена и присутствуют на большинстве изделий.

Я много раз и разным мастерам заказывал разделочные доски для кухни из твердого темного дерева — карагача. Причем заказывал большое количество — от 30 до 50 досок у одного мастера. Они предназначались на подарки сотрудникам фирмы и друзьям. Одним из условий заказа было размещение слогана фирмы — «Здоровый позвоночник — долгая жизнь», места и года изготовления и, конечно же, фамилии и имени автора. Ждал около месяца выполнения заказа и получал некачественную продукцию с орфографическими ошибками. Правда, именно эти доски у моих коллег пользовались большим спросом.

Эркин Матниязов.

Наконец, разобравшись в анатомии производства этого вида товара, я смеялся почти до слез. Весь процесс был настолько дифференцирован, что мастера, стоящие в начале производства, не знали, кто стоит в конце. А их полный состав делился на покупателей деревоматериала, причем зачастую материал перекупался у оптовиков, и из каких мест древесина, распилишки досок уже не знали. Как говорят у нас на Востоке: «Узумни ё, богни суриштирма», что в переводе означает «кушая виноград, не спрашивай о саде».

В других цехах из досок создавались формы будущих изделий по заказам цехов, в которых они уже оформлялись. Например, в мебельном цехе есть мастера, которые могут резать и мебель, и шкатулки, и доски.

И вот на последнем этапе производится окончательная обработка — резьба и шлифовка, инкрустация, морение или лакировка, и ставит-

ся имя и фамилия мастера. Зачастую сам мастер и не видит «продукт своего труда», а является просто хозяином и владельцем мастерской и занимается финансовыми делами.

Над моими детективными расследованиями процесса производства поточного «китчевого искусства» долго смеялся мой друг комиксмейкер и дизайнер Виталий Щербак: «Вы что, серьезно думаете, что художники ткнут себе холсты под размеры планируемых работ? Если вы хотите иметь полностью авторскую работу, то вам надо поискать холст плохо натянутый, на кривом подрамнике и в несуразном багете. А хотите, я напишу вам подсолнухи Ван Гога к завтрашнему утру?» Сказал и выполнил свое обещание. Утром я получил в подарок точную копию, причем соответствующую размеру, колеру и мазкам великого Ван Гога.

Впрочем, в 2003 году в Ургенче я убедился, что творят иногда и так, как я по наивности предполагал. Зайнутдин познакомил меня с мастером Хушнудом Якубовым. Устозу на вид было около сорока лет, ростом ниже среднего, молчаливый и задумчивый, богобоязненный и религиозный. Он страдал болезнью Диплоитрена — контрактурой ладонного апоневроза (после ранения правой руки циркулярной пилой). Это заболевание чревато тем, что, как правило, начинаясь в одной кисти, обязательно переходит на кисть не травмируемой руки. Заболевание развивается прогрессивно в течение нескольких лет и сгибает пальцы рук в кулаки. При насильственном разгибании пальцев контрактура прогрессивно усиливается. Для художника это трагический диагноз, хотя заболевание и лечится хирургически, но терапевтам оставляет очень узкие лазейки.

Хушнуд был беден, и я взялся поработать с ним бескорыстно, тем более надежды на исцеление у меня и не было. Курс лечения был закончен. Работы у нас было много, так что к концу командировки я полностью забыл о Хушнуде, когда неожиданно был приглашен к нему в гости. Врачи, как правило, не ходят в гости к своим пациентам, так как после гостевания на Востоке люди становятся чуть ли не родными, а у врачей есть правило — не лечить самому своих родственников и друзей. Рука обязательно дрогнет у хирурга, а терапевт обязательно выпишет не то лекарство. Нарушается традиционная рамка дистанции «врач — пациент». Врач выполнит свой долг четко и правильно, если он свободен от каких-либо эмоций и обязательств перед пациентом. Зайнутдин мой скучный речитатив пресек и пояснил, что Хушнуд воспримет отказ как нашу гордыню перед его бедностью.

Приглашение было принято, и за действительно очень скромным дастарханом, в необычайно скромном доме, он вручил мне в подарок две разделочные доски, объяснив, что над каждой трудился неделю. Я был ошеломлен филигранностью работы. В моих руках засветились два предмета высочайшего искусства. Причем резьба букв и узоров была настолько правильной, что не была похожа на ручную работу, словно компьютер по спецпрограмме нанес орнамент на дерево.

Теплая встреча в семье мастера закончилась, но история Хушнуда с его досками продолжилась, причем необычным образом. Одну из досок я подарил своему другу — хорезмийцу Аману, и она осталась в Ургенче, а другую привез

домой. Она была выставлена на обозрение в маленькой кухоньке, ею никогда не пользовались по назначению, а просто любовались.

Весной 2005 года я заметил, что она дала большую трещину, почти до середины. Я по сожалел, но действий никаких не предпринял, а осенью того же года в телефонном разговоре с Аманом я спросил, как поживает его доска. Ответ прозвучал, как гром среди ясного неба: его доска раскололась пополам. Посетовав на качество древесины, я тут же перезвонил Зайнутдину с просьбой связаться с Хушнудом и заказать ему еще несколько досок. Ответ был похож на внезапный выстрел. При всем уважении ко мне сделать этого он не сможет, так как мастер Хушнуд весной этого года повесился на цветущей яблоне в своем саду, сразу после утреннего намаза.

Я знал, что старики, прожившие жизнь вместе в любви и уважении, уходят практически вместе, животные без хозяина чахнут и умирают, растения вянут без любви, но чтобы произведения искусства, получив частицу души и любви мастера, уходили вместе с ним, я и представить не мог.

Становится понятным, почему «рукописи не горят», почему даже далекие от мира искусства люди тянутся к произведениям великих мастеров. Люди подпитываются какой-то энергией. Причем потоки энергии от этих произведений не уменьшаются со временем, а, наоборот, усиливаются, становясь теплей и лучезарней. Не знаю, что это такое. Просто чувствую. Да и кто знает, что есть истина.

В том же 2005 году я получил письмо из Ургенча от Павла Кичко, где он на трех страницах подробно описал оригинальное творчество самобытного художника Рафаэля, начавшего пи-

сать в сорок лет. В следующей моей поездке в Хорезм я, конечно же, встретился с Рафаэлем. Наше знакомство произошло в одном из ресторанов хивинской ичанкалы, куда мы были приглашены нашими хорезмскими друзьями и коллегами.

На вид сорока восьми–пятидесяти лет, Рафаэль был выше среднего роста, светловолосый, с неконцентрируемым взглядом, одет не по погоде: в ватную рабочую одежду цвета хаки с засаленными спицами на руках и ногах и потрепанную меховую башкирскую шапку с широкими полями, опущенную до плеч и с дырами, из которых выпадал мех. Не снятая за обедом шапка не позволяла судить о его прическе. Рафаэль был молчалив, мало ел и не пил спиртного. На заданные вопросы вообще не отвечал, а воспринимал их как факт желания окружающих узнать о его творчестве и мастерстве. Зато самовлюбленно рассказывал о деталях, вообще никого не интересующих.

Народ был голоден и счастлив, пробуя разнообразную хорезмскую кухню, очень отличающуюся своей диетичностью от привычной узбекской. Особенно врачей увлек рассказ о технологии приготовления тухум-барека — вареников с начинкой из яиц. Всех интересовало, как вводится яичная масса в вареник. А наевшись, сытый люд стал философствовать в других направлениях и, наконец-то, обратил внимание на «поющего» Рафаэля. Большинство не разобралось, кто он такой, откуда взялся и о чем говорит. Его странная речь шокировала окружающих, как будто он инопланетянин, говорящий на непонятном языке. Но наше удивление стало шкловым, когда через полчаса мы увидели его работы, размещенные в одной из бесчисленных гостиц ичанкалы.

Окончательный диагноз Рафаэлю Давлетшину и его работам был быстро выставлен большинством медиков. Бегло просмотрев экспозицию, через десять минут они отдыхали во дворе гостиницы, греясь на солнышке. И только несколько человек надолго застряли у экспозиции, тщательно разбираясь в сюрреалистических мотивах автора, тщетно пытаясь найти смысловую канву.

Сидящий на рельсах железной дороги, привязанный за обе руки Иисус и уходящий вдаль по полотну в белом смокинге апостол Павел — о чем это? Или стекающиеся цепочкой представители фауны из разрушенного города в трюм огромного атомного авианосца, стоящего на рейде. Последняя работа выполнена темперой на двух сколоченных листах фанеры размером 2х4 метра.

Все это мало понятно неискушенному в искусстве простому зрителю. И когда в присутствии автора я начал рассказывать о своем представлении авторской идеи, Рафаэль слушал с таким вниманием, что, казалось, впитывал сказанное, чтобы потом суметь хоть что-то пояснить о своем замысле.

Было понятно, что автор сильно не заморачивался философией в разработке своих уникальных проектов, а действовал инстинктивно, опираясь на какие-то тонкие механизмы генной памяти и предвидения.

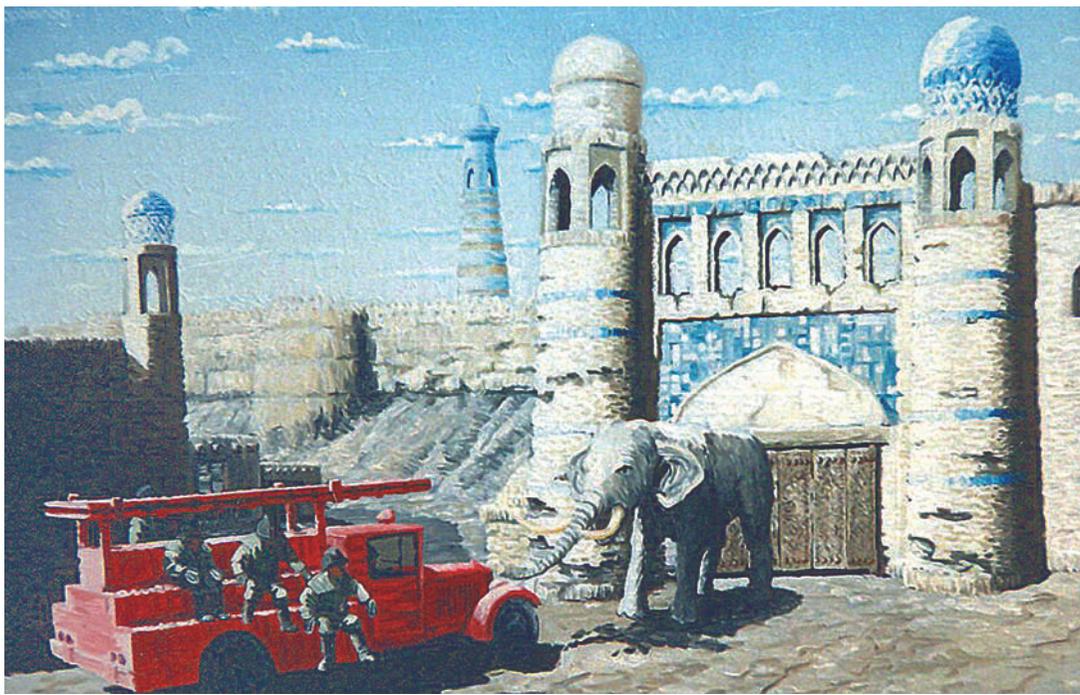
Очень интересна работа с собранными в кольцо минаретами и медресе Хивы среди других планет и систем бесконечности. Я сделал Рафаэлю щедрое предложение: перевезти работы в Ташкент и показать широкой публике, и получил категорический отказ.

У работы Рафаэля Давлетшина. Сотрудники Медицинского центра «Аник». 2005 год.

«Мои картины будут похищены, а идеи скопированы», — ответил он. И отчасти был прав. Его идея вращающихся в космосе минаретов Хивы была использована художником Виталием Щербаком в моей книге «Битлазерация шейного остеохондроза» на 104 странице в виде компьютерного рисунка. Честно даю ссылку на авторство Рафаэля Давлетшина.

Приобрести его работы я не смог из-за заоблачных по тому времени цен, поэтому

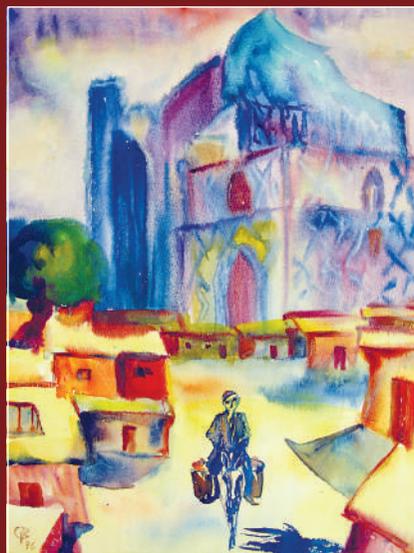
Рафаэль Давлетшин. «Хива», картон, масло, (не в коллекции).

его картин нет в моей коллекции. Наблюдая позже за развитием идей автора, я не находил роста и новаторства. А огромное количество авторских копий со старых материнских плат говорило о коммерциализации творчества создателя. Через несколько лет в полной нищете Мастер предпочел мир иной и унес в вечность свои несбыточные идеи, оставив свои работы жить вместо себя. Какова их судьба — не знаю, но, слава Богу, у нас еще есть «жулики-копейсты», которые помогут

нам зафиксировать и развить идеи творца, что и сделал в свое время давно уехавший в Украину Виталий Щербак.

Великая земля Хорезма породила многих умных политиков и мастеров. Она дала силы к творчеству великим Ибн Сино и Бируни. Трудлюбивыми руками создана жемчужина мирового зодчества — красавица Хива. Друзья мои хорезмийцы, если о ком не написал и строчки, не обижайтесь, я всех помню и люблю!

САМАРКАНД

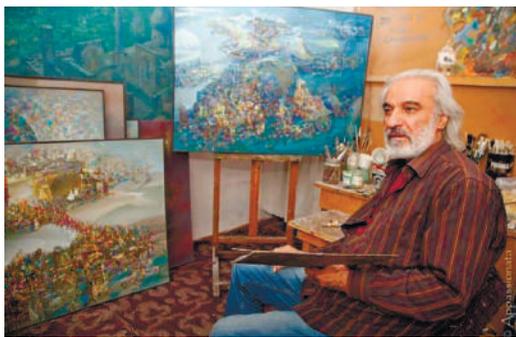

Бахрин Юлдаш
Горбачев Леонид
Дмитриев Юрий
Исаев Аслиддин
Истомина Нина
Каланов Аслиддин
Каланов Нуриддин
Кахаров Эргаш
Ким Георгий
Крикис Андрей
Мухтаров Баят
Овсюков Василий
Утешев Валерий
Фрумгарц Яков
Шарипов Таир
Шмаков Константин
Щербakov Алексей
Щербак Виталий

Верхом на красном быке

Мегалополисы центробежной силой затягивают всех движущихся и страдающих в поисках чего-то людей, а затем центростремительной (при отсутствии особых тормозных устройств, например, растопыренных карманов) беспощадно выбрасывают их за пределы установленных границ.

Молодой Аслиддин Исаев, очевидно, и не думал тормозить, увозя из Москвы, с ВДНХ, главную ее достопримечательность в горный таджикский кишлак. Конечно же, это не был грандиозный Мухинский «Рабочий и Колхозница», а очень скромное лицо армянской национальности — Тамара.

Аслиддин Исаев в мастерской.

Вечно гонимый многострадальный армянский народ, живущий по всему миру, бережно сохраняет свой Кавказ в своей душе в виде темперамента и привычек, сливая географические и духовные понятия в одно целое. Кстати, кавказцы с большим уважением относятся к народу, с которым они живут и, отвечая на их гостеприимство, знают его обычаи, традиции

и язык. Так что оставленной на три года Аслиддином, уехавшим служить в армию, жене Тамаре удалось принять обычаи его семьи и три новых для нее языка в придачу.

Вот она-то и встретила нас в своем новом доме по гостеприимным узбекско-таджикским правилам. В огромной зальной комнате за низким национальным столом и на длинных курпачах расположились: доцент-педиатр Ринат Анварович Измайлов, с которым нас связывала тридцатилетняя дружба; мой свояк — Сергей Александрович Чередниченко, подполковник в отставке, заместитель по «спецвопросам», помогающий мне в «сталкерской деятельности»;

Ринат Измайлов. 2009 год.

С Сергеем Чередниченко. 2007 год.

С Акбаром Фазыловым. 2006 год.

Акбар Фазылов — художник, работающий в то время директором галереи «Чорсу», расположенной возле Регистана, и сам хозяин дома, мой любимый художник Самарканда — Аслидин Исаев.

Разговор шел о строительстве его нового дома и о недавно завершённой работе в одной из галерей Кореи. Там он маслом написал около двадцати живописных работ, проданных галерейщикам на месте. Богатым не стал, но части полагаемой ему суммы как раз хватило на завершение строительства. Поездка в Корею позволила произвести переоценку ценностей и увеличить стоимость своих работ вдвое по сравнению с прошлым годом.

Одним из важных моментов моего визита к Аслидину было получение совета или его мнения о приобретении работ самаркандских авторов для моей очередной выставки. Ответ

был однозначен: конечно же, он сам, Андрей Крикис, Леша Щербаков и Василий Овсюков. Последних двух авторов я не знал, хотя работы А. Щербакова уже видел в фотографиях, а произведения В. Овсюкова ранее покупал через посредников для подарков. Они были красочные, богаты национальным фольклором, но не оригинальны, так как несли смесь уже знакомых стилей начала двадцатого столетия. На этом и остановились, дав мне простор для будущей исследовательской жизни в современном искусстве бывшей столицы региона.

В семье А. Исаева не соблюдался строгий мусульманский адат, но правильно, по-восточному воспитанная Тамара подседа к нам по приглашению в гастрономической части визита и только в его завершающей чаевой фазе. Благодарные радушному приему, мы долго обнимались и говорили друг другу

Андрей Крикис на открытии выставки в театре Марка Вайля «Ильхом». 1989 год.

приятные слова, и на другой же день поехали с Сергеем и Аслидином за работами Андрея Крикиса к его вдове Люде.

Сергея — высокий, крепко сколоченный седеющий блондин, был счастливо женат на младшей сестре моей супруги, честно отслужил свой срок в МВД, получив звание подполковника. Ничего не прихватив с собой, но изрядно потрепав нервишки, на пенсии, еще

молодым он примкнул к моей команде, заменив мне недостающего брата, помощника и советчика. Год за годом я с интересом наблюдал, как в нем открывались удивительные таланты, крепко схороненные (за ненадобностью) в его военной службе.

Вот он-то и пошел первым за Людой в холодный, сырой и неосвещенный подвал, на спуске в который большими буквами было

Алексей Шербаков с работами. 2007 год.

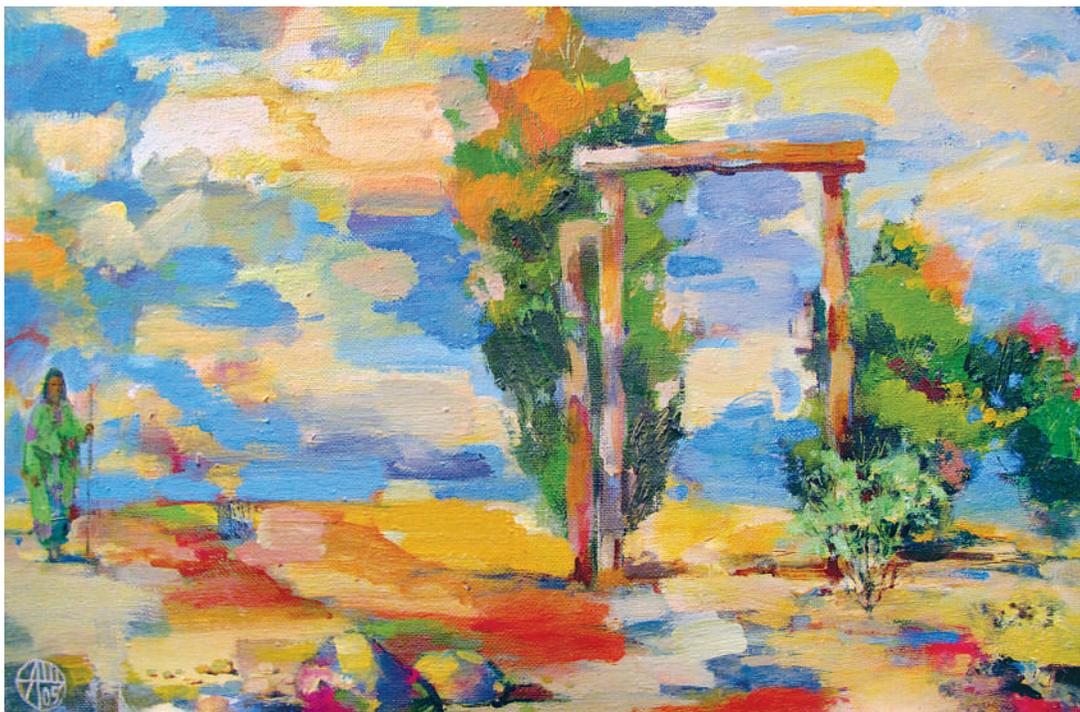

Алексей Шербаков за работой. 2007 год.

написано «БОМБОУБЕЖИЩЕ». Подвал находился под двухэтажным домом, пряча работы Андрея Крикиса от света и недобрых глаз. Последний раз несколько больших работ А. Крикиса я видел лет пятнадцать назад в Выставочном зале Союза художников на выставке «Сейсмограф», спонсированной какой-то швейцарской фирмой. На одной из них (если мне не изменяет память) изображались сидящие друг против друга нагая женщина и

волчица-мать. Сюжет, очевидно, был навеян какими-то переживаниями, страхами или болезнью автора, неколоритен, но дерзко красив в своем авангардно-наивном решении.

В одной из клеток вспыхнула лампочка, и мы вошли воистину в «кладовую» работ незаурядного человека и таинственного мастера — Андрея Крикиса. Большинство работ было выполнено на фанере, ДВП и ДСП не в витеевато-красочном режиме, но само их решение и построение

**Алексей Щербаков. «Калитка», 2005 год,
холст, масло, 66 x 46 см.**

сюжетов, связанных с какими-то глубокими переживаниями автора, удивляли и восхищали.

Мои восторги намного поубавились во время разговора о ценах на картины, построенных по европейским стандартам, что указывало на нежелание хозяйки расстаться с ними на нашем рынке и о высокой оценке творчества своего мужа после его трагической смерти.

Я был очень благодарен Люде за возможность персонально познакомиться с жиз-

нью и творчеством одного из загадочных и таинственных мастеров нашего времени, да и Аслиддин получил удовольствие, увозя подаренные Людмилой старые подрамники и полусохшие краски Андрея Крикиса.

Через несколько дней, по подсказке Аслиддина Исаева, я двинулся в сторону «Супера» к Алексею Щербакову. Так называют рабочий городок когда-то очень известного в регионе суперфосфатного завода, где и находились

Василий Овюков в своей мастерской.

мастерская и жилище художника. Со мной в салоне новенькой «Волги» путешествовали мой свояк Сергей и друг Ринат, из интеллигентной казанско-татарской семьи, энциклопедист, большой знаток человеческой психологии, поехавший с нами ради компании. Он в детстве переболел «фестивальным» полиомиелитом, прихрамывал, пользуясь изящной тростью не для форса. С нехитротатарскими большими зелеными глазами на скуластом лице, сухощавый, среднего роста он олицетворял всегда у нас образец воспитанности, галантности и глубокого познания человеческой души. По этому же пути находилась мастерская талантливого акварелиста Василия Овсюкова. Талант художника проявился в декоративной стилизации тем бытовой жизни Востока. Оригинальность мастера вдохновила меня на пополнение моей коллекции работами Василия Овсюкова.

Василий Овсюков. «Ослик», 2007 год, бумага, акварель, 18x24 см.

Мы поднялись по деревянной лестнице на второй этаж и попали в малогабаритку сталинского стиля с узкими коридорами и двумя небольшими проходными комнатами. Нас встречал хозяин — плотный, жизнерадостный, среднего роста горбун, с крепким рукопожатием. Горб у Леша — это память о перенесенном в детстве костном туберкулезе. Пришлось мальчишке помяться по больницам и интернатам, что оставило глубокий психологический след и в жизни, и в искусстве.

Леша, конечно же, был заочно знаком со мной по рассказам друзей-художников и очень внимательно рассматривал меня, пока я, не менее внимательно, изучал его творчество. Моя максимальная открытость и большой интерес, который я проявлял к его работам, обескураживали художника. И когда через час я предложил ему оценить и продать 14 работ, выполненных маслом, он присел на табурет, явно шокированный, и сказал: «Но подождите...» Удивленно помолчав, он добавил, что у него есть еще несколько работ в галерее «Чорсу».

Леше на вид лет 50. Хорошо сохранился его жена Лара, а ведь через год он собирался справлять свой 60-летний юбилей. Крепко пожав друг другу руки, мы расстались на два дня. Я всю обратную дорогу думал, что надо помочь мастеру в организации юбилейной выставки в Ташкенте. А через два дня я купил около 100 графических работ. Леша долго всплескивал руками и причитал: «Как это? Ну, зачем так много? Зачем вам?»

Кстати, в «Чорсу» у Акбара я действительно нашел серию интересных работ А. Щербакова. Особенно мне понравились две — «Согдийка» и «Мечта». (Вскоре автор подарил их мне за активное участие в поправке здоровья его семьи).

На первой изображена женщина в одеянии 13–14 веков, держащая в руках по стреле. Одну — горизонтально, а другую — наконечником вниз, всем своим видом показывая, что она не хочет войны и страдает в своем вдовьем одиночестве. А сверху на нее смотрит такой же одинокий кеклик. Все это написано на фоне с преобладанием зеленых тонов.

На второй картине — «Мечта» — женщина на корточках продает домашнюю утварь, сушеные пустые тыквочки, кувшины, бусы. Грустный вид и безысходность положения, синий траурный цвет платья и скудность продаваемого скарба говорили о тушиковости ситуации в жизни молодой и красивой, но, очевидно, уже вдовы.

Большинство работ настоящего периода в творчестве А. Щербакова выполнены минорно, с присутствием в композиции зверушек, птиц и, особенно, насекомых — все это усиливает эту самую минорность. Иногда животные явно доминируют в композиции, что, возможно, говорит о глубоком одиночестве и каких-то внутренних страхах мастера. Помните кузнечиков Сальвадора Дали, которые внушали ему панический ужас, и страшных животных, которых он изображал на своих полотнах, пытаясь тем самым избавиться от навязчивых видений.

Странная судьба ждала эти две работы после того, как я отметил их вниманием. Через две недели они перекочевали из холодного и сырого склада «Чорсу» в теплое общежитие железнодорожников, где хранилась часть моей коллекции, не приняв участия в первой передвижной выставке «По Великому шелковому пути». Картины там немного «погрелись», сладко натянувшись на подрамниках, ожидая своего выставочного часа. Но вскоре твердая рука Сергеи снова вернула их в холодное хранилище, так как Лара в телефонном разговоре намекнула мне, что Леша заскучал без этих работ. Я посчитал нужным вернуть подарок автору для его юбилейной выставки, где они будут «атлантами» композиции. А какая судьба их ожидает по-

Константин Шмаков. «Спящее озеро», 2001
год, холст, масло.

том? Воистину, картины-путешественницы, но ко мне они больше не вернулись.

Честно говоря, я так ни разу и не встретил ни одного художника, который бы без боли простился со своими работами. Эмоциональный спектр простирается очень широко: от простого сожаления до слез. Однажды я и мои сотрудники были свидетелями, как мой товарищ — художник Леня Горбачев не смог проститься со своей картиной и через полчаса после продажи под плащом унес свое детище домой. Я никак не отреагировал, а мои коллеги долго смеялись, расценивая меня и Леню как двух идиотов.

Пожалуй, единственным человеком, которого не интересовали свои картины, был художник Шмаков из творческой мастерской Якова Львовича Фрумгарца, что была развернута в Ташкентском дворце культуры текстильщиков. Его вообще ничего не интересовало после смерти жены, он стал блаженным, питался отбросами на рынках города. Его друзья Валера Утешев и Юра Дмитриев (кстати, прекрасные живописцы и графики из того же коллектива) пытались помочь ему финансово, продавая свои и его картины. Но это были не легкие 90-е, и произведения искусства никто не покупал.

Шмаков был «горист», и его экспрессивно выполненные работы, в основном темперой, очень хороши. В моей коллекции их 10. Очень мне нравится «Спящее озеро». Это занесенное снегом жерло вулкана, а внутри — замерзшее озеро. Прекрасная работа в сине-белых тонах долго висела у меня за спиной в рабочем кабинете. И теперь она находится в массажном кабинете медицинского центра и постоянно, даже при смене экспозиции, радует детей со сколиозом и детским церебральным параличом.

Картины Шмакова, помнится, были выставлены на всеобщее обозрение в длинном, узком и плохо освещенном коридоре Дворца культуры текстильщиков, где в то время находился мой Медицинский центр. Последние работы мастера выглядели просто угрожающе. Темной темперой на фанере были прописаны узкие тесные скалы, внизу маленький ручеек стремнины. Ландшафт был изображен сверху, и деваться смотрящему было некуда, кроме как «падать» вниз. Полотно написано грубыми широкими мазками. Между последних картин, таких же экспрессивных и темных, окошками дарящими свет, были представлены более ранние — светло-розовые, светло-голубые, оранжевые. Болезнь Альцгеймера отняла у него всю память о творчестве, потом и жизнь, в начале 21 века, а «Спящее озеро» осталось! Спи спокойно, дорогой товарищ — Костя Шмаков. Дети твои живы и радуют зрителей.

Валера Утешев не надеялся продать все, и, когда я, не торгуясь, купил работы оптом, он на следующий день предложил мне еще 20. Среди них были и его работы, и Ю. Дмитриева.

Это были прекрасные акварели и несколько работ маслом. Самая красивая из них — натюрморт с сиренью — прямо со стены моей клиники была подарена супруге посла России в Узбекистане госпоже Рюриковой.

Уезжая в командировку в Самарканд в ноябре 2007 года, я выслушал совет моего первого искусствоведа Елены Филатовой: обязательно посетить там дядю Жору Кима и, по возможности, приобрести его графику. Я был удивлен тем, что его знают столичные «спецы», а вот в Самарканде я ничего лестного о нем не слышал. У меня даже не было желания смотреть его работы. Когда разговоры заходили о дяде Жоре, многие просто щелкали большим и указательным пальцами сбоку гортани. Хотя отрицательного я о нем тоже не слышал. Создавалось впечатление, что он всем брат по кисти, но уже давно не конкурент, и с ним можно просто посидеть, выпить, посудачить о жите-бытье в его суперсыром и сверхзахламенном подвале мастерской под зданием Союза художников.

Если смотреть на мастерскую со стороны Регистана, то вход в его катакомбы был по левую руку торцевой стороны здания. Спуск в подвал ранее был открытым. Только толстая железная дверь в саму мастерскую была границей между «грешным миром» и «святой святых», но после сильного пожара, унесшего много работ мастера (ответственность на себя никто не взял), несколько лет назад была пристроена, вернее, приварена треугольная клеть из арматуры, защищающая вход в подвал.

Итак, включив фонарики зажигалок, темным декабрьским вечером мы с Сергеем стали спускаться в мастерскую, как альпинисты

В мастерской Георгия Кима. 2007 год.

в связке, осторожно наступая на колотый кирпич и щебень. Было впечатление, что водитель самосвала с мусором, не найдя другого места, разгрузился именно там. Но то, что мы увидели, безусловно, стоило того, чтобы пробиться через любые преграды.

Мы попали в холодное и сырое помещение: обгорелый потолок, на полу тот же толченный кирпич и доски, полумрак. Но, как только глаза освоились, я увидел потрясающие работы великого мастера. Настроение поднялось до воодушевления. На стенах была вывешена графика дяди Жоры. Это была просто феерия

графического искусства, игра цвета, фантазии, от соцреалистических направлений конца 60-х, вполне понятных каждому смотрящему, до философских работ космического плана, напоминающих взрыв сверхновой звезды и создания Вселенной. Я не мог оторвать взгляд от одной из картин — мне казалось, что ноги мои оторвались от бетонного пола, и я улетаю в одну из спиральных труб, уходящих в бесконечность.

На рабочем верстаке, помимо всяких инструментов, находилась пара сотен нецке, которые меня тоже поразили. На антресолях уныло жались друг к другу скульптурные рабо-

Георгий Ким. «В спирали», 1995 год,
бумага, акварель, 13 x 19 см.

ты, прилично обгоревшие в пожаре и обильно покрытые паутиной. За спиной я услышал голос хозяина, он читал стихи.

*Скажи, откуда все мы появились,
С каких заброшенных миров,
И здесь в кого мы превратились,
Забыв напутьствия богов?*

Обернувшись, я увидел плотного, крижистого человека, одетого в дешевый китайский спортивный костюм. На ногах были до ужаса

растоптанные кроссовки, очевидно, из той же страны мира. На большой голове — вязаная шапочка. Фланелевая рубашка в темно-коричневый кирпичик застегнута на все пуговицы. Роста он был небольшого. Чтобы увидеть лицо дяди Жоры, Сереге пришлось наклониться. Дядя Жора был слегка пьян, широко улыбался, лицо его светилось доброжелательностью и тоской. Он положил мне руку на плечо и еще раз продекламировал стихи.

В мастерской Георгия Кима. 2007 год.

«Ну, что ты здесь видишь?» — спросил он, указывая на небольшую работу, выполненную в непонятной мне технике. Мне было стыдно, но я ничего не видел. «Похоже на горь», — неуверенно сказал я, сославшись на отсутствие очков. Дядя Жора рассмеялся и сказал: «Здесь, милый мой, два глаза не помогут, нужен третий. Это же седые головы многовековых старцев, молчаливо общающихся друг с другом». Насчет третьего глаза все в порядке оказалось у Сергея Александровича. Они с Жорой легко общались на одной волне, рассматривая его живопись и графику. Кстати, его особое «зрение предмета» помогло очень быстро освоить фотографическую технику, глубоко проникая в композицию и философию снимка, эта чудесная книга «вре-

мен и народов» наполнена хорошими работами благодаря «чудесному зрению» дяди Сережи.

Но почему-то вспомнилась выставка великого Чюрлениса, на которой я побывал в начале 70-х в Третьяковке. На ней были собраны работы из его Дома-музея в городе Друскининкай, из частных и государственных коллекций. Это был феерический праздник света, тени и музыки, который до сих пор живет в моем сознании, как тепло благодатного огня, согревая мне душу. Это была победа других форм искусства над впитанным с молоком матери соцреализмом. И я окончательно понял, что искусство многообразно, как Вселенная. А наши пристрастия — лишь дело вкуса, не более того. Поэтому и работы дяди Жоры «принадлежали» только тем, с кем он мог говорить наравне. И был у него, конечно, ключ к пониманию его работ: Георгий Николаевич Ким был даосом. Он следовал своим путем, и этот путь озарял его Дао.

Даосизм — философия, основанная на эмоциональном восприятии мира. Древние даосы (упоминание о них есть в трактатах китайской философии «Чжуаньцзы» и «Меньцзы» в 3 веке до нашей эры) были счастливы своим единением с природой, с Космосом. Они искали его в любой форме бытия и были уверены, что весь окружающий мир одухотворен. Так и дядя Жора искал в малых формах монументальность, простыми символами пытался передать тайны зарождения жизни и ее апокалипсиса. В каждом камне, цветке найти музыку, выразить ее в цвете, символами или полутонами, и все это подать себе и людям.

С Георгием Кимом перед открытием выставки в галерее «Чорсу» в Самарканде. 2007 год.

Дядя Жора читал мне стихи о суетности мира, о том, что эта суетность идет вразрез с накоплениями всеобщего разума. Я не могу воспроизвести их, как, думаю, невозможно скопировать его картины даже сильным копиистам. Слишком много в них движений души. Гениальность этого мастерства заключается в умении увидеть космическое во всем, что его окружает. Это было его Дао — миропонимание и любовь.

Минут через 45 нашего общения женский голос вернул нас на грешную землю. За моей спиной стояла красивая блондинка утонченных форм, русского происхождения. Она была повелительно строга. Я представился, и это на короткое время смягчило обстановку. Но ее решимость забрать дядю Жору из подвала не имела границ. Мы с Сергеем откланились, пригласив ее посетить наш медицинский центр. Супругу дяди Жоры звали Леночкой. Он нашел ее во Владимире, где отдыхал по туристической путевке, влюбился и привез в Самарканд. Вместе вырастили красавицу-дочку.

Мне очень понравилась одна акварельная работа мастера: на переднем плане огромные зрелые одуванчики, как космические корабли, а вдали, очень мелко — Владимирский кремль. Такой ракурс возможен, если художник лежит на луту. Когда я попросил продать эту работу, то получил отказ. Она была дорога воспоминаниями. И вообще, дядя Жора ничего не хотел продавать. Он объяснил это тем, что живет в достатке, продавая свои произведения в Америке и Москве. Это были графические работы и пластика малых форм — нецке. Он отвез большое их количество в Нью-Йорк и Москву, очень успешно (и в финансовом плане тоже) провел там выставки, а оставшиеся работы оставил для продажи своим сестрам, живущим в этих городах, но по суперскромности его життя-бытия можно было предположить, что он обладает архискетичным Дао.

С дядей Жорой мы никогда не говорили о финансовой стороне, для него эти вопросы всегда были сложны. Решать их нам помогала Леночка. Мы без особых метаний приходили к

Искусствовед Наталья Глазкова и скульптор
Нина Истомина. 2008 год.

консенсусу. И после нескольких наших встреч с чудесным мастером-философом я приобрел около 20 прекрасных графических работ — драгоценность моей коллекции.

Через несколько дней после нашей последней встречи Георгия Николаевича Кима, дорогого дяди Жоры, не стало. В один день состояние его резко ухудшилось, и аппарат искусственного дыхания не смог вдохнуть в него силу Космоса и любящих его людей. Сев на своего черного быка, по открытым им самим

космическим спиральям и тропам он ускакал в бесконечность, научив нас любить свой Мир и Космос, и вообще — любить.

Всего за 3-4 часа нашего общения он научил меня летать, поднимаясь в безбрежный Космос, черпая его бесконечную энергию, и уходить глубоко в недра, познавая сущность происходящих явлений. Намеренно обозначив нашу последнюю встречу апострофами, я думал: а может быть, еще встретимся с дядей Жорой — он на красном быке, а я на черном — в бесконечных спиральях космоса.

В июне 2008 года мы вновь работали в стольном городе Мараканд. Это прежнее название столицы тимуридов. Жил я на этот раз в самом центре города — Коксарае, в бывшем доме номенклатурных сотрудников. На этом месте до 20-го столетия находились казармы, выстроенные в середине 19-го века генерал-губернатором Кауфманом.

В первый вечер приезда я вышел погулять по красивому вечернему центру Самарканда, и ноги сами привели меня в маленький домик «шанхайского типа» на улице Дагбитской, где я вновь встретился с Леной Ким. Горечь утраты любимого сильно обострила ее чувства. Через свои работы дядя Жора общается с ней, она разговаривает с ним, познавая более глубокое содержание его работ. Она вспоминала, как муж сидел на маленькой кухоньке и валял свои малые формы, а она ругала его, потому что в доме не было еды.

Я рассказал ей о моем описании жизни и смерти Георгия Николаевича, о том, что мы, возможно, когда-нибудь встретимся с ним в бесконечных спиральях Космоса — он на крас-

ном, а я на черном быке. Она подняла удивленно глаза и сказала мне, что у меня мания величия, что на черном быке может скакать только великий Лао-Цзы. Я долго извинялся за бестактность и незнание и пообещал, что пересяду на быка незанятого цвета. Слава Богу, что палитра цвета так же бесконечна, как и Космос, и каждому всаднику будет предоставлен тот цвет, который он заслужил.

Я предложил ей провести к году кончины выставку работ дяди Жоры в Ташкенте и издать каталог и получил отрицательный ответ. Она сказала, что и при жизни он никому не нужен был, и никто его не понимал, и оценить его творчество здесь некому. Ну, придет человек 20–30 знающих его художников и искусствоведов, попьют водки, потрясут головами и разойдутся. Обещала увезти все его работы на свою родину во Владимир и там все это сделать.

Я все же сделал дяде Жоре — моему учителю — скромную поминальную. Оформил около тридцати работ и пригласил художников и искусствоведов. Действительно, пришли около ста человек, поели плов, попили водку, но я почему-то был счастлив сделать это.

В те еще не далекие двухтысячные арт-рынок Самарканда напоминал Хорезмийский и был более похож на базар. Мастерские, лотки, дуканы, барахолки реализовали кучи китчтовара, пестрого но дешевого для интуристов пенсионного возраста. В отличии от Ургенча, здесь уже были организованы несколько серьезных артгалерей, где шатко-валко, правдами и неправдами реализовали серьезную живопись, занимаясь в основном выставочной деятельностью.

**Сергей Чередниченко и Нина Истомина
в ее мастерской. 2007 год.**

Серьезный товар — ковры из натурального шелка ручной работы — продавали по домам или в темных подсобках Регистана, и только для «хороших людей». Цивильный арт-рынок и здесь тяжело поднимался с колен.

В декабре 2007 года еще ничего не предвещало холодной зимы, и в Самарканде начались дожди. Таким дождливым днем с Лешей Щербаковым и Серегой я направился в гости к скульптору Истоминой Нине Павловне. Ранее мы не были знакомы и первый раз встретились неделю назад на моей выставке в «Чорсу». Там, во время фуршетной части, ко мне подошла женщина, одетая скромно, ничем не выделявшаяся из группы женщин человек в 10–12, и предложила посмотреть свою коллекцию раритетных работ известных авторов 40–50-х

годов. Через несколько дней мы посетили ее дом, и нас встретила Нина Павловна, постаревшая на несколько лет, так как женщины в домашнем одеянии выглядят всегда старше и, очевидно, напоминают, по Фрейдю, мужчинам своих матерей, это, очевидно, и заставляет носить их эту «камуфляжку».

Я всегда затрудняюсь с точной оценкой возраста женщин. Женщины, связанные с тяжелым сельхозтрудом и много рожавшие, выглядят старше своих лет. К этой категории относятся также женщины, которые считают себя несчастными, неудачливыми, живущие в минорном ладе и для музыкального сопровождения жизни выбирающие реквием. На консультации, чтобы их не обидеть, я всегда снижаю их возраст лет на 10 и, в основном, попадаю точно.

Городские женщины из интеллигентных семей с преобладающей долей умственного труда, используя преимущества городской жизни, конечно же, выглядят несколько моложе своих лет. Некоторые из них, доходя до невроза с косметологическими операциями, выглядят в свои 70 как молодые китайки. Обмануться можно и здесь, но походка, глаза, волосы, кожа рук и шеи выдают возраст, и ты про себя думаешь: «Мадам, а ведь уже падают листья».

Мы прошли через маленький дворик, перепрыгивая через лужи под звонкое тявканье маленькой симпатичной собачки Умки, и попали на деревянную веранду, полностью заваленную остатками скульптурного производства, которые, как говорят, жалко выкинуть. Во второй, чуть большей комнате я увидел хаотически расположенные скульптуры соцремени

**Встречи с Ниной Истоминой.
2007 год.**

и соцреализма, изрядно подернутые пылью. Посреди комнаты на обшарпанном стуле стояла картина 70-х годов, выполненная маслом, НЮ большого размера, в полностью убитом состоянии. Фигура женщины на темно-синем фоне была выполнена в стиле Босха и Кустодиева. Время и условия хранения не пощадили этого произведения.

— Это работа моего покойного супруга-художника, — сказала Нина Павловна.

В большой дальней комнате меня удивил красивый камин, уже давно никем не разжигаемый. Дизайнерское его решение было очень удачным. Над камином и на нем находилось большое количество мелких изделий из шамота, очевидно, предназначенных для продажи и совсем недавно изготовленных. В столовой комнате мебельровка показала себя чрезмерно скромной — старый диван, шкаф, стол и разнокалиберные стулья. Однако художественное оформление выглядело шикарно. Скульптуры

показывали высокое мастерство их творца. Над столом висела шикарная работа Андрея Крикиса, но больше всего меня поразили две фотографии, с которых на меня смотрели молодые мужчина и женщина — дети Нины Павловны. Они были так великолепны, так красивы, так очаровательны, что я несколько минут не мог оторвать глаз. Дети, подумал я, все же самые замечательные ее произведения. Ваять их и воспитывать десятки лет было, наверное, самой трудной, но и самой радостной работой мастера Истоминой.

— Они уже давно в России, — прервала мои мысли Нина Павловна.

— Уеду и я к ним. Буду помогать. Они, как и я, скульпторы.

Я приготовился снимать на камеру увиденное, но Нина Павловна настояла, чтобы я не снимал работу А. Крикиса. На мой немой вопрос сразу же получил ответ:

— Люда Крикис узнает, что у меня работа Андрея, — заберет.

Я был ошеломлен.

— Как заберет? Вы что, украли эту работу?

— Да Бог с вами, о чем вы говорите? — ответила она. — Работу эту мне подарил Андрей. Но Люда судилась с людьми, которым Андрей дарил свои работы, и выигрывала в судах. Может быть правильно поступила Люда, собирая те камни, которые разбрасывал Андрей, ярко проживая свою судьбу, творческую и личную жизнь. Кто-то должен был их собрать для дома, для семьи. Ведь ни один музей, ни частный коллекционер не собрал эти драгоценные камни. При жизни Андрея и по сей день не вышло ни одного каталога его работ. Вот и при-

шло Людмиле (замечу, ни тем, кто его любил и боготворил, ни тем, кто много обещал и ничего не сделал) выпить чашу его любви и горечи, счастья и разочарования, известности и забвения, хорошего и плохого до самого дна и сложить противоположные Ян и Инь в идеальный круг. Дай Бог, чтобы это пригодилось кому-то в будущем.

Я выдержал все рамки приличия и границы дозволенного, однако, очевидно, не рассчитывая на нашу интеллигентность, картину предусмотрительно убрали со стены в следующий наш приход. Век живи и век учись.

Мы встречались с Ниной Павловной еще несколько раз. Обсуждали написание книги о Рождественских, очень интересной семье художников, основавших в 20-х годах прошлого столетия соцреалистическое направление живописи в Узбекистане. Кстати, сам Леонид Владимирович потерял правую руку на пику своего творчества и переучился писать левой так, что никто не мог увидеть разницы. Это великий подвиг во имя искусства.

Его дочь Люся тоже стала художницей. Она была подругой Нины Павловны и завещала свои работы и часть работ отца ей, помогавшей самоотверженно в период тяжелой болезни Люси. Нина Павловна показала мне фрагменты своей работы — кованные ворота для музея современного искусства в Ташкенте. Я был очарован этой работой, и не верилось, что женщине удалось совладать с таким количеством металла. Какая нужна сила души и сила мышц для ваяния такого произведения.

Мой холерическо-демонический, экстравертный характер сильно напугал Нину Павловну. Она давно привыкла жить одна,

прислушиваясь к струнам лиры своей души, потихоньку распродала раритеты прошлых лет и мечтала о воссоединении со своей семьей в России. И вдруг в эту жизнь врывается такой «шаман» с бубном, от звуков которого тонкие струны ее успокоенной души стали резонировать: не те звуки, не те мелодии.

Так же мне довелось поручаться еще с одним скульптором — Эргаш-акой Кахаровым. Его мастерская располагалась сразу налево за входом в доме художников.

В большой комнате меня встретил светлый и теплый, низкорослый и кряжистый мастер. Добродушно улыбаясь, он светился ярче чем стоваттная лампочка над его головой, вторая лампа, давно расставшаяся с напряжением, была похожа на айву с толстым ворсом пыли. На двойных полках вдоль стены теснились бюсты мужчин и мальчиков – типажи 60-80-х годов, давно забытых хозяевами и родственниками. Из этой череды прикоснувшихся к вечности образов особенно запомнился бюст ваятеля, очень образный и имеющий портретное сходство с мастером. На маленьком столике ощетинилась орда воинов Тимура из обожженного шамота, (устремленных к бою на рынке сбыта сувенирной продукции) маленьких но готовых за доллар защищать интересы родины во всех уголках планеты.

Крепко завязались теплые и доверительные отношения между двумя мастерами. Помогая Эргаш-аке в его хозяйственных и производственных делах я получил предложение попозировать для подарочного бюста, который, на мой взгляд, удался. Так же удалась и его судьба, так как умер он в возрасте 63 лет в

Скульптор Эргаш Кахаров. 2007 год.

апреле 2012 года (для мусульман уйти в возрасте Пайгамбара очень свято), оставив мне и бюсту жить дальше. Спасибо всем зодчим Великого Самарканда, создавшим один из лучших городов планеты. Доброй памяти гениальным и простым мастерам! А вот моего друга Аслидина Каланова простым мастером я бы точно не назвал. Он очень загадочен, хотя большая часть его работ вполне реалистична, но идея и мысль, вложенная в картину, открывается лишь при подсказке автора.

Познакомились мы очно-заочно в том же Самарканде. Родился он в кишлаке Кум близ Нураты в 1960 году, но со своим знаменитым братом Нуриддином давно уже жили в столице Тимура. В одну из наших командировок в этот чудесный город, ко мне обратился мой свояк Сергей, с предложением купить у Аслидина семнадцать живописных полотен. Я был очень удивлен и встретился с автором. При встрече он объяснил, что работы не продаются, а ему хотелось бы коренным образом изменить

С Сергеем Чередниченко, Аслиддином Исаевым, Эргашем Кахаровым, и Туркманом Эсоновым

жизнь, избавиться от прежнего багажа, переехать в Ташкент и начать новый этап жизни. Его искреннее желание порвать путь и вырваться из круга, который давно стал удавкой непонятной лишь тем, кто никогда не желал изменить свою жизнь к лучшему.

Я никогда не жалел о моем приобретении, хотя взял эти работы не смотря, так я нашел себе друга, романтического и загадочного Мастера, любящего нашу родину и уважающего своих предков. Распорядившись работами по справедливости, оставив часть реалистических (по теме материнства и детства) городскому хокимияту, а по-братски часть (романтических) – моим друзьям – Самаркандцам и по-мудрому часть работ довел до своей пинкотеки в Ташкенте.

Среди них была любимая «Унесенные ветром», написанная в 2006 году на приличном по размеру холсте приблизительно 140x100 сантиметров. На ней изображено торнадо,

Аслиддин Каланов с картиной «Унесенные ветром». 2007 год.

скручивающее и уносящее куда-то вдаль куски ковров, сюзане, обломки бишека, осколки кирпичей, елочные игрушки и другую атрибутику прошлого детства.

Работа минорная, ностальгическая, хотя написана яркими, жизнерадостными красками и в хорошем темпе. Впрочем, это удачное асоциальное решение он повторяет в будущих своих работах, урезая или пастерелизуя восприятие. Понравились две работы – «Гутовник из далекого детства» и «Город, где я

родился». Если в первой разобраться легко, то со второй пришлось повозиться.

Удалялся, тыкался носом и нюхал, заходил и справа, и слева, надевал и снимал очки — результат оставался нулевым. Казалось бы, писана просто — на большом холсте прямо посередине большой концентрат прямоугольников, квадратов, треугольников, от которого на периферию тянутся тонкие нити. Пришлось обратиться к автору. На ходу, не прекращая своего выставочного дефиле, он ответил: «Это мой родной Нурата с высоты полета души». Все стало понятно. Смотреть надо было сверху. Это как карта города с расходящимися на периферию дорогами. Аслидин в Ташкенте стал моим учителем, помогая глубже разбираться в искусстве и смотреть на жизнь.

На одной из выставок самаркандских художников ко мне подошел человек, которого я уже встречал на презентациях и выставках, но он всегда держался в стороне от группы своих коллег и при мне никогда не участвовал в желанных всеми поствыставочных алкошейшенах. Представился — самаркандский художник Шарипов Тоир и сопроводил меня в осмотр экспозиции. На все мои вопросы относительно работ отвечал коротко: «Не годится, сырая, говно, бестолковщина неудачная». Когда я спросил, какая же работа ему больше понравилась, он также коротко ответил — никакая! Чуть задумавшись, сказал: «Здесь никто не может писать». Такого цинизма я еще не встречал. Конечно, зачастую художники хулят работы своих коллег, но в кулуарах, тет-а-тет. Воспитанные и интелли-

С Тоиром Шариповым. 2009 год.

гентные мастера даже говорят комплименты, но думают все же, что они лучше, чем другие.

Его мастерская, недалеко от галереи «Чорсу», располагалась на втором этаже комплекса творческих мастерских и напоминала антикварный магазин. Старинные чапаны, тубитейки, сюзане, ковры были расположены демонстративно это была серьезная коллекция одежды и утвари прошлых лет, видимо, собиралась десятилетиями.

Да и работы мастера оказались, к моему удивлению, очень сильные и философские. Наш контакт с устозом был молниеносным и дружба не успела укрепиться, но я с удовольствием купил тридцать или сорок графических работ, часть из которых полюбил.

В конце сентября 2005 я запланировал привезти и показать самаркандскому зрителю многообразие работ в моей коллекции. Выставку решил назвать «Во имя мира и любви». Экспозиция выставки включала следующие разделы: «Восточный авангард», «Джон Лен-

Самаркандские художники перед открытием выставки «Во имя мира и любви», организованной Алексеем Назаровым в галерее «Чорсу» в Самарканде. 2005 год.

нон — Человек мира» с работами Виталия Шербака и «Метаморфозы» со скульптурами Баята Мухтарова в стиле пластики из своей коллекции.

Рядом с маститыми мастерами всегда жили подмастерья, ученики и дилетанты. Большинство использует это слово как оскорбительное, но с латыни *dilekto* означает «улаждаю»

или «забавляю». Да и все мы начинаем наши первые шаги в чем-либо как дилетанты и только тогда, когда мы задерживаемся, длительно тормозим или оставляем свой вектор развития, нас можно так назвать. Хотя время, на которое мы опираемся в своих расчетах, совсем не однозначная да и непонятная до сих пор величина.

С Баятом Мухтаровым на выставке в галерее «Чорсу» в Самарканде. 2005 год.

Наивное искусство Пиросмани мы же не называем дилетантским. Любой музей мира с гордостью принял бы хоть одну его работу. Таким образом, в 1961 году родился мальчик Юдаш в кишлаке Бахрин Иштыханского района Самаркандской области, который через 30 лет жизни начнет штурмовать Олимп искусства, напроочь отказавшись от судьбы кишлачного агрария, получив заочное художественное образование и присвоив себе псевдоним Юллош Бахрин, начнет пробовать себя в философии.

Баят Мухтаров. Скульптура «Памяти о Царице Тумарис», 2000 год, дерево.

Встретившись с ним сразу после выставки, посвященной П. Кичко, в 2015 году на ступеньках Центрального выставочного зала Академии Художеств Узбекистана, долго беседовали на различные темы вокруг творчества. Расставаясь, он подарил мне несколько толстых покоробленных рогалятных досок с наивными, но философскими изображениями. Мое удивление не имело границ, когда он вновь посетил меня в медицинском центре через два года, за это время опубликовав несколько поэтических произведений в Санкт-

Виталий Щербак перед открытием выставки «Во имя мира и любви» в галерее «Чорсу» в Самарканде. 2005 год.

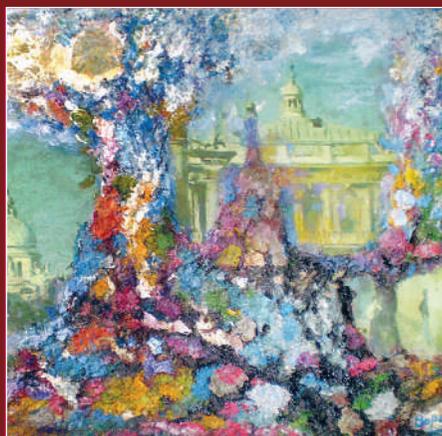
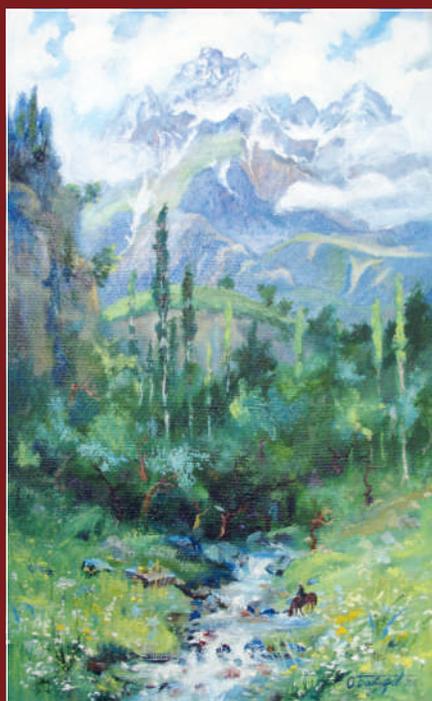
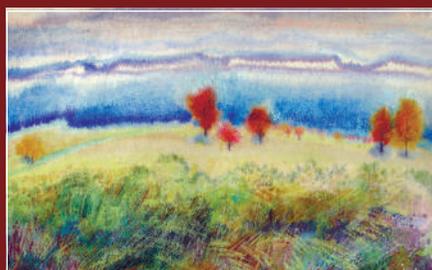
Петербурге и участвуя в художественных выставках в Ташкенте и Санкт-Петербурге.

Искренне порадовавшись за него и получив в подарок также «рогаличные произведения», в которых чувствовалась более усовершенствованное мастерство, вдруг услышал предложение — «дашь на дашь», за подарок он просил опубликовать рассказ о нем в новой и дополненной книге. Я был удивлен натиску «новобранца», но в тоже время, я как раз до-

полнял главу Самарканд. Подумав пару дней, я понял, что этот человек не простой и точно определяет свое место и время в истории, внося поправки своим движением. Я сделал это — ведь это был мой первый «заказ». Спасибо и успехов Юлдашу Бахрину за доверие.

Велик Самарканд своими разными мастерами, и вместе они создают изумительный и неповторимый пласт культуры региона для будущих поколений.

АНДИЖАН

Бакиров Обиджон
Белов Константин
Воробьев Эркин
Ганин Вениамин
Глушенко Григорий
Есионов Андрей
Карасев Владимир
Кичко Павел
Мамиталиев Ахмаджан
Петунин Игорь
Тюрин Александр

Войти в реку дважды

Впервые с творчеством андижанского художника Эркина Воробьева я столкнулся в Фергане в 2004 году. Маленькая работа резко выделялась среди прочих тридцати приобретенных мною с выставки, которую я провел ферганским художникам и «прикладникам» в профилактории «Энергия» в Киргулях.

Особенность ее была в цвете и построении. В последнем слове я не ошибся. Работа была буквально вылеплена руками — большим объемом краски в цветовой гамме от охры до светло-желтой, указывая на «осень» в душе и возрасте мастера. Тогда я и не догадывался, что это яркоцветье было «проблесковым маячком», подававшим сигналы SOS. Она была оформлена в рамку из светлого ясеня, заняла «экспозиционное положение», и на выставках в Ташкенте и Самарканде пользовалась большим успехом. Личность автора интриговала, но связи с ним не было.

Вновь о нем я услышал в Самарканде в 2007 году, когда из Ферганы мне позвонила Люба Семизорова и попросила помочь «погибающему» художнику из Андижана. Причем просила не о терапевтических, а прямо о реабилитационных мероприятиях. Посетив его дома, она описала все в очень темных тонах.

Много ранее в Фергане мною была высказана идея о работе художников в командировочной медицинской команде. Мы выезжали во все регионы нашей республики, видели красивые места, которые оставляли массу восторгов и ярчайшие воспоминания. Хотелось и художникам показать это великолепие. Думалось обеспечить всем необходимым мастеров, чтобы они лишь писали.

Обычно художники накрепко привязаны к своим мастерским, где есть все необходимое для их творчества. Раз или два в год пейзажисты, в основном молодые, имеющие хорошее здоровье и денежные средства, выезжают на пленэр в поисках хороших композиционных решений. Пожилые мастера, как правило, трудятся в своих мастерских, используя прежний багаж, часто повторяя одни и те же решения, и обновляют их за счет своего богатого воображения. Да и молодые двигаются приблизительно в радиусе 60–100 км от своих творческих лабораторий. Мне и размечталось иметь такой маленький передвижной центр живописи и графики, где было бы все необходимое для творчества и молодым, и маститым мастерам.

Первое предложение такого рода я сделала очень известному маринисту Игорю Петунину, будучи в Питере в 2007 году. Внимательно меня выслушав, он задал несколько вопросов.

«Как вам кажется, песчаные барханы Арала и волны Балтики — это одно и то же? Купят ли мои работы по тем ценам, по которым я их продаю здесь, а именно от 1000 до 15000 у.е.? Если же я привезу «бархань» в Питер, у меня однозначно ничего не возьмут, так как поклонники моего творчества любят мою «маринку». Она пользуется большим спросом. Почему? Вы видите, моя вода светится. А чем она освещена? На моих полотнах нет ни солнца, ни луны или других источников света. Она светится от моей любви, от глубокого понимания родных мест».

Я расклялся с мастером, который уже нашел себя и не собирается еще раз это делать в другом месте. Воистину, где родился, там и дело сгодился.

Эркин Воробьев. «Песчаные холмы Язъявана»,
холст, масло, 35x20 см

Хотя не всем везет с поисками себя. Многие наши художники уехали в чужие края: кто за длинным рублем, кто за славой. Как и на что они там живут — продают ли свои прежние воспоминания или приняли, полюбили и пишут культуру других стран, я не знаю. Я им всем желаю мира и любви, без этого творчество нежизнеспособно.

К примеру, М. Фаткулину и А. Есионову повезло, и они нашли и то и другое благодаря таланту и провидению. У каждого человека, даже у художника, есть своя орбита — планета, а в ней свои апогены, да и сход с нее явление обычное, подчиняющееся законам случайности и закономерности.

С работами Андрея Есионова впервые познакомился в начале 2017 года во дворце Строгановых в Санкт-Петербурге, что на углу Невского и Мойки. Мы сопровождали нашу внучку — красавицу Ярославу в кружок живописи, располагающийся там же. Большая реклама, приглашающая на посещение, не говорила ни о чем — просто Андрей Есионов, акварель, но аннотация в вестибюле вызывала удивление. В ней сообщалось, что родился он в Ташкенте и получил высшее образование у мастеров, которых я знал. Удивился, перебирая извилины, словно четки, но на ум не пришло ничего — не знал, не встречался, не слышал ни от кого. Посмотрев выставку, понял, что

С Андреем Есионовым. 2018 год.

ничего подобного еще не встречал — со мной общалось чудо света и тени — акварель, полувившая прописку и гражданство в живописи. Купив книжку-альбом мастера и услышав ответ на мой вопрос, почему автор не продает свои работы, был еще более обескуражен.

Вернувшись в Ташкент, у знакомых искусствоведов не получила никакой информации. Следов в Ташкенте не обнаружив, подарил книгу-альбом любимому искусствоведу Наташе Глазковой, надеясь на дальнейшее расследование, сам успокоился, но, оказалось, напрасно. В сентябре началась массированная арт-подготовка (рекламная компания) — Есионов! Есионов! Есионов!!! На баннерах, по радио, на бортах автотранспорта и даже по телевидению (правда, в рубрике социальной рекламы), это означало помощь государственных органов. Параллельно шла реклама концерта великого тенора Хосе Каррераса в разы меньшего объема, чем у Андрея Есионова. Явно чувствува-

лось, что мастер желает в одну реку войти дважды, что в настоящее время просто невозможно, так как река и человек, входящий в нее, уже изменились. Возможно, в будущем, сохранив голограммы объектов, можно будет делать это многократно.

В последний выставочный день в Узбекском Государственном музее искусств, вдосталь насладившись голографическими акварелями Андрея, почмокав нижней губой, встретились с автором в директорском кабинете Василии. Навстречу мне встал и поздоровался высокий, худощавый и утонченный, коротковолосый шпатец с проседью, мужчина лет пятидесяти. Завязалась беседа, больше похожая на интервью за чашечкой кофе. Утонченность чувствовалась и в словах, и в выражениях. Точность в выборе вектора ответа — характерная черта людей, занимающихся политикой и финансами, что практически неразделимо. Вопрос о стоимости его работ явно не стимулировал ответ, и, узнав, что он пишет только для музеев, я прекратил провокации. «Уже москвич» — мелькнуло в голове, но когда Андрей тепло вспомнил Тюрина Сашу и Пашу Кичко, с которыми дружил и учился, душа потеплела — «все же наш».

В начале «перестройки» Андрей пытался сопротивляться общей депрессии, организовав кооператив по художественному оформлению детских садов и школ с группой сотоварищей, но это не кормило, и пришлось иммигрировать в Россию. Получив второе образование, он занялся инвестиционной деятельностью, хотя пришлось какое-то время поболтать по Арбату в поисках себя, дабы укрепить свой дом и семью. Второго параллельного образования

Александр Тюрин в мастерской.

он не советует получать людям искусства, так как хорошие художники всегда найдут выход в своей деятельности и обеспечат свою семью. Надо рисковать и в жизни, и в творчестве. Риск — благородное дело, но я никогда Икара не считал глушцом, а роль Дедала исполнили для Маэстро немаленькие люди в современном искусстве России — Салахов Ф., Боровский А., Рожин А., Церителли В. И спасибо им за этот блистательный полет мастера. Кстати, его однокурсник Саша Тюрин тоже отчалил в Москву «разгонять тоску», но на первом этапе «светской жизни» ему пришлось ее разгонять цветами Совпластгала в переходах метро и жить на «птичьих правах» в коммуналке «вороньей слободы». Это было очень трудное время и, имея блестящую академическую школу, Саша смог прорваться в богемную жизнь столицы, обеспе-

Александр Тюрин. «Въезд в Иерусалим», холст, масло.

чив себя высоким рейтинговым местом среди многих тысяч московских художников.

Его работы забирали многие музеи мира и очень высокопоставленные лица российской столицы. Портреты митрополита Кирилла и моего друга Карасева Володи завораживают

Владимир Карасев и Марат Садьков. 2018 год.

и надолго оставляют рядом. Мы полагаем, а Бог все же располагает и по здоровью Мастер возвращается на круги своя, в столичный град Ташкент к своей Маргарите, великолепной гобеленщице и жене Милене. Нарботанные связи и каналы не дают ему бедствовать на родной земле, и каждый месяц рулон с его новой работой отправляется самолетом по назначенному адресу, не находя покупателя в родном городе.

Сразу после приезда из Самарканда в Ташкент я командировал Сергея в Андижан к Воробьеву. Обстановка в доме «поэта» оказалась не серой, а уже черной. От Эркина Воробьева мне привезли две черные пластины, толщиной до 3 см, по одной в каждой руке в горизонтальном положении. Они были жидкие. На толстом слое гудрона (что используют при асфальтировании улиц) мелким гравием, осколками цветного битого стекла и кафеля были выложены замысловатые фигуры, не поддающиеся какой-либо систематизации. Все это было уложено на грязном сукне типа портяночных обмоток и без

Встреча с Эркином Воробьевым. 2008 год.

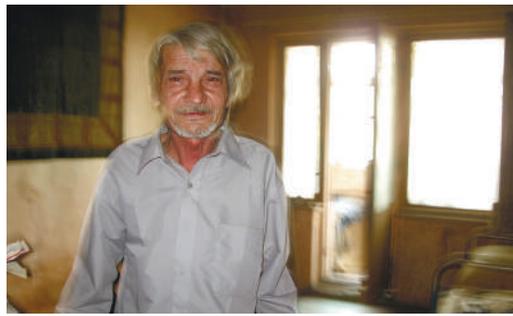

Эркин Воробьев. «Абстрактная композиция», 2009 год, гудрон, гравий, стекло.

подрамников. Увидев мое удивление, Сергей объяснил, что в качестве подрамников использовались крышки фибровых чемоданов 60-х годов, с которыми обычно отправлялись к морю, так вот эти «крышки» оказались нужны автору.

Эркин Воробьев. 2008 год.

В мастерской Эркина Воробьева. 2008 год.

Послав «произведения» на сушку, я подумал, что если они и высохнут за полгода, то все равно поломаются или растрескаются при оформлении.

Думалось, что малая искорка надежды на реанимацию мастера еще есть. Усилив оставшиеся части веры и изменив маршрут командировки, я с командой уехал в Долину. С детства плохие условия жизни у меня олицетворялись с ночлежкой из книги М. Горького

«На дне», но, по сравнению с тем, что я увидел в квартире андижанского художника, та обстановка выглядела бы праздничной.

Визуальное знакомство с Эркином Воробьевым произошло по адресной книге членов союза художников, выпущенной лет десять назад и пестрящей адресами и телефонами, давно не существующими. Там он выглядел как председатель совета дружины пионерского отряда — молодо, темпераментно и красиво.

Эркин Воробьев. «Два в одной», 2009 год,
холст, масло, 60х40 см.

Нас встретил совсем другой человек — старый, хмурый, униженный и оскорбленный. Робко переминаясь в проеме обшарпанной дэвэпешной «хрущевской» двери, пригласил войти. В ту же секунду нас поглотил кислородный мрак большой, пустой и грязной прихожки. Перед нами стоял босой, в разорванной рубашке и брюках, обросший, почти беззубый человек. Пока не закрылась входная дверь, и мы с Сергеем еще стояли в потоке

свежего света на лестничной клетке, мне показалось, что из мрака, поглотившего Эркина, будет произнесена сакраментальная фраза: «А что есть истина?»

Дверь захлопнулась, мы перешли Рубикон и оказались в другой — «новой жизни» для нас и обычной, приятной и удобной для «Воробья» (так называют его ферганские художники). Общаясь с ним долгое время, друзья по кисти видели, как за двадцать лет «Воробей»

С Эркином Воробьевым. 2008 год.

из процветающего мастера превратился в худого, болезненного, никому не нужного одинокого человека. Испытание одиночеством — тяжелейшая кара, было видно, что человек сломался и его реконструкция малоперспективна.

Если мастерская дяди Жоры Кима в Самарканде напоминала бункер Гитлера после штурма, то в эту квартиру самому захотелось бросить пару-тройку гранат с надеждой, что хоть грязь отскочит от линолеума. Сантехника в полном деструктивном состоянии, даже без намека на следы эмали, которой она была когда-то покрыта. Стены с большим намеком на присутствовавшие когда-то обои, непонятного цвета и рисунка. Слава Богу, стекла веранды и комнат, не помнящие руки хозяина, очень слабо пропускали через себя мутно-желтый дневной свет, и все это безобразие в грязно-

пастельных тонах не сразу вводило человека в «Рауш-наркоз», а просто могло вызвать медленно развивающуюся депрессию.

Точно такую же квартиру-мастерскую я уже видел десять лет назад в Ташкенте на массиве Югнаки у умершего в 2000 году от туберкулеза легких художника Кости Белова из творческой мастерской Якова Фрумгарца, что располагалась до 1995 года во Дворце текстильщиков. И в голове сразу прокрутилась мысль — одинаковые жизненные условия и, очевидно, одинаковые диагнозы.

Несоблюдение обычных гигиенических норм в быту любым врачом будет расценено как психическое отклонение или же нравственный слом, если, конечно, человек не попал на необитаемый остров. А может быть, одиночество человека и есть его необитаемая Terra incognita? Неразделенная любовь или непризнание — это тоже острова отчуждения?

Всем художникам хочется быть любимыми и признанными, но не всем выпадает такая счастливая фишка в жизни. Многие надеются, что их работы будут признаны после смерти, шутливо говорят, что хороший художник — это мертвый художник. Но это не совсем так, потому что наблюдать свой триумф — это великое счастье для людей демонстративных, к которым и относится большинство людей искусства. Хотя я встречал и интровертных художников, ничего не выносящих на суд людей. Это Гриша Глушенко из Ташкента — прекрасный живописец, работающий в авангардных направлениях; Вениамин Ганин — график, живущий в Анджане и не признающий ничего, кроме соцреализма. Они творят прекрасные работы в

тиши своих мастерских и не участвуют уже по двадцать с лишним лет в выставках и показах, так как имеют дополнительные средства и доходы: у Гриши целая плантация водорослей для аквариумов, а В. Ганин — школьный учитель по труду в музыкальной школе Андигана. В возрождающемся рынке искусства, хочешь не хочешь, приходится быть демонстративным и конкурентоспособным, чтобы укреплять и усиливать свое творчество, чтобы обеспечить свои семьи, дать образование подрастающему поколению и защитить его здоровье.

Понимая бесперспективность своего проекта «спасения» Эркина, программа реабилитации все же была запущена. Он был одет во все новое, куплены кисти, много красок, четыре загрунтованных и натянутых на подрамники холста, даны субсидии соседке — на уборку квартиры и питание.

Первый день знакомства с художником
Вениамином Ганиным. 2008 год.

Две недели «Воробей», очевидно, переживал произошедшее событие в его жизни и не работал, но через месяц нам была представлена одна работа — «пробуждение автора», отдаленно напоминающая вид из окна мастера. Поскольку стекла окон так и не были очищены, она была выполнена в очень пастельно-размытых тонах, но уже кардинально отличалась от работ, выполненных жидким гуашем.

Еще одно хорошее дело сделал «Воробей»: он познакомил меня с художником Ве-

Вениамин Ганин в мастерской. 2008 год.

Вениамин Ганин. «Времена года. Цветущая долина», 1989 год,
бумага, акварель, 49 x 69,5 см.

ниамином Ганиным, рожденным в 1939 году в Сызрани и в том же году переехавшим вместе с родителями в Андижан. Возьму на себя смелость предположить, что в роду у него были поволжские немцы, переселенные накануне Второй мировой войны в регионы Средней Азии. Из разговора с ним я выяснил, что он окончил Ташкентское художественное училище имени П.П. Бенъкова и художествен-

но-графическое отделение Магнитогорского педагогического института. Был дважды женат — от первого брака имеет взрослого сына, от второго — двадцатилетнюю дочь. До встречи с ним мне казалось, что будет вторая картина «Явление Эркина народу» по системе «рыбак рыбака видит издалека», но ошибся. Нас с Сергеем встретил интересный, жизнерадостный, седовласый и седоусый, низко-

Вениамин Ганин показывает акварели. 2008 год.

рослый, искрящий остротой слов, еще пока не семидесятилетний Вень Ганин. Одет он был в рабочую спецовку, под ней — синяя рубашка «а-ля семидесятые», на ногах приличные ботинки из кожзама и на кончике носа плюсовые очки. Ну, вылитый «папа Карло». Он долго удивлялся нашему приходу, а когда узнал, что я хочу купить его работы, рассмеялся от души.

— Что, прямо купить акварели? Да я их дарю только на праздники и дни рождения. Да и то, как-то реагируют, скажем, не очень. Каждый раз думаю, что лучше бы деньгами дал.

Я был удивлен ситуацией и спросил:

— Что, никто не берет ваши работы?

— Ну, почему не берет? Жена берет на каждый праздник 20–30 работ и дарит сотрудникам. Я ей каждое утро вместо зарядки делаю

С Ганиной Алой Ивановной. 2008 год.

пару-тройку натюрмортов с цветами. Это ее дарильный фонд. А вам зачем акварели? Сейчас их никто не пишет. Все стали масляными живописцами! Последнюю выставку я провел в Фергане в конце восьмидесятых, и баста — акварель умерла. А с нашим андижанским отделением я общаться не хочу. Все очень суетные, а поговорить не с кем. Да и куда с суконным рылом да в калашный ряд? — и долго смеялся над своей остротой.

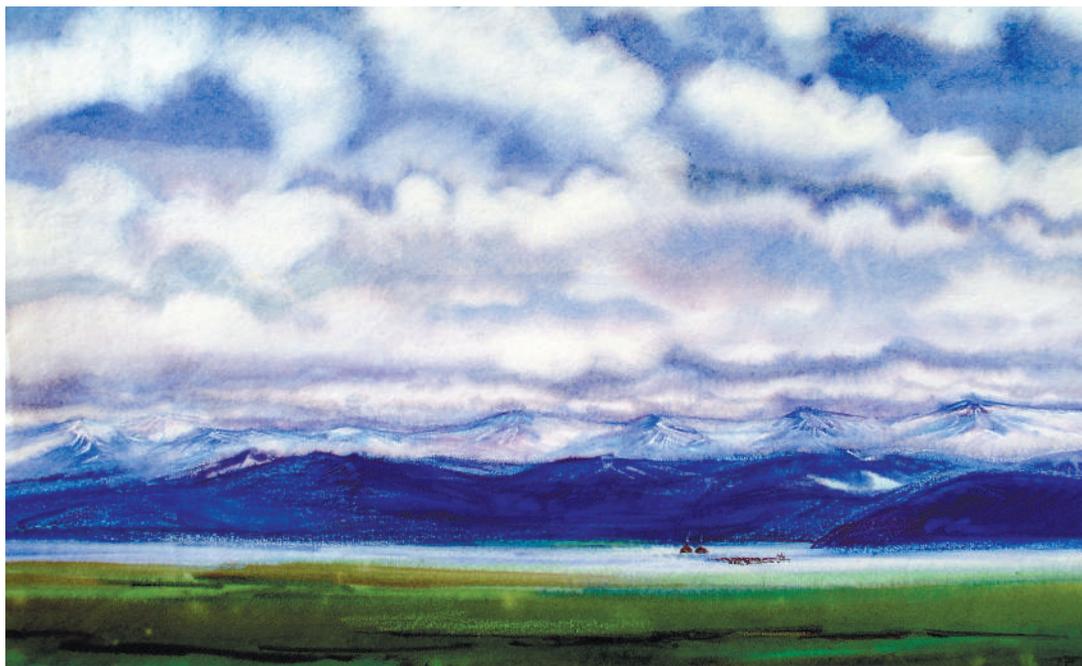
Я был поражен добровольным «дантесовским» двадцатилетним заключением мастера в своей мастерской. Обучая детей труду, мастер десятилетиями творил только для себя. Его претензии к славе и деньгам были минимальными. Отмечался прочный паритет между невостребованностью и неприязнательностью. И это делало его независимым и счастливым. Он весь искрился радостью и долго смеялся над своими остротами.

Его мастерская располагалась в одном из классов трехэтажной музыкальной школы. Большое витражное окно дарило комнате яр-

кий свет и чудесный вид. Чуть внизу кипели молоком цветения верхушки уже не молодых урючин. Вдалеке над махаллей старого города виднелся светло-голубой купол минарета, а за ним по линии горизонта — снежная цепь вершин Арслан-Боба. Правда, подобраться к окну удалось не сразу, так как на полу, на маленьких журнальных столиках было столько предметов жития, что просто сказать много — ничего не сказать. Изобилие различных ведер (пластиковых и металлических), чайников и электрических плиток на любой вкус, чашек, ложек, стаканов, вилок, ляганов, котелков — от литрового до десятилитрового. Очень много солонок, перечниц, тарелок и салатниц. Вся эта кухонная утварь была беспорядочно расставлена на имеющиеся свободные места, непокатые плоскости и была стилия не «а-ля», а уже «ой-ля-ля семидесятые». Тут же на верстаках находилось большое количество акварельных красок, кистей, всевозможных форм баночек и ванночек.

Мастерская была разделена шкафом на две части. В передних двух третях находилось все это «Федорино-Ганинское горе», а вот за шкафом был полный порядок — мастерская-хранилище мастера. Там было хорошо, но нас туда не пригласили. Работы я смотрел на быстро расчищенном диване. Вся эта обстановка перестала быть существенной, когда я начал просмотр акварелей мастера.

Работы были разбиты на серии: окрестности Андижана, Багишамал, Башкирия, земля колхозная, Памир. Все акварели (около тысячи) были прописаны в стиле строгого соцреализма. Отступлений не было нигде — ни в семидесятых годах, ни в двухтысячных. Через

Вениамин Ганин. «Аллайская долина», 1985 год, бумага, акварель, 47x59 см.

три часа я отобрал около тридцати из двухсот просмотренных работ, без проблем договорился о цене и еле живой вывалился из мастерской.

В последующие три посещения я отобрал еще около семидесяти чудесных прозрачных акварелей В. Ганина. Причем когда казалось, что все просмотрено, в шкафу замечал папку и говорил: «А там что?» В. Ганин громко смеялся и отвечал: «Тебе бы, Леша, в уголовном розыске служить. Там мои выставочные работы!» И сразу предлагал их для просмотра. В последний приход я заметил

еще папку, стоящую в торце шкафа. «А там что?» — спросил я. Ганин, смеясь до слез, сказал: «А там мои любимые, доктор Шерлок Ватсон». И сразу достал папку для просмотра.

Таким образом, было отобрано сто тридцать чудесных акварельных работ, причем все работы до последнего дня находились у автора, и ни одной работы он не подменил, как делали некоторые мои знакомые художники. На прощание Вени Ганин подарил мне некоторые свои любимые работы. Я был счастлив приобретением, а он вверил их мне без малейшего сожаления.

Горы В. Ганина живут в облаках, как и их автор. Его пейзажи Ферганской долины искрятся любовью к родному краю, к жизни. Вениамин Ганин не вписывается в общий портрет художников. Я бы назвал его хорошим человеком, одиноким, но счастливым поэтом.

С Ганиным мы встречались в Ташкенте и, покупая по двадцать – тридцать акварелей, я думал, когда же иссякнут две секретные и «любимые» папки Маэстро. Но, когда в декабре 2017 года Вениа привез еще три полные папки, я спросил, что это. Рассмеявшись, он ответил: «А это к моему юбилею, «неприкосновенный запас». Да и где же ему продавать свои работы? Арт-рынка не существовало в Андижане уже тридцать лет, а в брошенном доме художников располагались коммерческие организации. Правда, открылся один салон двадцать лет назад в районе вокзала, но в отсутствие продаж закрылся, просуществовав два или три месяца, перейдя на продажу товаров повседневного спроса. Обиджону Бакирову — уже известному художнику Андижана приходилось бартерно менять свои картины на продукты, горячую пиццу и товары для жизни.

Архаичной фигурой на фоне по «потемкински» измененного Андижана остается Обиджон Бакиров, по-советски выпрямленный, с орденами и медалями, (которые сейчас не носят), очень статный и красивый. Несмотря на свой почти 80-ти летний возраст. После развала Союза в городе не осталось ни художников, ни отделения Академии. Из прежних художников он помнит лишь о Ганине Вениамине, изредка встречая его на базаре.

**Обиджон Саибжанович Бакиров в мастерской.
2019 год.**

Ранее его работы в изобилии встречались в гостиницах, спортивных сооружениях, в кафе и в различных конторах. Сейчас они заменены на дешевый китайский пластиковый «чих-пах», и вопросов по культуре живописи нет, да и дел тоже. Своих работ он не продавал уже десятки лет. Правда, иногда по 1–2 работы в год покупают иностранцы, к великой его радости.

Первая наша встреча произошла на выставке «Феерия графики», которую я проводил

Во дворе музея У. Тансыкбаева. Выставка «Феерия графики». Ноябрь 2008 год.

в ноябре 2008г в музее Урала Тансыкбаева. Он пришел с ферганскими художниками — в костюме, галстуке, при всех регалиях в высокой андижанской тюбетейке. Он был весел — читал стихи и пел песни. Затем были редкие разговоры по телефону и безуспешные визиты к его закрытой мастерской в жилом доме на первом этаже в районе Андижанской «Малики».

В светлый праздник Навруз в марте 2019года, наконец-то мы добрались до «штаба Бакирова».

Среди прочих регалий особо лучезарила серебряная медаль Академии «Шухрат» на том же самом «тансыкбаевском» костюме.

Удобно расположившись в креслах, испив крепкого зеленого «Токсон беш» из рук его шогурта — ученика Мамиталиева Ахмеджона, пошла неспешная беседа о том о сем, об Академии, экономике ну и, конечно, о здоровье. Узнали, что мастер недавно перенес тяжелую операцию на сердце и что в это время его под-

Обиджон Саибжанович Бакиров с учеником Ахмаджаном Мамиталиевым в мастерской.

держали только ученики и семья. Почему-то этому не удивились. Во время нашей беседы мелькнула мысль о том, что действительно талантливый и добродушный мастер кисти подбирает способных учеников, дабы передать им свое умение любить и творить в живописи. И он, как было видно, не ошибался, а наглядным примером явилось нахождение ученика Мамиталиева Ахмеджана рядом с Бакировым

С Обиджоном Бакировым. Город Андижан. 21 марта 2019 год.

в праздничный день Навруз. Он своим посещением, конечно же, пролил бальзам на сердце учителю. С доброй надеждой можно уверенно сказать, что такие ученики достойны своего учителя, и не за горами тот день, когда талантом этих живописцев мы все будем восхищаться, осматривая их персональные выставки в больших экспозиционных залах нашей столицы.

Обиджоном Бакиров. «Натюрморт», холст, масло, 70х65 см.

Все просмотренные нами работы светились любовью к родному краю и людям. Все работы реалистичны и академически выверены. Они были заметны светлыми красками Ферганской долины, возбуждали и расслабляли, делая зрителя романтичным и патриотичным.

Мы удивились, когда услышали его сакраментальные слова: «Я не хочу быть оди-

ноким». Пройдя свой последний творческий путь в полном одиночестве, человек остался с Богом, близкими людьми и счастливым. Он всегда был со своей Родиной и учениками.

Давай, продолжай любить и сделай еще много хороших дел — во славу Всевышнему и великолепной Долине.

ФЕРГАНА

Абдулгалимов Раис
Артыков Мухаммаджон
Ахунов Вячеслав
Батова Ирина
Бизяев Валентин
Гамбаров Валерий
Ганьшина Татьяна
Губский Виктор
Губская Христина
Джалалов Баходыр
Джурабаев Мухаммаджон
Каменский Александр
Кан Христофор
Касин Владимир
Кляер Рональд
Кучкаров Фуркат
Пучковский Владимир
Ромазанов Эрнест
Сабилова Белла
Садьков Марат
Семизорова Любовь
Усманов Рустам
Фаткулин Масут
Хайдуков Валерий
Хайдукова Нина
Хамидов Алишер
Шерфединов Синоввер
Шихова Светлана

Воскресенье всегда хороший день

Давайте спустимся с заоблачного чудесного перевала Камчик, равно как с небес, в прекраснейший город долины — Фергану, где в двенадцать часов воскресенья и нежаркого июля 2009 года, сладко похрустывая вафельными стаканчиками, наполненными пломбирно пахнущим мороженым, на маленьком «гастрономическом» местечке возле гостиницы «Фергана» мирно беседовали не о медицине два врача. Крепко сбитая, голубоглазая, но умная блондинка среднего роста — Евгения Васильевна Божко — врач-невропатолог и соратник по фирме, делилась своими впечатлениями о только что проведенных мною в Ташкенте выставках, в частности, о выставленной графике Раиса Абдугалимова.

В это время около ста его заслуженных работ находились на заоблачно-чудесном перевале Камчик, спускаясь к жителям Ферганы, отобранные и благословенные небесами. Воскресенье всегда хороший день. В Фергане не жарко, и нет утренней побудки на работу по сотовому от «полковника», моего свояка Сергея Александровича, привыкшего к дисциплине и смотрящего на врачей, как на избалованных детей, вальяжно жеманящихся после пробуждения. Хотя всегда нужно благодарить Бога за то, что он после сна возвращает вверенную нам временно душу в наши бренные тела и открывает нам глаза, чтобы увидеть еще один день и сделать в нем что-то хорошее.

Вот и наметили мы сделать это: показать божественную графику Раиса из моей коллекции, насчитывающей около ста его чудесных работ, ферганцам.

Божко Евгения. 2011 год.

Раис родился в далекий военный 1942 год в Поволжье, в селе Денискино Шептаринского района, в очень бедной татарской семье. Имел двух сестер и двух братьев, он никогда не видел своего отца, ушедшего на фронт танкистом и погибшего, не дождавшись Победы. Вскорости умирает мать, и сирот разбирают родственники, и старший на одиннадцать лет брат Раиса — Загфар Хабулович, женившись в Бухаре на очень красивой татарке Дарии, увозит четырнадцатилетнего Раиса в Узбекистан и становится ему отцом. То-то же во всей коллекции прекрасных работ Мастера я не нашел ни одной, посвященной тематике только что

Раис Абдулгалимов.

прошедшей войны и портретных работ родителей. Очевидно, это была ахиллесова пята автора. Правда встречались работы «экосных» войн, но это уже было далеко за «тревожной» чертой — в области былин и сказок.

Почувствовав в себе художника, Раис поступает в Душанбинское художественное училище и уже возвращается в Бухару только в гости, но она оставалась и в голове, и в душе

Татьяна Ганьшина.

ярким праздничным лоскутом, что видно в очень многих замечательных его работах, выполненных маслом, акварелью, фломастером и карандашом. В Душанбе он встречает пятнадцатилетнюю Татьяну Ганьшину, приехавшую туда с родителями из Российской глухомани, и остается с ней навсегда, ни разу не изменив ей и своему выбранному в жизни пути. Переехав в Ташкент, они вместе проходят все этапы

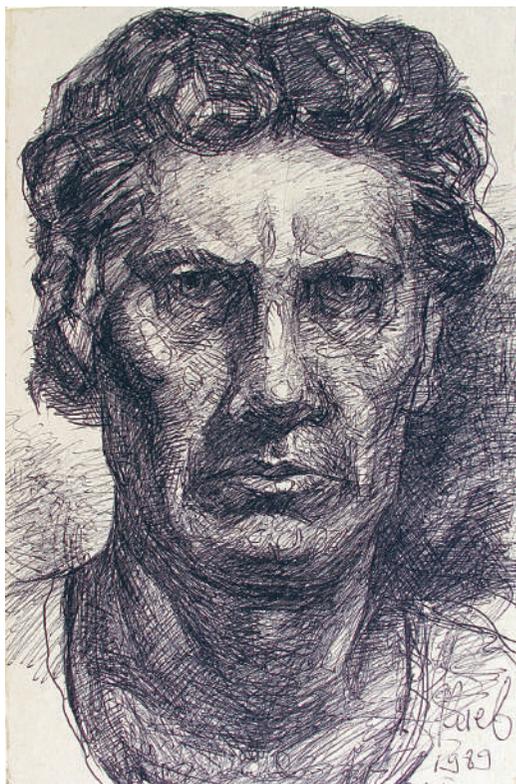

Раис Абдугалимов. «Дом строй», 1985 год, бумага, акварель, 62,5х81,5 см.

художественного образования, закончив художественное училище Бенькова и художественной институт Островского. Они расписались только после десяти лет совместной жизни, но детей у них не было в связи с тем, что Татьяна перенесла очень сложную гинекологическую операцию. Безрезультатное лечение Татьяны

в течение девяти лет не разорвало их отношения, а сплотило на векторе поставленных задач в искусстве.

Раис, обладая необыкновенной скромностью и правдолюбием, став уже непревзойденным художником своего поколения, не понимал этого и никогда не проводил персональных

Раис Абдугаллимов. «Автопортрет», 1989 год,
бумага, карандаш.

выставок и не продавал своих работ. С Татьяной они жили в ладу и очень скромно, как все советские честные труженики тех послевоенных времен. По молодости дружили с Маратом Садыковым и его супругой, с Дилюсом Мирсалимовым. К сожалению, в первой нашей встрече в 2007 году, на которую мы приехали с его учеником — графиком Радиком Азизовым, я за-

стал мастера в тяжелом состоянии, пораженным неврологическим недугом — болезнью Паркинсона. Приехав, чтобы помочь незнакомым мне людям, купив две или три работы, увидев двух прекрасных и искренних людей, попавших в тупик в борьбе с тяжелым недугом и без оружия — дорогих неврологических препаратов, я отдал все имеющиеся у меня финансы и никогда не жалел об этом. Открыв папки Раиса с работами дома, я был ошеломлен и понял, что как будто «кто-то сверху» отомстил Маэстро, за то, что он приоткрыл некоторые секреты мироздания, намного лучше, чем другие. Возможно, мой поступок позволил в последний раз увидеться Раису в 2008 году со своим Закфаром. Уйдя из жизни в июле 2010 года счастливым, Маэстро не знал, что уже год «там на небесах» ожидает его любимый брат-отец.

За десять лет от нашей встречи я провел около десяти выставок, показывая шедевры Раиса Абдугаллимова широкой аудитории. Но впервые персональная выставка Раиса была представлена мной в доме-музее Урала Тансыкбаева в 2008 году и произвели необыкновенный фурор. Я немедленно получил приглашение выставить эти работы в Центральном выставочном зале Академии художеств Узбекистана, с целью показать их широкой аудитории, и как апофеоз — награждение Маэстро золотой медалью Академии. К сожалению, ни Раис, ни Татьяна не смогли посетить эту выставку по причине нездоровья мастера, но мне так хотелось сделать что-нибудь приятное для этих замечательных людей.

Это была единственная выставка работ из моей коллекции, в которой я и сам не мог при-

Татьяна Ганьшина. «Начало», 1985 год, бумага, фломастер, 34x48,5 см.

нять участие, так как находился в это время в командировке в прекрасном городе долины — в Фергане. Поэтому было принято единственно правильное решение — переместить выставку в Фергану и показать там красоту и стройность графики Раиса, немного сократив количество экспонатов и чуть изменив название экспозиции: с «Романтики графики» на «Философию графики».

Последнюю, для Тани Ганьшиной, выставку мы планировали как совместную Раиса и ее летом 2017 года. Для этого я выкупил ее графические работы 2000 года, где она на спор с Раисом пыталась выполнить рисунок, не отрываясь от листа, и работы 2015 года в смешанной цветной гамме. Некоторые из них были похожи на бухарские Раисовские. К этому времени Татьяна была больна вирусным гепатитом С,

Синовер Шерфединов в мастерской. 2007 год.

осложненным циррозом печени, она с трудом передвигалась на отекавших ногах и часто падала, получив перелом плечевой кости. Ухаживала за ней соседка Ада Матевосян и Назира, да и я старался как мог, но и посещал, оценивая грядущие тяжелые осложнения цирроза.

В одиночестве оформлять выставку в настоящее время — просто героизм. Одно только оформление отобранных, переснятых, зарегистрированных работ заняло полтора месяца и столько же зеленых денег. К октябрю 2017 года было все готово, разработаны буклеты, пригласительные, постеры, бюджет, уведомления средства печати, журналисты, фотографы и оставалось лишь поставить дату проведения, как у Татьяны начались осложнения в виде токсической энцефалопатии. Началась тревожная череда событий — ухудшение сознания, скорая,

реанимация, стационар. По роковому стечению обстоятельств за Татьяной приехала ухаживать, оставив на время свою семью в Бухаре, дочь Закфара Хабуловича — Альфия, очень добродушная и милосердная женщина.

В один из своих светлых промежутков Татьяна попросила меня провести выставку без нее, чтобы посмотреть фотографии и порадоваться за Раиса. Озаренная их любовью и гениальным мастерством Раиса Абдулгалимова, выставка прошла на Ура!

Теперь вернемся в 2009 год в солнечную Фергану, на персональную выставку Раиса Абдулгалимова «Философия графики», проведенную мной и моей командой.

На открытие пришли около трехсот человек, не избалованных шедеврами культуры. Там я встретил своих друзей — ферганских художников Любу Семизорову, Ирину Батову, Алишера Хамидова, Синовера Шерфеди-

**Синовер Шерфединов в выставочном зале.
2009 год.**

Ферганские художники на выставке в Фергане: Алишер Хамидов, Любовь Семизорова, Ирина Батова, Валерий Гамбаров, Владимир Пучковский и Светлана Шихова, Валерий Хайдуков.

нова, Валеру Хайдукова, Светлану Шихову, семейную пару Джурабаевых. Не было, как на прежних выставках, семейной пары Бизяевых. Видно, со здоровьем у Валентина Яковлевича не все в порядке. Хронический бронхит с приступами астмы и одышкой не дает ему продуктивно трудиться и передвигаться. Зато его картины успешно передвигаются по республике вместе с моей медицинской командой.

Друзья-художники все поддержали меня, и даже вечно ворчащий на все «другое» искусство Синовер Шерфединов сказал, что хоть и не любит графику, но представленная часть

работ ему понравилась. Он долго тряс мою руку и говорил: «Только не обижайся!» Право, это было очень трогательно.

А все-таки, какую чудесную и душистую сирень пишет Синовер Небиевич. Действительно, его полотно можно назвать песней, воспевающей красоту и гармонию окружающей нас цветущей весенней природой, где так же чувствуется аромат распустившейся сирени. Любоваться букетом изображенного на холсте, можно бесконечно. Постоянно хочется прикоснуться к этим красивым ветвям, чтобы окунуться в атмосферу солнечного весеннего утра. Мне

Эрнест Ромазанов и Синовер Шерфединов.
2011 год.

кажется, что такая прекрасная сирень для написания картин может расти только в Ферганской долине, а рука талантливого мастера, заслуживающего постоянной похвалы, умеет передать это настроение. И вот поэтому в моей квартире всегда весна, т.е. посчастливилось мне приобрести живой букет. Bravo, маэстро Синовер!

А наша дружба с ферганскими художниками началась в уже далеком 2004 году, когда с группой врачей — отличных специалистов моей команды, трудилась в профилактории «Энергия» районного центра Киргули и за три месяца нашей командировки я провел три выставки. Выставлялись работы ферганских художников, где я приобрел в коллекцию около шестидесяти картин. Проведена персональная выставка В. Я. Бизиева, посвященная шестидесятилетнему мастеру, и выставка «Цветы доктора Назарова» — около шестидесяти работ, выполненных разными стилями известными худож-

никами Узбекистана (Я. Фрумгарц, Р. Гаглоева, А. Ахмедова, В. Утешев и др.). Проведение такой напряженной творческой работы очень сблизило меня с ферганской группой художников. И я на долгое время оставался основным покупателем работ и пропагандистом их творчества по всей республике. Ферганцы, не отличаясь от своих коллег, также очень тяжело расстаются со своими работами. Мне помнится грустное лицо и скорбящие глаза В. Бизиева, когда я выкупил около двухсот его графических и живописных работ. Так провожают на долгий срок только своих дочерей, отдавая замуж за границу. В моей памяти грустные глаза Эрнеста Ромазанова, своими руками относившего в мою машину восемь только что проданных своих лучших работ. В зеркало заднего вида, отъезжая, я видел скорбь и влажные глаза мастера. Мне хотелось остановиться и вернуть ему «любимцев».

Право же, покупая в салонах работы по завышенным ценам, ты хотя бы лишаешься эмоционального накала между покупателем и автором. Правда, я никогда не покупал работы в салонах, но, часто там бывая, изучал зарождающийся рынок предметов искусства, и в частности живописи и графики. Это необходимо для определения максимальных цен, по каким могут продаваться работы современных авторов. Салонные цены всегда максимальны и не рассчитаны на основную массу местных потребителей. В салонах работы продаются по безналичному расчету в очень богатые организации или же случайным иностранцам, которые также ищут рынок подешевле и чаще всего приобретают картины на «Бродвее», не зная выхода

Сотрудники медицинского центра «АНИК» в профилактории «Энергия». 2004 год.

на мастерские художников вследствие сжатого туристического графика. И, не имея серьезных преград на таможне, они развозят наше «кич-поп» искусство по всему миру. Такие работы не декларируются. Но это все относится к арт-рынку Ташкента. А вот в Фергане все иначе.

Правда случаются и другие варианты поиска. Один художник собрал свой «легендарный» рюкзак и поехал искать свою судьбу в Среднюю Азию, побывав в Казахстане, Киргизии и, найдя свою Галлу, бросил свой голландский якорь в Узбекистане.

Зачем он сюда приехал, если он не шпион — непонятно. А может быть, прослулась в нем

генетическая память, и понял он, что его древние корни и понятие Родина и кров определяются суфийской философией.

О нем я узнал случайно, увидев его работы на оформлении у известного багетчика Рафаэля.

Заинтересовавшись интересными работами в восточном стиле, я взял одну из них и на обратной стороне холста увидел надпись на латинице «Рональд Кляер».

Заинтересовавшись, получил ответ, что это работы голландского художника, живущего и работающего в Ташкенте. Это было сильным потрясением, зная что многие наши художники

Рональд Кляер. 2018 год.

живут и работают за рубежом, но что бы кто-то из-за «бугра» приехал жить и работать, не слышал никогда.

Разматывая эту интересную «нить Ариадны», я был ошарашен, узнав, что многие мои друзья художники были тесно с ним знакомы, тем более многим из «академического» круга он был известен. Но никто ни одного слова о нем не сказал, как будто берегли тайну о «зеки в побеге».

Побывав у него в «чердачной мастерской» и поняв, что сформировался он не как «голландский художник», а наш узбекский и пишет красоту нашей Родины и ее людей уже в течение 20-ти лет, я был удивлен. Это достойного «хурмата», он не получил и живот, борясь со всеми нашими трудностями, как обычный трудяга-художник.

Стало обидно за Державу, что валютные интуристы получают наше уважение и любовь за временное знакомство с красотами наших краев, а работающий вместе с нами ежедневно, усиливал и показывал эти красоты, не наделен дарами и уважением хозяев. Это необходимо было сделать даже с рекламной целью, но и это почему-то никому не нужно.

Это мне напоминает библейскую притчу о «блудном сыне».

Обмывая на своем дне рождения только что полученную книжку «Члена Академии художеств Узбекистана», он был необыкновенно счастлив в кругу своих друзей художников.

Дай бог ему понимания, терпения и признания.

Арт-рынок, если его можно так назвать, подразумевает под собой куплю-продажу в мастерских художников, небольшой выбор работ в выставочном зале Дома художников и совсем малое количество у господина Тугушева в его канцелярско-мебельном магазине. Причем купить картину можно было у него дешевле, чем в мастерских. Видно, что работы были им выкуплены по себестоимости, а мне художники предлагали их уже как «богатому спонсору».

Более выгодно продать свои работы ферганским художникам можно только в интургородах — Ташкенте и Самарканде. Но на недвижимых, неживых, переполненных рынках этих центральных городов работы ферганцев слабо конкурировали с работами маститых и знаменитых художников академии и продавались, соответственно, дешевле и с трудом. Выход был найден. Одни художники переместились в другие города (Касин, Фатхулин — в Россию, Ахунов — в Таш-

**С Валерием Гамбаровым
и Сергеем Чередниченко. 2004 год.**

кент и т.д.), а другие художники «переместили» свои работы за рубеж. Так поступили Владимир Пучковский и Светлана Шихова, успешно продавая свои работы в Киргизии и Казахстане. Творчество живет, когда двигается на арт-рынках или двигаются перед «ним» другие — на выставках и в музеях, на улицах и площадях городов, а становится вечным, если оно затронет тонкие струны души человека, делая его мудрым и просветленным.

Арт-рынок — часть общего рынка, большей частью находящийся в прямой зависимости от состояния науки, образования, медицины, социальной защиты населения, и прогрессивно развивается в любой стране, где царит мир и довольствие. Когда грохочут пушки, лиры молчат. Правда, когда грохотала музыка, «лиры» и их владельцы плавали в холодном бассейне профилактория «Энергия», среди подчеркнута полосатых арбузов. Я пригласил художников Ферганы отметить начало

выставки «Творчество художников Ферганы». После хороших, теплых вступительных тостов Валера Гамбаров с разбега нырнул в бассейн в тройке и туфлях, очевидно, гонялся за ускользающей лирой.

Валера, несомненно, талант редкого видения, поэт и лирик. Его представление о мире завораживает. Но он часто терял свои «лиры», что не давало ему продуктивно работать. И доброй, тонкой и гениальной рисовальщице Флориде Гамбаровой — его сестре — пришлось забрать

Валерий Гамбаров. 2004 год.

**Бизяев В. Я. «Сирень-Бизев», 2000 год,
холст, масло, 60x80 см.**

его в Ташкент и привязать к его руке маленькую «листочку» (как ключи от квартиры привязывают родители маленьким детям), а для гарантии — огромнейшую «арфу» к ноге, чтобы только работал.

Наше знакомство с Валерой можно назвать «шпапочным», но оно крепло множеством телефонных переговоров.

Еще легкое знакомство типа «здравствуй и пока» состоялось у меня с Христофором «Колумбовичем» Каном у него в мастерской. Во время сталинского гонения корейцев его при-

Валентин Яковлевич Бизяев. 2004 год.

**Надежда Мироновна Бизяева
с дочерью Татьяной. 2015 год.**

давило бревном, и, став инвалидом детства, он мало участвовал в общественных мероприятиях. Продемонстрированные им картины носили отпечаток судьбы автора и были тяжелы, драматичны и суровы. Узнав цены, я откланялся и редко уже встречал «Колумбовича». При всем моем глубоком уважении к «нашим» корейцам, у них есть очень интересная черта: чтобы почувствовать движение, они часто рубят сук, на котором сидят.

Более тесно судьба связала меня с Валентином Яковлевичем и Надеждой Мироновной Бизяевыми. Мне очень импонировал строгий классический стиль письма автора, и я выкупил в коллекцию добрую половину его работ. Причем «дядька Бизев» определял цены, завышенные или «пограничные», а потом сам опускал их в два-три раза.

В сентябре 2004 года, после первой персональной выставки, проведенной в пансионате «Энергия», он подарил свой натюрморт — живописно написанную сирень — Чередниченко Сергею, ошибочно подписавшись «Бизев В. Я.», после чего и получил псевдоним «Дядька Бизев» среди врачей медицинской команды.

Мы с «дядькой» облазили все чуланы и кладовые, где он десятилетиями хранил свою графику и живопись. Третья часть творений была безвозвратно утеряна под действием жары, холода и влажности. Но часть «жемчужин» удалось спасти. И мы повезли их по Средней Азии, завоевывая Самарканд, Бухару и Ташкент. Работы В. Я. Бизяева многократно выставлялись в центральных залах Ташкента и всегда вызывали гамму самых приятных эмоций. Вот так «брошенные дети» талантливого

мастера встали на службу искусства и культуры Республики. Спасибо тебе, «дядька Бизев». Но какой бы ты судьбой ни обладал и по каким бы дорогам ни ходил, последний путь у всех един. И об этом тоже не следует забывать. Правда, есть варианты... Ну, например, стать экспонатом анатомического или политического музея, но «дядька Бизев» ушел правильно и по-человечески. В последнюю неделю жаркого сентября 2010 года его тело было перемещено из его убогой мастерской на грузовом ЗИЛе в богатейшую землю Ферганы, которую он горячо любил, рядом с семейным захоронением Абдуловых. Среди хоронящих художников ферганского отделения не было, а мы с Сергеем, проводив его в последний путь, уехали в Ташкент, оставив при себе много хорошего об этом мастере.

Но оказалось, совсем не так и не все. Через год в Фергане «Мироновна», к всеобщему удивлению и шоку, огласив завещание Мастера, передала мне более пятисот его работ, не увидевших свет, для «правильного» определения их судьбы. А судьба им выпала неоднозначная и очень странная: сначала они закружились в общем вальсе, очищаясь, реставрируясь, фотографируясь, классифицируясь перед каталожной работой, как бы готовясь к общему праздничному балу, предвкушая лучшую судьбу — ведь они ее заслужили. Одев праздничные багеты, около 300 работ переехали веселиться и дарить тепло и радость в детские лечебные и профилактические учреждения, интернаты и дома ребенка Ферганы, Андижана и Намангана. Им выпала счастливая фишка — жить и работать на своей Родине — в Долине.

Ошхона большого дома, где писалась книга.

Остальные стали столичными жителями, часть из них, выполняя божественные, милосердные функции, переселилась дарить здоровье взрослым и детям в лечебные учреждения Ташкента. Оставшаяся, симпатичная мне толка, соединившись с братьями и сестрами по Отцу, уже давно ставшими столичными жителями, приняла вместе со мной богемный образ жизни в праздничной, выставочной жизни города.

Молодец, «дядька Бизев»! Зажег себе тысячу немеркнущих лампад, в которые люди сами подливают масло. Да и работы не задал никакой: всего лишь пару лет напряженной и ответственной творческой жизни. Спасибо ему, и пусть его труд будет благословен Богом и людьми.

В красавице Фергане мы с Сергеем частенько снимали большой частный дом рядом с Домом художника и кафе «Браво». В нем собирались Ферганские художники, приезжал Александр Каменский для съемок материала к фильмам по моей книге. После одного из творческих вечеров, Баят Мухтаров никак не мог успокоиться и только после того, как я позвонил ему валдайским коло-

Работа над книгой в Фергане. 2011 год.

кольчиком над ухом, закрыл глаза и растянулся в сладкой неге. До хрипоты спорили с Каменским о роли личности в искусстве и даже вставали на стулья, чтобы лучше быть услышанными. Неделями занимались реставрациями картин и планировали арт-проекты. Весной 2017 года, проезжая через Фергану, видели как вся махалля была развалена. Город строился и преображался, но хорошие воспоминания и образы из истории пребывания

Артыков Мухаммадjon в мастерской. 2019 год.

Эркин Кувандиков. «Утро в долине», холст, масло, 75х65 см. (не в коллекции)

оставались в нас, а искусство помогает это восстановить!

Удивительно красивая бывает природа в Ферганской долине. С наступившим праздником Навруз в ней всюду все цветет, воздух наполнен ароматами от распустившихся полевых цветов и плодоносящих деревьев, ощущается многоголосье певчих птиц. Только от одного воздуха ты становишься пьяным, а от песен маленьких пичужек повышается вдохновение. В душе открывается творческая философия, состоящая из всех цветов радуги. Не даром говорят, что в долине есть энергетический столб, уходящий из земли в небо, центром которого является город Фергана, он и способствует озарению этой местности, создавая чудеса и прелести в природе. Это еще не все мысли, которые можно излагать в письме и не только.

С этой знакомой ностальгией мы 21 марта 2019 года со своимком Сергеем Александровичем приехали в долину за оставленными в 2011

году незаконченными сорока натюрмортами Бизиева В.Я.

Работы в то время взялся дописать Журабаев Мухаммаджон, но, не справившись с задачей, передал их другому Мухаммаджону — художнику Артыкову, снявшего под мастерскую комнату в подвальном помещении МЧС.

Обстановка и освещение в ней соответствовала месту аренды и пропись получилась угрюмая и не радостная. Нарушался основной закон живописи — свет + цвет. Так что дальнейшую судьбу этих работ определила Христина Губская — дочь в прошлом известного художника Виктора Губского, и определила их правильно, прописав с душой.

Художник Виктор Губский.

Христина Губская.

Там же я встретился с другом Мухамаджона — Фуркатом Кучкаровым — театральным художником Ферганы, пишущим свои работы объемно и похожими на декорации.

Приобрел у друзей по картине, мы расстались вполне счастливыми.

Вспоминая великолепную Фергану, ну как не вспомнить Любашку Семизорову. Говорить о ней начинаю всегда с двух теплых слов — красива и умна, но если по-честному, то умна и красива. Если и есть кто-то красивей Любы, то это только одна женщина-мастерица в Фер-

гане — Иринка Батова. Она ученица Любы по художественному ткачеству — гобелену. Она отличный живописец и график. Иринка напоминает мне лисичку-мастеричку, умную и тактичную. В моей коллекции ее живопись, графика и гобелен сверкают, как звездочки. Я очень горжусь триптихом «Мак Кастанедь». Последнюю работу из этой серии Ирина выполнила по моему заказу и посвятила ее мне. Не много ли чести? Думаю, что как раз! Бывая в других городах мира, я часто вспоминал Любу — ее начальственную поступь (ведь она уже десять лет

С Фуркатом Кучкаровым. 2019 год.

Любовь Семизорова. 2008 год.

Любовь Семизорова. «Композиция № 1», 2004 г.
Гобелен, 60 x 50 см.

Ирина Батова. 2007 год.

Ирина Батова. «Мак Кастанедь», 2003 год,
гобелен, 70 x 55 см.

**Открытие выставки группы ферганских художников «Мост»
в Театре Марка Вайля «Ильхом». 2008 год.**

руководит Ферганской группой художников), улыбку и нескончаемую доброту. Воистину магнетическая женщина, а в настоящее время ей приходится быть и воинственной, похожей на богиню охоты Диану. У ребят-художников стали отнимать «избушку лубяную», их альма-матер — художественные мастерские.

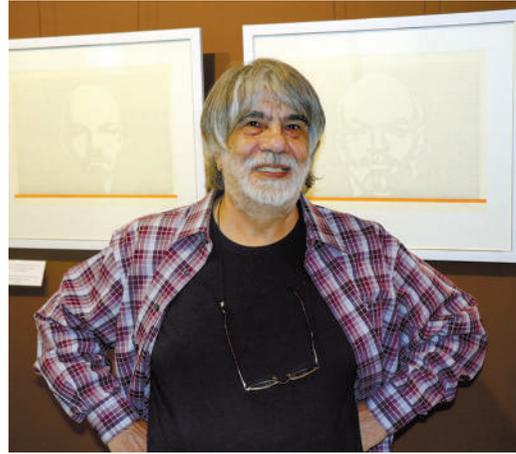
Таких типовых зданий в Республике три: в Фергане, Андижане и Самарканде. Самаркандские художники засуетились во время «перестройки» и приватизировали здание. Аслидину Исаеву удалось, кроме своей мастерской, приватизировать и демонстрационный зал. Все было роздано художникам, даже подвальные помещения (помните мастерскую дяди Жоры?).

Группа ферганских художников, думая о «хлебe насущном», прозвала ситуацию, а в то время приватизация шла полным ходом. Все средства были хороши для захвата государственного имущества, для пополнения личной собственности. Здесь порядочность и романтизм давились «машинной» власти и денег. Кто не успел, тот опоздал. В республике зарождалась новая экономическая формация. Линия фронта Академии художеств на этих флангах была прорвана частным капиталом. Понеслась судебная тяжба на года, однако ферганские художники выиграли затянувшийся процесс, и здание художественных мастерских было признано имуществом Академии, но, как мне кажется, это не полная победа и впереди еще бой...

Наверное, прав был М. Фатхулин, оставив в трудные 90-е свой пост старшего в команде ферганских художников и перебравшись в Москву, а там преуспев в своем искусстве и художника, и организатора. Не знаю и не буду судить его достижения и таланты. Дай Бог, чтобы он и его семья здравствовали, но в своей книге, выпущенной в Москве в 2009 году, он так тяжело прокатился по нашим мастерам искусства, что даже досталось Славе Ахуну — его земляку по Фергане. Да, может быть, Слава неудобен многим в контакте, критичен к собратям по искусству, авангарден и в одежде, и в творчестве, и в поведении, но он все же, положив хлеб на свой дастархан в мастерской, пригласил всех художников Ферганы после открытия их выставки в театре «Ильхом» осенью 2009 года.

Я встретил Славу в начале 2017 года и не узнал, похудев килограммов на двадцать и сменив эпатажные одежды на консервативные, он выглядел как мальчик. Встреча произошла в только что открытой Беллой Собировой галерее современного искусства «Zero Line», где он помогал консультациями и оформлением. Рассказав о своих выставках за рубежом, поделился своими концепциями вновь открытой площадки искусства, возлагая большие надежды на ее работу и оценивая в этой связи увеличения общего пласта культуры Республики. Бывая на выставках, концептуальных встречах и прочитав лекцию для широкой аудитории о частном собирательстве живописи, я был рад возрождению движения искусства по окончании депрессивных перестроечных лет.

В Фергане и в Ташкенте были интересные встречи с художником Мухамаджонном

Вячеслав Ахунув. 2017 год.

Джурбаевым и Гульчехрой — его супругой и менеджером. Жены зачастую менеджуют деятельность своих мужчин и в жизненной, и в профессиональной сфере, особенно если место их работы находится прямо в доме. Поначалу, лет десять–пятнадцать, мужчины думают, что они хозяева. Но, вырастив детей, женщины забирают инициативу в свои руки, и по мере пополнения семьи невестками и зятями становятся самодержавными, управляя экономикой и политикой своего маленького «государства». Таких семей подавляющее большинство. Гульчехра управляла всем хозяйством, исключая только лишь написание картин, в котором Мухамаджону помогали подрастающие внуки и дети. По сути Мухамаджон очень добрый, покладистый, открытый и миролюбивый человек. Великолепный мастер реалистической живописи. Причем

Гульчехра Джурабаева. 2015 год.

Мухамаджон Джурабаев. 2016 год.

в любом жанре: в портрете, пейзаже, натюрморте он одинаково силен и доводит каждую свою работу до совершенства, до точки.

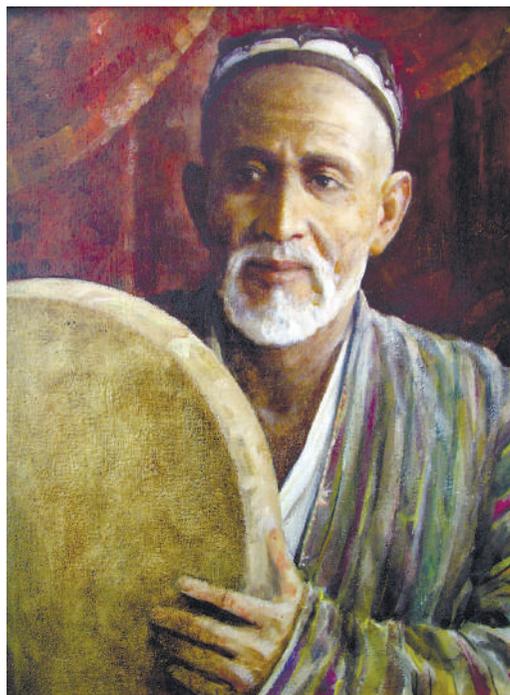
Многие художники, не завершая работу полностью, считают, что тем самым оставляют простор для мыслей зрителя или для улучшения ее в авторских копиях. Например, мастера созане оставляют одну из строк незаконченной. Есть поверье: закончил работу — закончил творческую деятельность. Хотя большинство зрителей судят о мастерстве автора по степени завершенности его детища. Помните, Иванов писал свой шедевр «Явление Христа народу» 20 лет в Италии. Выполнив несколько сот этюдов, доведя их до совершенства, сложил из них огромное полотно. Что-то я не припомню других его работ,

более весомых. Этой значительной работой и закончилась его творческая биография, хотя искусствоведы могут мне возразить. Степень завершенности — очень индивидуальное понятие. Некоторые наброски и этюды художников кажутся мне вполне завершенными. Одну такую работу я, выкупив, снял с мольберта одного известного академика — мастера кисти. На подготовленном к живописи белоснежном холсте станкового размера маркером был дан абрис тела известной топ-модели Анжелки. Причем все это было сделано на одном дыхании и без единой поправки. Уже это говорило о высочайшем мастерстве исполнителя и не нуждалось в дальнейшей раскраске. На скромном семидесятипятилетнем юбилее «нескром-

Мухамаджон Джурабаев. Портрет Тамары Ханум, холст,масло, 60x80 см.

ного» мастера из тринадцати присутствующих за правильность моего поступка проголосовали десять. Хотя были и другие мнения. Впрочем, я понимаю, что это только начало и рожден всего лишь «щенок». Но, зная «производителя», был уверен, что взял щенка дога, а не пекинеса. Кстати, большинство «новорожденных» уже прелестны, и мы зачастую не видим, как они взрослеют. Мне просто удалось остановить мгновение. Как вполне законченными мне кажутся работы Мухамаджона Джурабаева. При-

Мухамаджон Джурабаев. Портрет дойриста Олима Камилова, холст,масло, 60x80 см.

чем его творчество совершенствуется от года к году, и кажется, что ухудшение зрения и возраст этому великолепному мастеру не помеха. В моей коллекции около пятидесяти графических и живописных работ, которыми я горжусь и которые зреть не устаю. Великолепны портреты Тамары Ханум и заслуженного мастера искусств Узбекистана дойриста Олима Камилова, его земляков-маргиланцев. Его дынно из натюрморта очень хочется отведать, а его цветы, прописанные изящно, понюхать.

Ферганские художники у Арт-кафе «Браво» в Фергане.

Мухаммаджон очень производителен. Очевидно, в семье налажена работа с помощью детей и учеников. Всем этим большим хозяйством руководит его жена, определяя стратегию и тактику, организовывая выставки, продажу картин, собирая заказы. В принципе, это очень сложная работа. Правдами и, в большинстве случаев, неправдами Гульчехра справляется с этим хозяйством.

В 2004 году по дороге из Киргулей в Фергану я заметил серию лайтбоксов с изобра-

жением черной кошки, чья тень была в форме фигуристой женщины. Сюжет мне показался интересным, и когда я побывал в кафе «Браво», то увидел аналогичную кошку в оформлении фасада здания. Я полюбозытствовал, чья это работа, и мне сразу ответили, что сюжет и исполнение Алишера Хамидова. Я был удивлен быстроте ответа, но, как оказалось, в этом Арт-кафе собиралась вся богема Ферганы. За соседним столиком в кругу ферганских

Арт-кафе «Браво». 2005 год.

художников сидел ташкентский маг и чародей, гениальный художник, прославившийся своим новаторством в искусстве, Баходир Джалалов. Мы обменялись приветствиями, общепринятыми на Востоке, и он тут же познакомил меня с сидевшим рядом Алишером Хамидовым. Я похвалил работу и сразу же заказал авторскую копию.

За четыре года мною было заказано четыре кошки разного окраса — от черной до белой, и странная их ждала судьба. Первая кошка была подарена жене посла России в Узбекистане Елене Дмитриевне Рюриковой, вторая — моей бывшей подруге — Ирине Николаевне Подуфалой, третья — бывшему директору Навоинского горно-металлургического комбината Николаю Ивановичу Кучерскому, а куда сбежала четвертая — не знаю.

**Во дворе Арт-кафе «Браво»
с Алишером Мадалиевым. 2014 год.**

Интересная судьба второй кошечки. Когда владелица решила поменять багет, то обнаружилось, что кошка прописана на картоне, умело подклеенном на холст. Подарок был мне возвращен, и «бумажная» кошечка перекочевала в дом родной. Говорят, что кошки и собаки хорошо знают свой дом.

Ко времени моего знакомства с Алишером он почти прекратил работу в живописи и занялся виноделением и художественной ковкой, а зря. «Тренировался» бы на кошечках и жил бы беззаботно. Ведь Саврасов в свое время сделал четырнадцать копий своей картины «Грачи прилетели», и сейчас достоверно неизвестно, оригинал или копия находится в Третьяковке. После продажи своего шедевра Третьякову он уже не написал более сильного полотна и жил от продаж копий. Гиляровский в своей книге

Алишер Хамидов. 2008 год.

«Москва и москвичи» описал встречу с великим художником: «Мы с учеником Саврасова — Левитаном пришли навестить жившего в бедноте, одинокого, стареющего мастера. Он спал пьяный, прикрывшись рваным тулупом, в углу каморки-мастерской. Посреди комнаты стоял станок с очередными недописанными «Грачами», рядом табуретка с недопитой бутылкой водки и рассыпанной из кулька клюквой, закуской очевидно».

Алишер Хамидов — низкорослый, щуплый, зеленоглазый усто со слегка кифозированным позвоночником и с пшикарной, волнистой с проседью копной волос, похожих на цыганские. С виду ему около пятидесяти. Спокойный, немного неуверенный в себе, скромный, поэтому его подружки Ирина Батова и Люба Семизорова помогают ему в продаже его продукции.

Алишер Хамидов.
«Кошка», 2000 год, картон, масло, 68x75 см.

В связи с тем, что искусство держало его впроголодь, ему пришлось заняться и виноделением, и художественной ковкой. Как-то решать свои проблемы надо! И, видно восприняв мои пожелания, в конце 2017 года интернет запестрил предложениями кошек-женщин великого «кошковеда» Ферганы, а ведь анималистом его не назовешь. Скорее всего, из-за своей природной скромности и могучего таланта, используя грацию животного, Алишер передает божественные черты характера и душу женщины. Рядом с его работами мне всегда хотелось сказать ему: «И тебя любят женщины».

Кстати, многие художники вынуждены кроме искусства заниматься еще и бизнесом: кто растит цветы, кто — водоросли для аквариума, кто пробует себя в плодоводстве и овощеводстве, кто-то держит скот или пасеку. Только

очень успешные художники занимаются лишь своим ремеслом. Это, как говорится, пешона тахдир — кому что на лбу написано. Таких везунчиков по пальцам перечесть. Удел этих мастеров — слава и деньги. Их редко увидишь на простых выставках. Они пишут работы под заказ богатым клиентам или предопределяя желания своих «доноров».

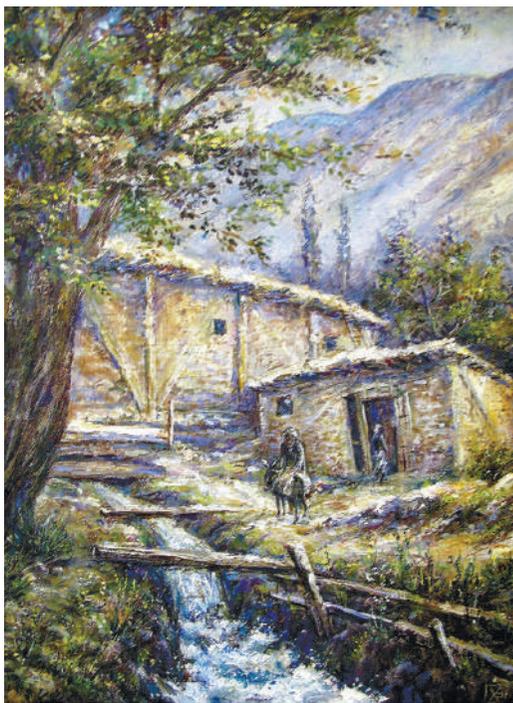
В моей коллекции только одна такая работа. Она была выполнена за несколько дней, а оплачивал я ее частями более трех месяцев. Это авторская копия очень известной работы известного мастера. Я мечтал иметь ее с тех пор, как впервые увидел лет десять назад на большой выставке, организованной одной из швейцарских фирм в Центральном выставочном зале. Мечты мои сбылись, и авторская копия в моей коллекции, но радости я что-то не получил, да и с гордостью за ее обладание что-то не так. Видно, перешел я свой Рубикон не в том месте и не в то время. «Каждый сверчок должен знать свой шесток».

К одному из известностей я обратился на ступеньках Центрального выставочного зала с просьбой посмотреть его работы и мастерскую. Он вежливо сказал, что работы стоят очень дорого. Очевидно, он знал меня и мои возможности, и это было вежливым отказом. В мире искусства, как и в других мирах, есть своя элита, наделенная властью и деньгами. Как маяк, они определяют курс стремлений своих братьев по искусству. Но есть и другие, «свободные» художники, которые, потеряв курс, не ориентируются на сигнальные маяки общественного видения. Плывут себе, куда не понять, ориентируясь лишь на «розу ветров», и не торгуют своими

работами. Таких «романтиков» тоже считанное количество. И те, и другие по-своему гениальны и наделены определенной харизмой.

Здесь же в Фергане мне посчастливилось познакомиться с семьей художников Хайдуковых — Валерой и Ниночкой. Прекрасная пара творцов. Ниночка — главный художник Кувайской фарфоровой фабрики. У нее я приобрел несколько сервизов ручной работы и вазы напольные и настольные, расписанные ее рукой. Особенно мне понравилась настольная ваза «Маргиланская красавица».

Мы с Сергеем были приглашены и в мастерскую Валеры, и в Дом художников, и в мини-мастерскую дома, как и у всех художников располагающуюся на балконе, на втором этаже высокопотолочной двухэтажки сталинского образца в Киргулях. Валера представил ряд работ разных направлений — и авангарда, и классической живописи. Его авангардный романтизм был настолько грустен и темен, что даже его философская канва не смогла мне польстить, а вот классическая пропись была бесподобно изящной и ажурной. Я бы сказал, что картины были сложены из точек, как мозаика, и восхищали своей яркостью, сочностью и витиеватостью. Я приобрел у него около десяти работ, которые с успехом выставял и в Ташкенте, и в других городах Республики. Всмотриваясь в его пейзажи, как будто слышишь музыку. Картины не только «чудесно пахнут», но и звучат. Это сильное впечатление для всех органов чувств, исключая вкус, но можно даже и его подключить: текут же слюнки, когда смотришь хорошие «пищевые» натюрморты.

Валерий Хайдуков «Старая мельница в Ярдане»,
2003 год, холст, масло. 46 x 58 см.

С Валерой очень тяжело торговаться. Только видя улыбку своей жены, он чуть-чуть уступал.

Нина поделилась со мной, что Кувасайская фарфоровая фабрика испытывает трудности в связи с прекращением поставок из Украины белой глины, из которой делали фарфоровые изделия. Зато в Риштане, недалеко от Ферганы, гончарное искусство набирало силу. Из двадцати мастеров в социалистическую эпоху их количество вырос-

Валерий Хайдуков. 2004 год.

Нина Хайдукова. 2015 год.

до до шестисот к 2009 году. Раньше мастера сами разрабатывали залежи особой красной глины. В настоящее время рыночные ступени производства дифференцировались на тех, кто ищет залежи красной глины, ее разработчиков и продавцов, гончаров, тех, кто занимается обжигом, художников, расписывающих вручную изделия, и продавцов розничной и оптовой продажи, а также тех, кто менеджирует и рекламирует товар. Таким образом, при грубой прикидке, с начала производства до покупки товара — прекрасной, радующей глаз риштанской посуды — задействовано около 20–30 тысяч человек. Их изделия можно встретить во всех уголках Узбекистана и за рубежом.

В Риштане Рустам-ака открыл мастерскую гончарных изделий, в которой представлены образцы работ разных мастеров и направлений. Я часто бывал у него в гостях, и нас связала долгая и плодотворная дружба.

Гончар.

Создатель Риштанского выставочного зала гончарных изделий Рустам Махмудович Усманов.

Назира Усманова. 2008 год.

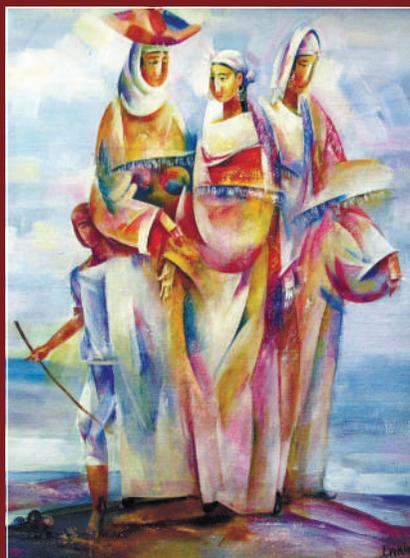
Дом Усманова Рустама - мастерская керамики. 2016 год.

Каким же благом стала для меня и моих друзей-врачей дружба с ферганскими художниками. Я провел семь выставок в Фергане и пять в Ташкенте, Самарканде и Бухаре. Каждый наш приезд в Фергану сопровождался выставками, встречами в кафе «Браво» у Влада, на природе и в моих домах, которые я снимал на время командировки. Помните, в 2007 году мы снимали с Сергеем большой дом не-

далеко от областного ферганского телевидения и вместе с моим другом Ринатом принимали в гости двенадцать ферганцев. Еле хватило специально приготовленных на заказ 500 пельменей, чтобы хорошо посидеть и посудачить о том о сем. Работы ферганских художников в моей коллекции сверкают яркими звездочками, делая людей добрей, сильнее и мудрей, как и сама красавица Фергана!

БУХАРА

Абдуллаев Музаффар
Абдуллаева Шахноза
Авезов Рахмон
Барноев Асад
Барноев Вафо
Барноева Дильрабо
Бухарский Анзор
Гафаров Рустам
Жураев Эркин
Саиджанов Зелимхан
Саломов Баходир
Тошев Давлат
Хакимов Искандер
Фадеев Сергей

Ишак приносящий дивиденды

Бухара — родина нашего учителя жизни и медицины великого Абу Али ибн Сины. В Бухаре в пятидесятых годах прошлого века после окончания Ташкентского сельскохозяйственного института работал мой отец Константин Константинович Назаров. Под его руководством в районе аэропорта было высажено около 2000 плодовых деревьев. Начатое им дело продолжили ученики, превращая землю святой Бухары в сад. После смерти отца я читал его бухарские письма, адресованные моей маме. Они наполнены любовью к жизни, к Бухаре, к семье.

Молодым врачом я часто бывал в Бухаре в медицинских командировках, помогая развитию детской реанимационной службы области. А вот к поездке в марте 2005 года с большой группой медиков моей команды готовился особенно тщательно. Я мечтал принести людям Бухары мои дары — филигранные медицинские методики диагностики и лечения заболеваний опорно-двигательной системы и, что вообще не характерно для экспедиционных медицинских групп,

Сотрудники Медицинского центра «Аник».
Бухара, 2005 год.

Константин Константинович Назаров.
Бухара, 1954 год.

свою художественную коллекцию, состоящую из сорока полотен ташкентских и ферганских художников и шестнадцати оформленных исторических раритетов истории Бухары.

Работы украсили холлы и кабинеты санатория-профилактория Бухарского хлопчатобумажного комбината, где мы проводили медицинский прием.

Коллекцию раритетов тщательно собрал и оформил по моему заказу ташкентский антиквар и багетчик Рафаэль Еналиев, утверждая, что каждый экспонат уникален. В эту коллекцию входили деньги Бухары 18–20-х веков, фотографии свиты эмира начала прошлого столетия, театральные афиши, карта раздела эмирата 1924 года, стратегическая карта ВЧК Бухары и ее окрестностей 1927 года, путеводители по городу 50–60-х годов. Каково же было мое удивление, когда в Государственном музее истории в Арке я обнаружил фотографии свиты эмира,

но увеличенного размера и оформленные тем же Рафаэлем, и от души подаренные музеем одной из дипломатических миссий Европы. Антикварный бизнес всегда полон загадок и тайн, и все же бизнес есть бизнес. Зато остальные раритеты не вызывали сомнений в подлинности и очень заинтересовали бухарцев. И в кабинете, ставшем на время моим рабочим, наравне с медицинскими консультациями проводились и экскурсии в историю Бухары.

До поездки в Бухару я встречался с очень интересным человеком — гидом турфирмы «Asia Travel» Рустамом Гафаровым. Энциклопедически начитанный, интеллигентный, полглаз, он рассказывал мне об истории и о людях Бухары. К сожалению, он ушел от нас в конце 2017 года от тяжелого заболевания печени. Много раз упоминал об очень интересном человеке кутирчокбозе — сказочных дел мастере Искандаре Хакимове.

Мы ведь все родом из детства, помним о представлениях на открытых площадках с канатоходцами, карнаями и сурнями, клоунами, силачами и, конечно же, с кукольными представлениями. Всеми органами чувств припали мы к этим праздникам, вдыхая запах горячих лепешек и папшлыка, медленно смакуя во рту пластинки из кунжута и миндаля, залитые затвердевшим сладким сиропом, наслаждались медными басовитыми звуками карная и подпевающего ему сурная, обзоредали сочную палитру праздника и исподтишка старались дотронуться до пробегающего клоуна — маскарабоза. А томление перед спектаклем в полузатемненном зале кукольного театра, где каждая минута ожидания равна часу и сравнима лишь с ожида-

Рустам Гафаров. 2010 год.

нием свидания со своей возлюбленной. Вот гаснет свет, раздвигается занавес, и лучи софитов врываются в новую сказочную жизнь, где ты все принимаешь за истину и соглашаешься со всем происходящим за невидимой гранью между реалиями жизни и сказкой. Ведь в детстве все вокруг сказочно, отрицательные герои имеют такие же права на жизнь, как и положительные. Без них и сказки не получится.

Дети не понимают различий друг в друге, а просто требуют праздника и кукол. Они будут их одушевлять, учить и воспитывать по примеру взрослых. Бог произвел нас подобными себе, вдохнув в нас душу. А мы создали кукол, чтобы они жили по нашим сценариям. Мы учим жить наших детей, используя игрушки. Сначала соски, эксплуатируя их сосательный рефлекс. Затем показываем им формы и структуры, предлагая шарики, кубики. Потом

даем погремушки, используя их хватательный рефлекс. Мягкие игрушки — заек, мишек — используем для развития тактильной и фиксационной глазодвигательной активности. Народная мудрость гласит: «Дети — это наши куклы, а внуки — наши дети». Люди и куклы очень похожи. Возьмешь в руки куклу или даже просто помотришь на нее и тем самым оживляешь ее, делясь своей энергией, передавая свою температуру, запах, заставляя двигаться в ритме нашего сердца. А движение энергии — это уже жизнь. Кибернетические куклы-роботы в некоторых сферах жизни уже превосходят возможности человека. Кукла — это явление, микросхема человеческой души со своими привычками и мироощущением. Зеркально экстраполируя характер своего будущего хозяина, кукла может лечить, оберегать от соблазнов, снимать депрессию и повышать уровень устойчивости к стрессу и даже убить.

Раньше мастера кукол и кукловоды считались людьми, приближенными к Богу. Они были людьми просветленными и мудрыми. Их уважали и всегда считались с ними. Таким и оказался наш устоз — кургирчоқбоз Искандер Хакимов. Родители художника нарекли своего сына именем великого Македонского, возложив тем самым на его плечи нелегкую миссию. Мальчику предстояло имя оправдать, подтвердить жизненными подвигами, стать сопричастным к великому искусству и востребованным своим народом, одаривая его эксклюзивными творениями.

Искандер приятен в общении, прекрасный собеседник. Путь его в кукольное искусство был непрост. Работа в школе учителем не удовлетворяла его ни в финансовом разрезе,

**Мастер кукельник Искандер Хакимов.
2010 год.**

ни в душевном равновесии. И удача улыбнулась ищущему: его бывший ученик Эркин Жураев, театральный художник, привел Искандера к азам кукольного искусства. Плохой учитель научит истине, хороший — поможет ее найти. И в 1996 году Искандер Хакимов организовал первый кукольный театр в Бухаре.

Народная мудрость гласит: «До 20 лет ума нет и не будет, до 30 лет жены нет и не будет, до 40 лет денег нет и не будет, до 50 лет здоровья нет и не будет». Опираясь на эту нехитрую мудрость, наш устоз прошел все этапы

Перчаточные куклы Искандара Хакимова.

на «отлично» и даже с плюсом, успев на самом ответственном дважды жениться. В свои 50 он строен, красив и зеленоглаз.

Проведя небольшие маркетинговые исследования и окончательно поняв, что в регионе лучшего нет, я разместил у устоа заказ на 30 перчаточных кукол, похожих на меня, для подарков родным и близким. Уворачиваясь от вопросов «почему похожих на себя?», подспудно указывающих на культ личности руководителя, отвечаю, что вдруг сотрудникам и близким захочется манипулировать шефом в домашних условиях. Ведь японцы не боятся

выставлять манекены своих руководителей в раздевалках или коридорах для свободного выхода накопившихся за рабочий день эмоций. Куклы были изготовлены прямо ко дню моего рождения в марте 2006 года.

Над каждой куклой работает целая бригада мастеров, включая художника, дизайнера, певца или даже ткача, атрибутищика и в конце — кукольника. Одному лишь Папе Карло удалось в одиночку создать мировую известность — Пинноккио или Буратино. Кстати, для разных регионов характерны свои куклы. У нас — Палван Качал, в России — Петрушка, в Чехии — Кашпарек, в Италии — Пульчинелла, во Франции — Полишинель, в Германии — Гансвурст, в Австрии — Косперле. В Турции черноглазого Петрушку называют Карагез, а в Англии — Панч. Они разные только в одежде, а на лицо и характер очень схожи. Их изготавливают конвейерным способом для туристов. Они как символ страны, и стоят недорого. В том же году Искандару была заказана эксклюзивная кукла дервиша, экипированного в одежды 19 века суфийского толка со схожим с моим лицом. Над моим проектом работали около четырех месяцев, и когда в Ташкенте я открыл большую коробку, присланную мне оказией из Бухары, радовался как ребенок, умиляясь и рассматривая детали.

Дервиш стал моим братом и другом и занял самое почетное место в квартире — на моем письменном столе. Мы часто беседовали, глядя друг другу в глаза, и говорили только правду. Когда я плакал, он огорчался, а когда уезжал в командировки, очень скучал. Кутирчокбоз Искандер будто почувствовал это и через два года послал мне дружеский подарок — собеседника

Перчаточная кукла «Дервиш».

дервишу. Это была изысканно сделанная кукла охранника Бухары с модели 18–19 веков, слегка напоминающая «верещагинского охранника». Сделана она была настолько виртуозно, что даже самый крутой педант не нашел бы к чему придаться. Боевое копьё и щит из натурального сырья затмевались грацией кинжала в ножнах, заткнутого за пояс, оформленного настоящими разноцветными камнями. Никакой имитации, все натуральное, только в миниатюре. Халат из натурального шелка изящно простеган и одет на нарядную домотканую рубашку из хлопка. Голову украшал

Перчаточная кукла «Стражник».

шлем из меди, и, как положено, на шею и плечи свисала железная бахрама. В чертах лица угадывалась некоторая бравада, неприступность и высокомерие. Я поставил кукол рядом друг с другом и успокоился, но напрасно, так как между дервишем и охранником начался конфликт. Причем исходил конфликт от стражника. Я стал замечать, что он поворачивается боком к дервишу и не хочет с ним общаться. Мою догадку, что супруга, убирая на столе, незаметно для себя поворачивает куклу, Светлана категорически отвергла. Наверное, в той, прошлой жизни охранники не очень

Светлана Петровна Назарова. 2010 год.

жаловали дервишей-бродяг — суфистов, отождествляя их с шайтанами.

Мне казалось, что я уладил конфликт, передвинув охранника на другой конец стола. Но с него теперь стали таинственно исчезать то шлем, то копьё, то кинжал. Мой охранник без вооружения стал походить на экзальтированного бая. Я обнаруживал его амуницию то в столе, то на книжной полке. Казалось, что этот конфликт разросся и вышел за пределы

отношений двоих, перекинулся на всех обитателей стола. Ручки и карандаши оцетинились, а книги своими толстыми боками все норовили сбросить моего нового знакомого с края стола. Ссора уладилась так же внезапно, как и началась: я обнаружил пропавшую амуницию охранника в «братской могиле» — большой картонной коробке для игрушек моего младшего внука Богдашки. Вот они и попались, «ручки шаловливые». Я убрал свер-

С внуком Богданом Каледа. 2009 год.

кающую амуницию для сохранности внутрь письменного стола — на время.

Дервиша Богдашка не трогал, возможно, из-за колючей проволоки. Очевидно, что со стражником у него просто были свои разборки. Я не лезу в их отношения: сами разберутся. Мальчик переехал жить в страну сказок. Пусть живет там, сколько хочет. Эмигрантам из этой страны зачастую бывает нелегко.

Недвижимая кукла не мертва, она думает,

как гений или философ. И ей своего внутреннего движения достаточно, чтобы познать динамику движущегося времени. А нам, простым людям, нужно видеть динамику изменяющейся жизни, чтобы понять, что мы живы и живо все, что движется вокруг нас. Мы считаем, что движение — это жизнь. Куклы задвигались в руках человека, он стал отождествлять свою жизнь с жизнью кукольного мира. До сих пор существуют четыре вида кукольных театров: марионеток, перчаточных кукол, театр теней и театр, где люди и куклы играют одновременно. Не берусь судить, что было в ранних цивилизациях (а они, я уверен, были с их определенной культурой. Ведь генетики расшифровали только последнюю, а ей около ста пятидесяти тысяч лет), а вот в нашей цивилизации куклы, как и человек, произошли из Африки и двигались на Восток, а затем — на запад и расселились по всем континентам.

Из 11 века Омар Хайям напоминает нам о наличии кукольного театра:

Мы послушные куклы в руках у творца,

Это сказано мною не ради словца.

Нас по сцене Всевышний на ничточках водит

И пихает в сундук, доведя до конца.

Детскую радость от общения со сказочным миром кукол я экстраполировал на всю жизнь. Помню первое посещение Театра имени Образцова в Москве в 1970-м году. Давали «Божественную комедию» Данте. Я сидел в первом ряду напротив сцены. И в конце спектакля, когда все рукоплескали стоя, на авансцену вышли три актера с куклами на руках, я впервые увидел худого, полуседого,

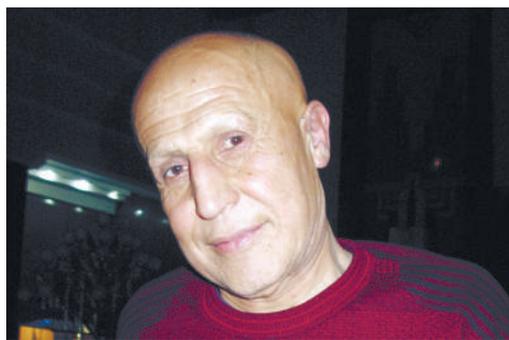
хромого, неказистого, в черном трико человека. Так я встретился глаза в глаза с великим «Паниковским» — гением театра и кино Зиновием Гердтом с Творцом на руках. И вот багряно-золотой осенью 2009 года я мечтал посетить частный кукольный театр Искандера. Но у меня ничего не вышло. Был разгар хлопковой страды, все страждущие и нестраждущие были мобилизованы, театр был закрыт, лиры молчали. Зато я нашел Искандера в новом помещении на самой центральной

Асад Барноев. «Дева»,
монофтипия, 40 x 28,5 см.

тропе туристов, ведущей к первому Куполу. Там на первом этаже был выставочный зал, а на втором — мастерская. Он жаловался мне, что аренда за его скромную каморку в медресе Нодир Девон Беги (1622 года) выросла с 1996 года с тринадцати тысяч сумов до восьмисот тысяч, а сейчас ему придется выплатить за аренду три миллиона. Грустно покачав головами, мы перевели разговор на другую тему. А про себя я подумал: плачет, чтобы не сглазили, и аренда, если перевести в доллары, не сильно-то и возросла. Если же учесть размер арендуемой площади и место расположения, то видно, как растет мастер, и я порадовался за него и в душе пожелал ему успехов.

Помнится, в феврале 2006 я разместил очень странный заказ знатоку женского психологического портрета, известному живописцу Бухары Асаду Барноеву. Я попросил его написать триптих, где хитрость, жадность и предательство предстанут перед зрителями в женском облики. На примере классики, узнаваемой всеми, — Натальи Гончаровой и Пушкина, например. Дав стартовую сумму и зная производительность труда мастера, я был вполне уверен, что заказ будет выполнен через год. И зря. У него не оказалось судьбы быть выполненным ни через год, ни через два, ни через три. О Барноеве я услышал случайно, встретив русского человека в одной из маленьких галерей Бухары в 2005 году. Им оказался профессор геологии из Зарафшана Геннадий Николаевич Полищук. Он сказал, что приехал специально посмотреть «женщин» Барноева: они у него особые, и он не знает еще одного мастера Узбекистана, так владеющего психо-

Асад Барноев. 2009 год.

логическим портретом женщины. Про себя я подумал, что, может быть, он просто не знает других мастеров кисти и создал себе кумира. Ведь всегда есть тот, кто лучше лучшего. Но все же я был заинтригован, и встреча с мастером состоялась в огромном холле гостиницы «Бухоро Палас».

Асад Барноев оказался низкорослым, коренастым, совершенно лысым. С первого взгляда ему можно было дать лет 45, но он уже переступил свои 60. Одетый во все черное, он напоминал маленького Мефистофеля. Крупные черты неморщинистого лица, слегка вытянутого за счет несколько большей нижней челюсти, большие красивые губы, мягкая, пластичная походка, слегка бархатный, низкотрахеальный голос — все указывало на его чувствительность, флегматичность и множество тонких характеристик, присущих только женщинам, но с большой горбинкой, хитро изогнутый нос все же указывал на его сильное мужское начало.

Асад Барноев. «Любимая»,
холст, масло, 60 x 80 см.

А. Барноев родился в послевоенный 46-й год. Был много раз женат, слыл большим же-нолюбом и часто влюблялся. Он любил путе-шествовать, побывал в разных странах, про-жил в Америке много лет и получил среди бухарских художников кличку «американец».

В тот первый вечер мы много говорили, пили не только чай и в завершение были с ним уже на «одной ноге» в прямом и пере-носном смысле. Наутро мне сообщили, что

Асад Барноев. «Натали»,
холст, масло, 45 x 60 см.

еще, подсутившись, я успел прикупить у него шесть картин, выставленных, как и работы других бухарцев, в холле гостиницы «Бухаро Палас». Но из всего выставленного там я ни-чего не помнил, кроме изумительных панно великолепнейшего Баходира Джалалова. Они оформляли верхний карниз над ресепшном Авангардные, в виде полиптиха, они косвенно указывали на понимание автором по-особому происхождение жизни на Земле.

На другой день с больной головой и по-несколько оскудевшему кошельку я был стойко убежден, что пить так много нельзя и решать финансовые дела в таком состоянии тоже. Но мало-мальски уважающий себя и окружающих мужик должен лично отвечать за свои слова и дела. И все же правильно выбранные шесть великолепных работ А. Барноева перекочевали в мою коллекцию, улучшив тем самым финансовое состояние творца. Они навсегда распрощались с ним для дальнейшей самостоятельной жизни и, переодевшись в столичные одежды, стали изучать новый мир в просторных выставочных залах, прислушиваясь к разговорам знатоков и обывателей, становясь все умней и красивей.

Среди них мне очень нравилась работа небольшого размера в розовых тонах. Три женщины, одетые в красочные кимоно, под легкими бамбуковыми зонтиками, мирно беседовали на ходу. Каково же было мое удивление, когда спустя год я узнал, что автор, в общем-то писал мужчин. Три милovidные японки оказались мужчинами, ну прямо как в театре кабуки. В один из наших приездов в Бухару Асад удивил меня, представив работу на тему о том, как видит меня и мою любовь. Картина получилась большой и красочной. Среди кустов цветущей сирени юноша в цыганской рубашке, с лицом, сильно напоминающим лицо Фредди Меркьюри, нежно обнимал красивую раскосую девушку. С картины струилась любовь, но она была более телесной, чем духовной, и каждый «герой» жил в своем прекрасном мире. Я обратил внимание на то, что женщины А. Барноева очень схожи друг с другом. Любя женщин, он их идеализировал, с

**Асад Барноев с супругой Оксаной Ткаченко.
2009 год.**

возрастом приближая их тела и души к какому-то своему идеалу, к какой-то гармонии, известной ему одному. Мне стало понятно, почему маэстро не справился с моим заказом. Просто в его душе не было места для таких характеристик женской природы. Он был соткан из любви и женолюбия, олицетворяя в каждой «своей женщине» свою мать.

Прощаясь со мной в октябре 2009 года, уезжая с новой женой Оксаной Ткаченко в Симферополь, он сказал, что не смог одолеть мой заказ, но все же выполнил две работы. Не желая обидеть художника, я выплатил названную сумму, не торгуясь и не видя работ. Через три дня после его отъезда мне принесли двух переносных «детей» А. Барноева. Женщины были прописаны на темно-вишневом фоне, почти сливаясь с ним. На первой, большей по размеру картине на переднем плане была изображена жена Александра Сергеевича Пушкина — Наталья Гончарова и сам поэт на заднем плане. Лица их были холодны, печальны и отрешены друг от друга.

На другой картине на таком же темном фоне были изображены очень грустный мужчина и хитро улыбающаяся женщина. Она слушала старую цыганку, что-то шепчущую ей на ухо. Работы не понравились ни мне, ни моим коллегам. Любви с первого взгляда не вышло. Но, может быть, мы еще подружимся, более глубоко изучив друг друга, а я дождусь А. Барноева, ведь он должен вернуться на круги своя, для старта новой любви.

Там же, в холле «Бухаро Палас», я встретил художника Вафо Барноева. Он единственный, оставшийся от прошлого, «режимный» художник Бухары. Имея маленькую галерею в небольшом апендиксе холла, он был полностью подчинен режиму работы гостиницы. Арт-галерея и мастерская, как два в одном, неразделимы с холлом: задвигались люди в холле — галерея начинает работать, прекратилось движение — закончилась ее жизнь.

**С Вафо Барноевым в холле «Бухаро Палас».
2009 год.**

Работа и творчество от звонка до звонка дисциплинирует. «Свободный художник», по обыкновению, ждет подлета Пегаса: подлетит — не подлетит. Если подлетит, то заберет с собой или просто лягнет копытом. Ожидание у моря погоды. В свободное от работы время «свободные художники» по обыкновению ругают всех и все. Довольных своей жизнью и жизнью других людей, независимо от их социального, политического и экономического положения, среди «свободных художников» нет. А если и есть, то как исключение. И это норма. И только у постоянно занятых трудом людей нет мыслей на тему «как нам реорганизовать Рабкрин?»

У Вафо творческая активность укладывается строго по времени: подъем — отбой, упал — отжался — никаких сантиментов. Это немного утрировано, ведь каждый человек имеет возможность и похандрить, и поболеть. Пятидесятилетнему Вафо помогают не нарушать

Дильрабо Барноева. 2009 год.

Вафо Барноев. 2009 год.

сложившуюся ритмику жизни любимая жена Дильрабо и дети, имеющие художественное образование. Кстати, сын закончил тот же Ташкентский театрально-художественный институт имени Н. Островского и работает с отцом. Дочь — искусствовед, вышла замуж за сына Аслиддина Исаева, осуществив тем самым мечту отца о свекре — художнике и матери, свекрови — немусльманке (наверное, чтобы не заставляли любимицу бесконечно подметать двор). Вот так и складываются династии художников.

Дильрабо очень красива и целенаправлена, что является неотъемлемой характеристикой таджичек. Красивые большие черные глаза, проникновенно смотрящие в душу собеседника, говорят о Дильрабо, как об умной и глубокой женщине. Она хороший портретист и встретила Вафо, как своего педагога, на первом курсе художественного факультета Бухарского педагогического института. Сразу поняла, что это ее

судьба, и уже на пятом получила от него предложение руки и сердца. Руку она оставила своему талантливому мужу, а с сердцем получилось иначе. Для гармоничного воспитания детей одного ритма сердца женщины бывает недостаточно. А вот два любящих сердца, резонируя, создают ту самую необходимую энергию. Причем, вынашивая под сердцем ребенка, женщина задает ему свой ритм, а обладая сердцем своего мужчины, создает прочную основу для гармоничного развития подрастающей жизни. Все врачи имеют одну судьбу: при встрече со знакомыми и незнакомыми людьми беседовать об их болячках, диете, характере стула, прыщах и косметологии. Только бабушки всегда здоровы и интересуются, в основном, режимом дня и воспитанием своих внуков. Вафо меня удивил, заговорив о проблемах здоровья Дильрабо. Мы долго обсуждали каждый камушек в почечных лоханках и желчном пузыре его супруги. Он жаловался

В мастерской Вафо Барноева. 2009 год.

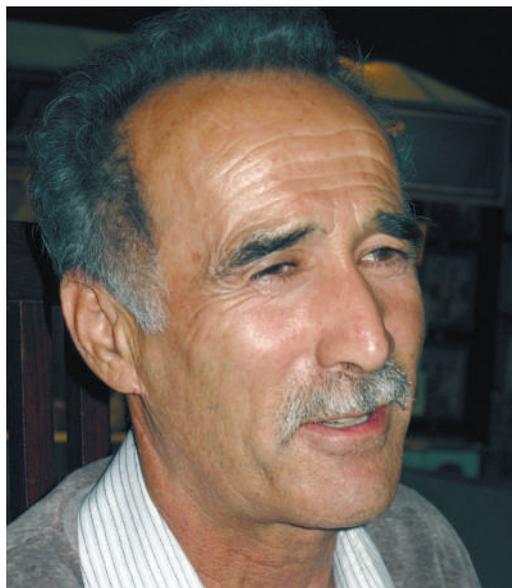
на ее поясничные и головные боли, проблемы пищеварения. Мне представлялась женщина с энциклопедическим набором патологий. Представляете мою радость, когда я, пригласив ее на обследование на компьютерной диагностике, убедился в обратном, но такая забота мужа, похожая на родительскую, всегда трогает душу и не оставляет без участия и волнения. С этой радости Вафо пообещал написать мой портрет и назвать его «Врач, не видящий болезни». Я поблагодарил его за предложение и попросил в названии работы сократиться до имени и фамилии.

Вафо Барноев — великолепный портретист, а направление его портретного искусства я бы назвал фотореализмом. Особенно моим коллегам понравился портрет матери и дочери художника Музаффара Абдуллаева. Великолепна серия портретов «Поливальщики». На втором месте, по моему мнению, располагается пейзажная серия, а архитектурно-пейзажная, приближаясь к кичевому искусству, занимает почетное третье место в моем рейтинге. А вот продается она лучше первых двух. Ею, кормилицей, и оперирует Вафо, превратив свой галерейный апендикс в театр «одного художника» на «малом Бродвее».

С Музаффаром Абдуллаевым. 2009 год.

Кстати, против названия «ашпендикс» (отросток слепой кишки) возражала Дильрабо. Она назвала галерею мужа «сердцем» гостиницы «Бухаро Палас». Пожелаем и мы устоzam, чтобы к ритму их династии добавился ритм сердец внуков, усиливая общую энергию Любви и Созидания. Рядом с «сердцем» холла в одиночестве всегда билось маленькое «сердечко» — выставка-продажа картин Музаффара Абдуллаева. Работы выставлял и убирал в конце дня Вафо. Там я и познакомился с интересным мастером, членом Академии художеств Узбекистана Музаффаром Абдуллаевым. Коренной бухарец, ниже среднего роста, щуплый, с седыми широкими усами и поседевшими висками, Музаффар напоминал рано состарившегося юношу лет шестнадцати. Слегка вытянутое лицо и приподнятые брови создавали впечатление постоянного удивления этому миру.

Музаффар Абдуллаев. 2009 год.

Говорят, что возраст точнее определяется характеристиками души человека, чем календарем. Музаффар сохранил чистые и правильные черты души юноши — доброту, искренность и верность. Между собой художники дружат мало, поддерживая дух соревнования, утверждая себя в своем творчестве. Собираются они, в основном, на выставки-смотрины. Иногда они годами держат в тайне свои новые направления, пытаются найти оптимальные решения. Искусствоведы-соросок тем более не допускают к своим новым разработкам. Все это мало касается Музаффара. Его любят и дружат с ним все художники Бухары, делясь с ним самым сокровенным. Он ни-

Музаффар Абдуллаев. «Маросим»,
холст, масло, 70 x 80 см.

когда никого не обидел, никому не сделал зла. На всех праздниках и днях рождения всегда присутствует Музаффар, и он всегда душа компа-

нии. Выпив, он много говорит и жестикулирует перед лицом собеседника, как ребенок смеется и обижается, выпячивая большую нижнюю губу.

Художники Бухары в холле отеля «Бухаро Палас»: Музаффар Абдуллаев, Дильрабо и Вафо Барноевы, Григорий Черенков, Зелимхан Саиджанов. 2005 год.

В моей коллекции много его работ маслом, все большого формата. Направление его творчества ближе к авангардному, с большой примесью символизма. Я, как цветоаномал, нахожу его полотна монохромными. А люди с нормальным цветоощущением находят в них множество тончайших оттенков. Любимые фигуранты его работ — женщины в национальных одеждах, скрывающих фигуры и лица. Слегка наклоненные абрисы героинь всегда создают впечатление их святости и покорности. Причем в доаварийном периоде его творчества преобладали нечетные числа фигуранток, в основном до пяти. После тяжелой автотравмы осенью

2008 года, сопровождающейся переломом двух голеней и сотрясанием мозга, увеличилось количество фигур, причем геометрически и в четном порядке (4–8–16). Я навестил Музаффара в период выздоровления в его гостеприимном доме в старом городе и пришел в компании Абида Мавлянова, Асада Барноева, Зелимхана Саиджанова и Сергея Чередниченко. Встреча была теплой, дружеской, а в конце, забыв про гипс, хозяин отправился нас провожать.

Мы вновь встретились с ним в ноябре 2009 года, в холле гостиницы, где я купил у него картину «Поэзия». Она была приобретена для Евгении Васильевны Божко в честь

В гостях у художников Бухары. 2005 год.

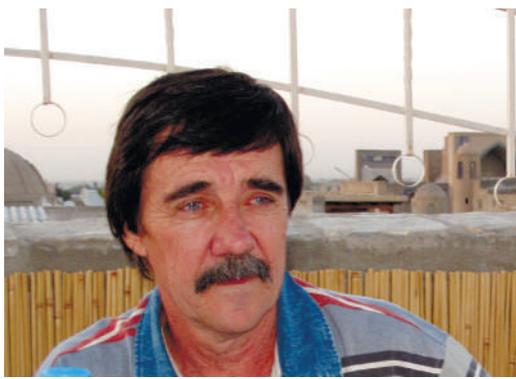

рождения ее первого внука Максима. В этот теплый приятный ноябрьский вечер в красивейшем, пустом, только что пережившем турсезон холле состоялась «открытая вечеря» художников и медиков. По мою правую руку сидели Сергей Чередниченко, Евгения Божко, Ринат Измайлов и Григорий Черенков. А по левую — художники Музаффар Абдуллаев, Дильрабо и Вафо Барноевы и Зелимхан Саиджанов. Стекланный журнальный столик был сервирован маринованными огурцами, двумя видами колбасы и наломанными кусками свежего душистого хлеба. Было кое-что и выпить. Я лично предпочитал колу, разбавленную минеральной водой с газом. Сначала слушали говорящего, затем беседовали по двое, а когда начали говорить все одновременно, то поняли, что пора расходиться. Хотя в первом и втором актах беседа была очень содержательной.

Она началась с обсуждения только что приобретенной картины «Поэзия». На ярком желто-оранжевом фоне определялся силуэт удлиненного в два раза ишака, а на нем восседала стройная девушка без определенных черт лица. Меня интересовал вопрос, почему картина так называется. Присутствующие на картине образы в моем сознании никак не отождествлялись с поэзией напрямую. Лира — вот это прямой символ. Но ишак здесь при чем? Его образ мы связываем с бессловесным, мало эмоциональным трудягой, которому дашь немного воды и корма, он будет целый день работать, послушно или непослушно выполняя приказы хозяина. Отработавшего сезон ишака, чтобы не тратить на него корм и эмоции, можно просто бросить в поле, где он будет сам кормиться и воспроизводить потомство. Ишаков много. При чем здесь поэзия?

Кстати, я заметил, что образ ишачка часто используется нашими художниками, особенно в тургородах. Они частые фигуранты кичевого искусства — picture for sale — в маленьких работах, ориентированных на продажу. Наверное, ими эксплуатируется образ старины и стабильности. Ишачок играет немаловажную роль, принося «творцам» конкретные дивиденды, настраивая их на лирический, поэтический лад и заставляя работать всех производителей более производительно.

К примеру, Сергей Фадеев творит их уже 20 лет, получая от этого удовольствие и подпитывая материальную базу. Душа этого человека нашла полный покой и стабильность. « Не ищите любви, а ищите благодати!» — призывают нас мудрые священные книги. Любовь искать —

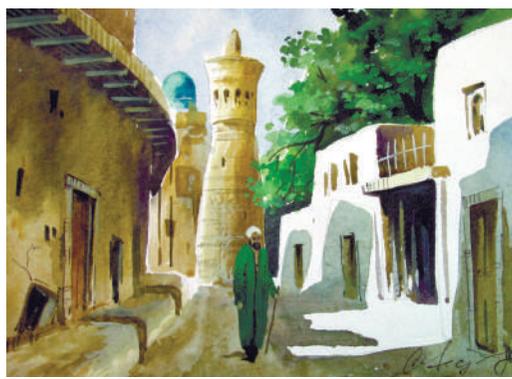

Сергей Фадеев. 2010 год.

бесплезное занятие: она внутри нас. И только тот познает ее, кто заглянет поглубже в себя. А вовне она чувствуется только при передаче этой любви людям и окружающей природе.

Сергея Фадеев, по-моему, и есть тот нашедший любовь человек. Ему хорошо от того, что его работы нравятся людям и они охотно берут их в свои семьи, развозя по всему миру частицы любви земли бухарской. Седую многовековую Бухару он видит в светло-голубых акварельных тонах, будто бы вдыхая в нее молодость.

Сергей родился в 1955 году, дважды женат и имеет двух дочерей. Он среднего роста, совсем не седой, статный. Он уже 33 года обучает детей искусству в кружке рисования в Бухарском доме пионеров, а сейчас во Дворце молодежи. Окончил художественное отделение Бухарского пединститута, но живет словно на отдельном хуторе. Правда, это не мешает ему знать художников, живущих рядом и на периферии, искусствоведов и всякую богемную

Сергей Фадеев. «Бухара», бумага, акварель, 20x14 см.

публику, включая меня. Он самодостаточный и уверенный в себе человек. Да будет же благословен не создавший себе кумира, хоть и не верующий, но живущий по законам божьим — по вере, надежде и любви. Он давно нашел все, что искал.

Да, художники бывают разные. И как медик предлагаю свою протескную классификацию. Итак, художники бывают счастливые и несчастные, эрудированные и неучи, мирового значения и местного масштаба, амбициозные и нормальные, новаторы и кописты, признанные и верующие в это, баловни судьбы и невезучие, богатые и мечтатели, учителя и ученики, стимулирующие воображение и мало пьющие, свободные и нехудожники, реалисты и с большим воображением, травмированные и просто талантливые, охотники и рыболовы, женатые и «при музе», критичные и высококритичные, продавцы и растяпы, рисующие ишаков и имеющие другую «музу», живописцы и открыточники.

**В мастерской Зелимхана Саиджанова:
Сергей Чередниченко, Зелимхан Саиджанов, Алексей Назаров, Евгения Божко. 2009 год.**

Уезжая первый раз в благодатную Бухару, я спросил мою наставницу Наташу Глазкову, с кем бы она посоветовала мне встретиться. И она назвала имя благороднейшего Зелимхана Саиджанова. Я, между прочим, осведомился, член ли он Академии художеств Узбекистана? Ответ был, как выстрел: «Он ее гордость!»

При первом визуальном контакте я был сильно разочарован. Портрет, нарисованный моим воображением, явно не соответствовал реально-

сти. Мне казалось, что Зелимхан холерично-подвижен, экзальтирован, с пламенным взором и огнедышащей речью. А на поверку вышло совсем другое. И если оценивать по моей шуточно-серьезной классификации, то Зелимхан нормальный, счастливый и эрудированный художник мирового значения. Он свободен в своем творчестве, богат своими корнями и семьей. Являясь баловнем судьбы, он признан новатором своего авангарда. Обладая гигантским воображением и

**Зелимхан Саиджанов и его супруга Гела.
2009 год.**

талантом, он учитель многих начинающих писать. Зелим мало критикует и мало продает свои картины. Правда и ишпачков он тоже не рисует, хотя было один раз, а это не считается, так же как быстро поднятая сигарета не считается упавшей.

Зелимхан родился в послевоенный 1948 год в Бухаре и по родословной является коренным бухарцем. Его дед Курбан по материнской линии был торговцем, имел лавку с бытовыми товарами. Он и построил в начале века дом, в котором живет его внук с семьей, в старом городе, недалеко от Первого купола. Старшие братья деда — Муса и Мухтар — были членами партии «Джадидь», выстулавшей за расширение культурно-просветительской и образовательной сферы в Эмирате. Все три брата были репрессированы в 1937 году и отработали за инакомыслие свой «червонец» на Беломорканале.

Мама Зелима — Мухтарам — была медиком, прошла Вторую мировую и закончила ее в Берлине. Познакомилась с репрессированным чеченцем, сосланным в Бухару, и вышла за него замуж. За трудовое отличие она была награждена медалью и орденом Ленина. Несмотря на то, что отца Зелимхана повторно репрессировали за его писательскую деятельность в 1949 году, дедовский дом все же оставили семье. Зелимхан вырос, как все послевоенные дети, в строгом соответствии с укладом социалистического строительства: «Взвейтесь кострами, синие ночи». Вернувшийся и полностью реабилитированный в 1957 году отец не озлобился и до 1972 года прививал сыну любовь к миру и к созиданию. Это все так, но, видно, где-то внутри, в подкорке, в сознании осадок остался, и Зиля (как его нежно зовут бухарские художники) выразил свой протест сногшибательным авангардом в противовес соцреализму.

В жизни своей Зелимхан тоже авангарден и выделяется среди многих художников Узбекистана не только высоким ростом (под два метра), глухим, низким голосом, рождающимся не в гортани, а где-то на уровне трахеи, но и своей женьитьбой на драгоценнейшей Геле (чувствуйте: Гела — Гала). Один раз увидел, через три дня женился (столь короткий промежуток времени не позволил развернуться даже любви с первого взгляда) и живет с ней в дружбе и согласии по сей день. Кстати, в своих ранних автопортретах маэстро выглядит похожим на Сальвадора Дали, так что, по аналогии, Гела — его Муза. В моей коллекции есть «Портрет жень», где обнаженная Гела, ну, конечно, в авангардном стиле, сидит в позе модели. Работа выполнена толстым

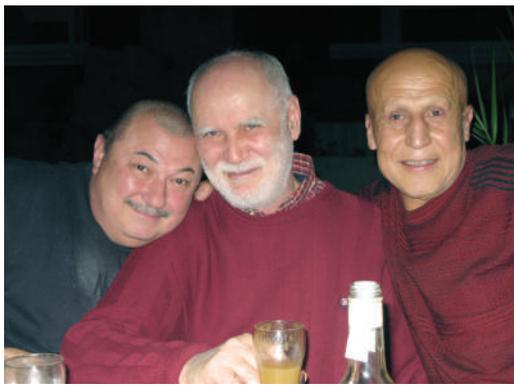

**Зелимхан Саиджанов. «Модель №2», 1999 год,
холст, масло, 100 x 90 см.**

слоем краски. И объемы, и изгибы тела можно ощутить руками, если даже закрыть глаза. Авангард Зелима прошлого века сильно отличается от нынешнего. «Нонче не то, что давеча», — так

говорил мой дед по материнской линии Николай Федорович Леонов.

Ранние работы Зелима можно только увидеть, а последние доступны даже незрячим: они

**С Зелимханом Саиджановым
и Асадом Барноевым. 2009 год.**

могут ощущать их руками, как выпуклые картины Брейля. Количество положенной на них краски можно определить даже по запаху. Они ароматизируют красками даже после десяти лет со времени создания. Выходит интересная штука: картины Зелимхана манипулируют нами, а не мы ими, включая или выключая то одни органы чувств, то другие.

Если картины 90-х годов были полихромными, то в последнее время стали монохромными, не потеряв ничуть в своей прелести. Совершенно изумляет огромная работа «Пеликаны», выполненная светло-голубым колором. При прямом осмотре она выглядит как большое окно в небо, а при боковом — на ней появляется стая танцующих пеликанов. Ты двигаешься — они двигаются, ты стоишь — они смотрят на тебя. Картина выполнена одним цветом с фоном, но при боковом просмотре птицы кажутся белыми.

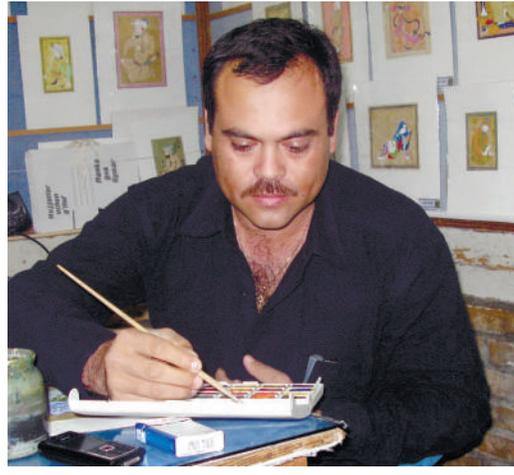
В чем гениальность Зелимхана? Он, сам того не зная, написал картины для незрячих и детей первых дней жизни, так как они видят мир монохромным и перевернутым. Цветовое зрение развивается у них только через несколько месяцев. (Это подсказка для Зили — он теперь мой должник). Именно поэтому картина, сделанная по принципу отражения в воде, будет хорошо восприниматься и взрослыми, и детьми. Кстати, такие картины нравятся большинству зрителей. Теперь совет родителям: если вы хотите воспитать гениального художника, начните с первых дней знакомить его с искусством, показывая монохромные работы с зеркальным отражением, достаточно выпуклые. Начните прямо сейчас, а через 50 лет мы встретимся, чтобы обсудить результаты. Это, конечно, шутка, но вы знаете, в каждой шутке — лишь доля шутки.

Великому Гете принадлежит слова о том, что в авангарде процесса развития, то есть прогресса, идут люди искусства. Затем ученые строят модели, подводя под базу точные науки, а уж затем философы обобщают результаты, разрабатывают теоретические платформы. Доречевой уровень общения людей нашей цивилизации был рисуночным. Наскальные и пещерные изображения животных и человека подтверждают это. Древние китайские философы общались молча, показывая друг другу свои постулаты в виде рисунков. Никто не откажет в гениальности Леонардо да Винчи, увидев его чертежи самолета и танка. Он предугадал их появление за много лет вперед. А я отдаю дань гению Зелимхана Саиджанова, который написал картину «Искушение святых» в 1994 году, предугадав за три года появление инопланетян — мандачи-

вов в картине Люка Бессона «Пятый элемент», в точности повторяющих образ «святых» Зелима. Для заинтересованных лиц сразу скажу, что контактов между Люком и Зелимом не было. Правда, картина экспонировалась в мае-июне 1995 г. в германском городе Дюссельдорфе и была включена в каталог картин с этой выставки. Если это не гений Зелима, то плагиат великого мастера экрана. И значит, он кое-что задолжал нашему Зелимхану.

В прошлом столетии Зелимхан больше писал животный мир, а в этом на его картинах преобладают птицы. Как будто взгляд художника оторвался от земли и устремился в небо. Я думаю, что этот гениальный художник современности устремит свой взгляд и в Космос, открывая тайны мироздания. Да будет так!

Дожив до возраста пайгамбара Мухаммеда, Зелим продолжает что-то искать. Экспериментирует. Он нелюдим, немногословен, больше слушает и при разговоре мало смотрит в глаза, как будто бы стесняется. Большой лысый череп и двухмиллиметровая щетина, имеющая очень достойный вид, создают картинную схожесть с чеченским абреком, но не с грозным, а с абсолютно добрым. Не вызывая раздражения братьев-художников, Зила не выезжал на пленэры для дружеских тусовок и попоек. Его товарищи по кисти говорили мне, что надобности в его поездках нет никакой, так как образы его работ возникают в нем самом. Флегматичность Зелимхана в сочетании с холеричностью Гелы создали прочный семейный фундамент, за пределами которого каждый из них терял равновесие. Да и куда еще идти, если Гела готовит лучший плов в Бухаре? Я был потрясен гармонией его вкуса и

Давлат Тошев. 2009 год.

диетичности. На мой призыв провести мастер-класс плововарения откликнулся сам Зелимхан. Кушая его плов, я восторгался, жалея только о том, что Гела была занята работой с учениками. На Востоке, конечно же, лучшие пловчи — мужчины, но какой вкусный и ароматный плов готовит Гела!

Возвращаясь как-то поздно вечером из гостеприимного дома Саиджановых, я увидел работающего над миниатюрой устога. Его мастерская находилась под Первым куполом. Он узнал меня и пригласил войти. Мастера звали Давлат Тошев. Несмотря на полночный час и усталость, я сразу же сбросил сонливость, увидев, как мастер под большой двадцатисантиметровой луной укладывает слой за слоем (каждый толщиной менее миллиметра) черточки, своим филигранным тончайшим инструментом. Ра-

бота выполнялась на папирусе, взятом из какой-то старинной книги. Закончив работу и увидев мою заинтересованность, устоз Давлат подарил мне ее, сказав, что это презент за ратный подвиг на ниве здравоохранения. Позднее, узнав ее стоимость, я был удивлен щедростью устоза.

Несколько лет назад, будучи в медресе Диван Нодир Беги, я зашел в мастерскую-дुकан миниатюриста устоза Даврона Тошева. Познакомившись, мы долго беседовали о творчестве миниатюристов Востока. Он рассказал о своей творческой жизни, об участии в выставках в разных странах мира, показывал сертификаты оттуда. Я был приятно удивлен обширностью его связей и географией творческой жизни, понимая, что познакомился с устозом мирового масштаба. Я восторгался филигранностью работ, рассматривая миниатюры под лупой. Среднего размера миниатюры, прописанные рукою мастера с мировым именем, ценятся в десятки раз дороже, чем работы неизвестных мастеров, хотя и не уступающих по качеству. Отсюда понятно стремление автора к расширению географии своей выставочной деятельности. А ведь такие «экскурсии» скорее всего не очень-то дешевы. Но есть маленькая заковыка. Нужно быть большим экспертом, чтобы по одной миниатюре отличить работу мастера от работы его ученика. Неискушенный в этом виде искусства может сильно переплатить только за авторскую подпись. Я спросил Даврона, а как поступает опытный покупатель. Даврон улыбнулся, внимательно осмотрев меня, видно, решая, стоит ли мне открывать истину, и ответил, что коллекционер и знаток миниатюры покупает работу, видя в динамике процесс творчества, или же покупает

прошедшие мировую обкатку работы, получившие призовые места на выставках и вошедшие в каталоги. Разумеется, работы такого высокого качества коллекционируют редко, еще реже покупают просто на сувениры, а знатоков и самих устозов по пальцам можно пересчитать.

У Вафо на продажу под пергаментом висят работы Давлата и Даврона. В год бывает одна-две покупки, причем с экспертами и секретно. Зачастую устоз не знает ни личности покупателя, ни куда уедет работа. Дорогие покупки делаются через посредников, очевидно, для беспрепятственного вывоза из страны. «Кичевой» миниатюры тоже достаточно, и она не подлежит декларированию, да и стоит дешево. В конце нашей встречи Даврон подарил мне миниатюру, выполненную на торшоне в виде птицы и восхваляющую Аллаха.

Я был удивлен дорогому подарку Давлата, подумав, что все миниатюристы — хорошие люди, а когда узнал, что он брат Даврона, то мысленно поблагодарил их родителей, воспитавших умных, трудолюбивых и талантливых детей.

Таким же умным и талантливым оказался Эркин Жураев. Знакомство произошло у Вафо, заочно. Среди прочих интересных работ был портрет женщины в нарядном красно-кумачовом платье, близком к туркменскому стилю. Женщина что-то пряла, сидя на корточках. Задумчивое морщинистое лицо, рано постаревшее, было прописано идеально, как и руки. Большое мастерство автора. Подпись на картине была более чем оригинальной — Erkin04. Полотно было написано в стиле соцреализма, не оставляя критику возможности где-нибудь «мазнуть».

Эркин Жураев. 2013 год.

Женщина запала в душу, начала уже там жить, и я готовился к покупке. И тут мой взгляд упал на знакомую подпись на другой картине, совсем другого стиля и содержания. С нее, уже стилизованной, в гротескно-сказочной форме, на меня смотрел ишак с человеческими глазами. На нем восседал Насреддин Афанди. А фон — тоже стилизованные, но вполне узнаваемые купола благороднейшей Бухары. Это была любовь с первого взгляда. Особенно мне понравился ишак со взглядом, проникающим в самую душу. Я спросил у Вафо, а какой же сам Эркин? Он ткнул в голову ишака и сказал: «А такой же — трудолюбивый, упрямый, все видит и мало говорит, да и портретное сходство неоспоримо».

**Эркин Жураев. «Овул»,
холст, масло, 54,5 x 54,5 см.**

Работы были куплены, и на другой день, встретившись с устозом и посмотрев другие его работы в галереях города, я сделал ему предложение, от которого он не смог отказаться: купить все его работы, имеющиеся в городе и мастерской. Большие торги и часовая экскурсия в Городском художественном музее с Абидом Мавляновым и Сергеем Чередниченко увенчалась мировой двух сторон, и 19 картин, к великой радости тех же сторон, из провинциальных стали столичными. Со временем количество приобретенных картин росло, но не в геометрической, а в арифметической прогрессии, потому что цены росли с каждым годом в 2–3 раза, да и то так мало только для меня, «по знакомству».

Будущий художник Эркин Жураев родился в 1960 году в Пешкунском районе Бухарской области. Имея от рождения двухсторонний вывих бедер, своевременно не диагностированный и не леченный, Эркин остался на всю жизнь с хромотой и раскачивающимся торсом при движении. Зато мальчик никогда не «хромал» в учебе и был талантливым в рисовании с детских лет. Дед мальчишки, прошедший войну и вернувшийся с фронта в звании капитана, в то время работал первым секретарем Вабкентского райкома партии. Он посоветовал внуку продолжить учебу, развивая свои таланты. И когда были правильно определены цели и задачи, учеба в Художественном училище имени Бенькова продолжилась без остановки в Театрально-художественном институте имени Островского на отделении «Кино и телевидение». Руководителем курса по счастливой случайности был знаковый профессионал своего дела — Эммануил Калантаров, родом из Самарканда. Вместе с Шухратом Аббасовым он участвовал в создании «памятника души узбекского народа», — фильма «Ташкент — город хлебный».

Блестяще окончив институт, Эркин продолжил учебу и практику жизни, став главным художником Бухарского государственного театра кукол, что располагался в «болгарском поселке» Бухары. В 1993 году он стал членом Союза художников Узбекистана, а в 1998 году начал обучать детей мастерству в Бухарском лицее-интернате, заняв место директора этого учебного заведения. Став серьезным, маститым мастером кисти и педагогом, Эркин в душе не перестал быть ребенком и играть в куклы, сделав это направление основой своего творчества. Его персонажи, стилизованные

под кукол, возвращают наши с возрастом черствеющие души в чистое, беспорочное, любимое всеми детство, где были и мамы, и папы, и близкие люди, где была ответная любовь между миром и тобой, где была была и небыла, где всегда торжествовало добро и правда.

Красно-алые цвета картин нашего «Андерсена» дарят каждому верящему в любовь человеку «алые паруса» надежды, делая человека счастливее. Живые куклы Эркина Жураева управляют нашими эмоциями, заставляя плакать, смеяться, думать о себе и окружающем мире. Они показывают каждому зрячему красоту народа, его обычаев, обрядов. Как и врач, устоз неустанно изучает и анатомию, и психологию человека, наделяя созданных им кукол движением и одухотворяя их. Я спросила у маэстро, что он делает лучше других, и Эркин, смеясь, ответил мудро: «Лучше моих коллег я натягиваю холсты на подрамники». Давайте и мы пожелаем нашему доброму и умному сказочнику побольше сказок для детей и взрослых, живых картинок, умело натянутых на подрамники.

Многие художники, уезжая в далекие страны, ищут не хлеба и зрелищ, а энергии для реализации своих образов. Самое страшное для художника, когда на его глазах умирают никому не нужные его «дети-картинь». Для того, чтобы они жили долго, мастер готов на любые трудности и невзгоды. Куклы Эркина Жураева, однажды зарядившись от вечного двигателя — любви доброго сказочника, будут двигаться, всегда подзаряжая энергией детства и омолаживая всех соприкоснувшихся с ними. Разве может быть хром человек, получивший благословение от Всевышнего, и дарящий людям веру, надежду и любовь?

**Сотрудники «Аник» и Шахноза Абдуллаева
в арт галерее Анзора Бухарского. 2009 год.**

Кстати, писать Бухару очень любят художники всех регионов Узбекистана и даже мирового значения, вот именно с такой художницей, Шахнозой Абдуллаевой, мы встретились на Ляби Хаузе, сверкающими разноцветными бликами и огоньками. Она любезно согласилась отужинать и побеседовать с врачами. Насладившись великолепной национальной кухней, мы продолжили получать удовольствие в прогулке по вечерней многоцветной и разноликой Бухаре. Обычно в торговый час пик у входа в дуكان стоит «зазывала», который вкратце объяснит что есть в магазине и что есть только в нем, но мы выбрали скромное одноэтажное здание под названием: «Fotoshop», что недалеко от кукольного роддома Искандара Хакимова, и вошли вовнутрь. Там нас встретил высокий, худощавый красавчик — хозяин, представился Анзор Бухарский. На стенах висело небольшое количество неоформленных «Кофейных» акварелей и много оформленных фотографий, особенно запомнилась серия «Бухарские евреи» и смон-

С Шахнозой Абдуллаевой. Ляби Хауз. 2009 год.

тированные в фотопипе коллажи бухарских художников. Он рассказал нам, что из живописи ушел в фотографию и нашел себя в другом виде искусства и не жалеет об этом никогда. В период поиска себя такая ротация у людей творческих случается часто. Купив несколько интересных фотографий, я пожелал мастеру счастья и добра на выбранном им пути.

Анзор Бухарский. 2009 год.

Великая Бухара многообразна и многолика. И живут в ней не только художники, дарующие жизнь, но и мастера, дарующие смерть. Она, как и жизнь, тоже дар Божий. В одной из известных песен есть такое пожелание любимой женщины: «Если смерти, то мгновенной, если раны — небольшой». Чего же лучшего может пожелать женщина своему любимому? Ведь война — это пир смерти, где льется кровь, как вино, и «сатана там правит бал», радуясь и наслаждаясь ликами смерти. Для кого-то смерть — продолжение жизни, а для кого-то — иначе, для кого-то она облегчение, для других мучительна, кому-то приносит славу, кому-то — бесчестье, кто-то улыбается в свой смертный час, а кто-то плачет.

Художников, пишущих лики смерти, очень мало. Они берут на себя большую ответственность за баланс жизни и смерти.

Очень тяжела «шапка Мономаха». И не всяк примерит ее: шея сломается. Но есть рискованные люди и среди художников. Их боятся и уважают, их любят и ненавидят, от их балансира зависят многие судьбы. У таких людей нет друзей и нет врагов. Каждый — только учитель. Они одиноки в давящей их толпе, но не могут найти и реализовать себя в ее отсутствии, потому что сила давления равна силе противодействия. Они балансиры, и это очень ответственно. Самому нужно выжить и не убить людей, не выпустить из своих рук ношу, доверенную судьбой, да чтоб и шапку не уронить — такие шапки падают только вместе с головой. Ну! Кто рискнет? То-то же!

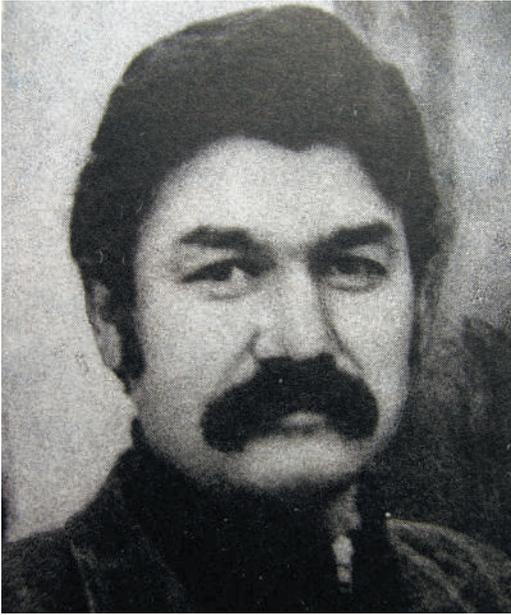
Рискнувшим оказался Рахмон Аvezов. Он родился в многодетной семье близ Бухары. Прокормить и образовать детей — дело не шу-

Рахмон Аvezов. 2007 год.

точное. Но Рахмон не напрягал свою семью, найдя себе духовного отца и учителя — Баходира Саломова, выдающегося художника бухарского андеграунда 70-80-х годов.

В те социалистические годы все художники работали оформителями чего-нибудь, а единицы неадекватных творческих личностей подвергались «линчеванию». Их называли тунядцами, космополитами и диссидентами, изолируя их от общества, строящего коммунизм. В удаленной от «сердца» Бухаре и хорошо защищенной от проникновения в умы и жизнь ее обитателей «агентов иностранных государств» — туристов, расцвел андеграунд живописи — абстракционизм со всеми его течениями, включая и экспрессию, и постэкспрессионные настроения. Причем творчество замечательных художников, таких, как Баходир Саломов, Зелимхан Саиджанов, Нисон Бабоев, Музаффар Абдулаев, Пинхас Гулькаров, Ханон Авдаев и Арон

Баходир Саломов.

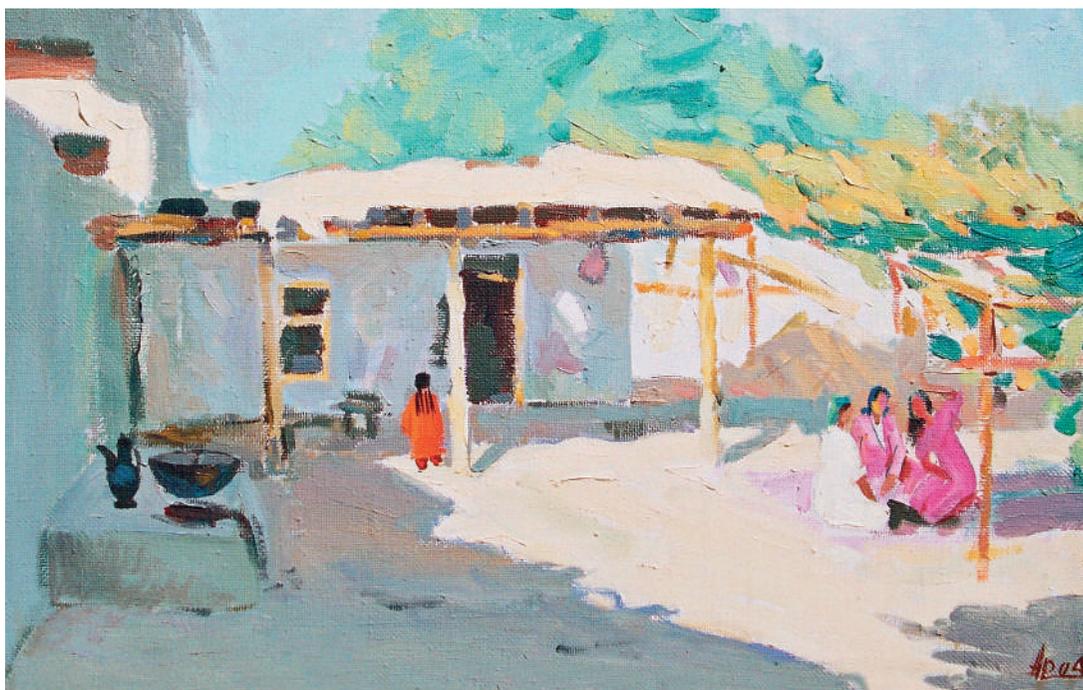
Еникеев не стало «бульдозерным», а хорошо сохранилось и по сей день, радуя оригинальностью мышления и видения этого мира, красочными и смелыми прогнозами будущего планеты и Космоса.

Баходир Саломов и стал выдающимся человеком и художником, не побоявшись взять на себя груз ответственности и внедрить в умы людей неведомую ранее здесь, на Востоке, культуру абстракции, умножая последователей и учеников. Он стал организатором школы авангарда в Бухаре, демонстрируя работы ее последователей в городах Союза и за рубежом.

Баходир Саломов. «Осень. Сжигание листьев», холст, масло. (не в коллекции)

Обладея огромным организаторским талантом, он осязательно влиял на судьбы людей, и Рахмон Аvezов, начиная жить в искусстве, был полностью в поле магнетизма его души. Сделав правильный выбор, Р. Аvezов получил от учителя мощный толчок в художественном образовании и окончил Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры имени Ильи Репина при Академии художеств СССР. В Питере Рахмон хорошо учился, много работал над собой, и я видел его постановочные работы периода обучения. Они талантливы и свежи, как его юность. Там он обзавелся семьей, женившись на

Рахмон Авезов. «Дворик»,
холст, масло.

дочери профессора биологии. Она родила ему сына. Многие ему позавидовали: вот она — самостоятельная жизнь! Но магнетизм учителя оказался сильнее, и Рахмон со «столичной» семьей вернулся в Бухару. Старики недаром говорят, что не надо возвращаться туда, где ты когда-то был счастлив. Семья, пару лет прилично помучившись на непонятной чужбине, вернулась в «края родные», оставив Рахмона Авезова. В тот период и была написана та «злосчастная» картина, изображавшая похороны — процессию мужчин,

несущих по мазару ритуальные носилки. В Библии написано: не заглядывай в бездну, а то бездна заглянет в тебя! Эта картина лет шестнадцать путешествовала по салонам, не находя хозяина, хоть и цена была невысокая. Никто не хотел купить себе масла, разлить его и поскользнуться у трамвайных рельсов. В 2004 году я увидел ее в Хонако Нодир Бегони, в постоялом помещении для ночевки дервишей, и был удивлен смелости автора. Этим и обусловлено мое знакомство с Рахмоном Авезовым.

В нашем первом разговоре я указал на дерзкую смелость его поступка и от предложения купить картину отказался. Каково же было мое удивление другим дерзким поступком: Рахмон принес картину в профилакторий Бухарского хлопчатобумажного комбината, где мы работали тогда в очередной командировке, и... подарил мне ее. Больше мы в этом профилактории не работали: он был закрыт, а главврач, прослуживший там полтора десятка лет, до сих пор не может найти себе другое место работы.

В этот самый год, словно предчувствуя что-то неладное, я хотел дать Рахмону шанс что-то исправить в судьбе: написать работу на религиозную тему, «Тайную вечерю», например, к которой обращались многие классики. Единственным условием было собственное видение этого сюжета и его участников. Мне казалось, что глубокая творческая работа над ликами святых-апостолов и самого Христа поможет ему отбалансировать свой шест и встать на канат или хотя бы подтвердить свои намерения двигаться. Но вышло все наоборот. Мы полагаем, а Бог располагает. Все было бы просто, если бы не было сложно. Картина и судьба, напророченная ею, оказались сильнее.

Я был очень расстроен, когда через год Рахмон принес мне наспех сделанную работу, скопированную с рисунка в детской Библии. В ней не угадывалась рука выпускника «Репинки». Я люблю Рахмона, и жаль, что свой могучий талант он разменивает на открытки-акварельки для туристов. Но подрастают дети, они тоже его любят. Одна из дочерей — прекрасная анималистка. Возможно, дети помогут выправить линию судьбы отца. Как и они, я желаю счастья и успехов мастеру риска и новаторства. История этой

С художниками И. Хакимовым, М. Абдуллаевым, В. Барноевым и А. Аллабергеновым. 2010 г.

работы не закончилась. В 2017 году она попала в Газалкентскую Русскую православную церковь. Отец Борис-настоятель и творец «красавицы» был удивлен щедрому подарку, посчитав работу гениальной. Арт-рынок Бухары самый большой в Узбекистане.

Работы и сувениры можно приобрести в мастерских, арт-магазинах, на лотках, в арт-галереях под «куполами» и в Арке. В общем, проблем особо и не существовало в благой Бухорои Шариф, посещаемого всеми людьми мира.

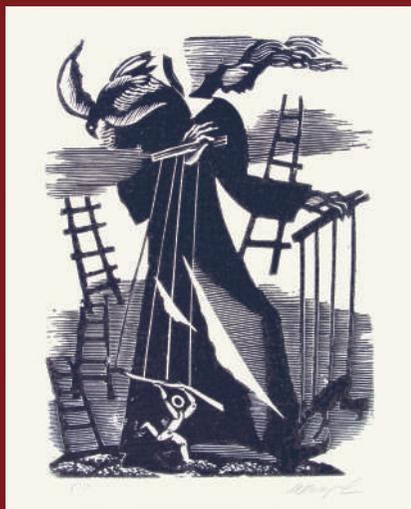
Очень по-разному складывалась судьба художников Бухарского вилоята. Кто-то, уходя, совсем ушел, кто-то неожиданно пришел, кто-то потерял свой путь, а кто-то — себя, кто-то давно ищет себя в «темной комнате», а кто-то давно нашел и счастлив. Пожелаем моим друзьям-бухарцам счастья, радости, процветания и еще одного «Соломова», дарящего юность и учащего использовать свободу для создания великой истории великой Бухары.

ТАШКЕНТ

Абатуров Сергей
Азизов Радик
Бобров Анатолий
Бородина Марина
Брянцева Елена
Бурмакин Владимир
Варданын Максим
Васильева Инна
Васиханов Осимхон
Вяльцев Юрий
Гаглоева Римма
Дмитриев Алексей
Дмитриев Юрий
Ибрагимов Алишер
Ким Владимир
Кочкарева Светлана
Куранов Александр
Латипова Лиля
Ли Александр
Ли Галина
Ли Елена
Ли Татьяна
Ли Сафи Мария
Миржалилов Тахир
Мороз Алексей

Мороз Наталья
Мухтаров Баят
Мухаммад Фозили
Наумова-Ким Галина
Нечаева Вера
Плужников Артем
Островерхова Татьяна
Садыков Марат
Свириденко Николай
Селянин Дмитрий
Талдыкин Юрий
Тансиқбаев Урал
Умарбеков Джавлан
Усов Игорь
Утешев Валерий
Фаткулин Масут
Фрумгарц Яков
Харшак Андрей
Харитоновна Луиза
Харитоновна Ольга
Чариев Рузы
Чуваков Сергей
Шкред Олег
Шмаков Константин
Щербак Виталий

Гениальная тройка

Как медику мне кажется, что технологический взрыв в начале 20-го века послужил появлению новых авангардных направлений в искусстве. Реалистическую живопись потеснили галлюциногенные производные ума человека. Авангардно изменилось и мироощущение людей, их нравы, привычки, одежда и архитектура. Terra incognita, открытая художниками, успешно обустроилась частью ее понимающих, любящих и живущих в одном резонансе с художниками-авангардистами людей. Никакие правительства не смогли сломать строй мыслей и убеждений художников. Скорее они меняли родные страны, чем свои направления в искусстве. Художники могут быть очень разными, но объединяет их одно — верность своему выбранному жизненному пути, той философии образов, которую они считают директивной для своего творчества. Изменить что-то в этом направлении не смогут ни они, ни тем более кто-то другой. Если художник разностилен, значит, он находится в поиске. Правда, это может продолжаться всю его творческую жизнь.

Кажется, художники с мировым именем творили свои реально-нереальные полотна именно в таком состоянии интоксикации. Подсознательные мысли, продиктованные им генетической памятью, и глубокие предсказания через искусно отточенные движения рук выбрасывались на холсты краской, открывая дорогу умозаключениям философов, которые потом кодировались в математические формулы учеными. Ведь сжатая информация лучше хранится и используется. Гениальная тройка — художник, философ и ученый — является си-

лой, находящейся в авангарде познания мира, человека и Бога. Возможно, когда в далеком будущем человек наконец-то поймет, что он и есть Бог, то произнесет сакраментальные слова: «Да будет день!», и жизнь повторится сначала.

По крайней мере мозг человека является «божественной» структурой. Сколько величайших умов человечества пытались вскрыть его божественное начало, тысячелетиями стараясь понять его строение и функции. Каждое «малое» открытие в этой сфере порождало еще больше вопросов. Не углубляясь ни в одно из направлений изучения мозга, просто задайте себе вопрос о влиянии массы мозга на интеллектуальные способности человека. Казалось бы, чем больше масса, тем больше способностей. Средняя масса мозга человека 1 кг 400 гр. У Тургенева он весил 2 кг, а у Эйнштейна только 1 кг 230 гр, но ведь оба гениальны! В своей медицинской практике я встретил ребенка с полным отсутствием одного полушария мозга, но с сохраненными функциями в двигательной, чувствительной и интеллектуальной сфере.

Мне кажется, мозг человека несет в себе всю информацию о происхождении жизни на этой планете и ее истории. Внимательно посмотрите на рисунки эмбрионального развития мозга человека, только под другим углом, — развернув их на 180 градусов. На третьей и четвертой неделе развития нервной трубки образуются три первичных мозговых пузыря. Они напоминают нам строение коацерватов и нуклеиновых кислот, которые, по теории академика Опарина, создают первичные белковые тела в теплом «бульоне» океана. Через неделю три мозговых

пузыря, преобразовавшись, напоминают рыбу, через другую — птицу, а еще через пару недель — ракету и смеющегося сидящего человека. К десятой-двенадцатой неделе мозг приобретает свои окончательные черты, и если рисунок перевернуть на 180 градусов, то он напоминает межпланетный космический корабль с двумя модульными блоками и антеннами.

Возможно, что и половые клетки, обладая генетической памятью, кодировано показывают нам историю нашего развития и будущего, сливаясь вместе.

Да, мы вышли из воды, состоим из нее на 90 процентов и когда-нибудь покинем Землю и, изменившись по «инопланетному» образцу, через пару-тройку сотен тысяч лет вернемся, через пару-тройку сотен тысяч лет вернемся, ностальгируя, домой, посмотреть, что там делается и каким образом. И если наша «братва» попадала в периоды расцвета цивилизации, то помогала, чем могла — технологиями или их продуктами, а если в агрессивные, то, извините... сами понимаете. За 5–6 миллионов лет таких цивилизаций «от и до», возможно, было около десятка.

Кстати, нейрон под микроскопом очень напоминает нашу планету. Ядро и ядрышко — это земля и луна. Оболочка ядра — воздушная оболочка нашей планеты. Все устроено по образу и подобию! И сказал ОН, что это хорошо, если мне не изменяет моя генетическая память.

Вздумалось и мне последний из проектов 2017 года посвятить тайне происхождения жизни на Земле и в микро- и макрокосмосе. Круто? А для реализации этой пока не понятной никому затеи я выбрал малозаметного бо-

гемной публике Ташкента, художника из провинции Артема Плучинникова. Он родился в 1972 году в городе Чирчик и окончил там же Творческую студию — мастерскую Балабанова. Не имея высших творческих образований, он стал хорошим рисовальщиком, при нашей встрече он принес сто тридцать графических работ, которые я забрал все, уже что-то почувствуя. Внимательно разбирая работы дома, включив мозг на созидание, я понял, ОН и только ОН сможет «нырнуть» со мной в Марианскую впадину, попытка как сильная пайка — понять непонятное. Приснилось и название проекта: я встал и записал — «Корабли и реки от Айя до Магкундураса», придумал и подписал под проектом. На другой день уже звонил Артему и сделал ему такое предложение, от которого он не смог отказаться. Дурачок! Такой же, как и я. Промучившись полгода с проектом, отвергнув массу вариантов, наконец-то поняли, что проект провален и попали мы с Артемом не в свой, а в «калашный ряд».

В следующем проекте 2018 года, посвященном Булгаковскому «Мастеру и Маргарите», кстати, тоже нелегкому, мы с ним отличились, выполнив несколько графических работ на слабую четверочку.

На выставке работ графической секции Академии Художеств Узбекистана, проведенной мною в Караван Сарая Икуе Хироямы, отлично смотрелись работы М. Фозили, Татьяны Ли, А. Боброва, А.Ибрагимова, Наумовой и Г. Ким. К сожалению, не было авангардных работ, более подходящих по стилю этого произведения, так как зрителями более востребован реализм.

Артем Плужников.

Перед глазами — большой портрет усатого человека в парадной военной форме с большими звездами на погонах, в брюках с двумя красными лампасами и в высоких кожаных сапогах. Человек сидел сбоку от письменного стола, на котором находилась высокая настольная лампа с большим круглым отражателем и угадывалась тень письменного прибора. Военный опирался левым предплечьем на стол и прямо смотрел тебе в глаза — куда ни отойдешь. Взгляд его был холоден и, казалось, проникал в тебя. Я не любил этот портрет, так как знал, что из-за этого дяди мне не справили мой первый день рождения. Был объявлен день траура по поводу его смерти.

Балуясь, я часто бегал мимо портрета, постоянно удивляясь, что дядя следит за мной неотступно. Портрет в позолоченном деревянном багете висел в зальной комнате в новом доме, построенном отцом и мамой в Янгиюле. Вскоре мне удалось его пощупать, так как он перекочевал сначала в ванную комнату, а затем и на чердак. Пацаном, для интереса, лазая на чердак поковыряться в дедушкино-бабушкином барахле начала двадцатого столетия, я боялся в темноте встретиться взглядом со смотревшими на меня суровыми глазами Сталина, которого мне было почему-то жаль. Вроде бы поставили в угол и забыли там.

Свято место пусто не бывает, и портрет заменили картиной «Дети, бегущие от грозы». Конечно же, копией. Впоследствии я понял, что бегущая девочка очень походила на мою младшую сестру Олечку. Картина провисела в зале все наше детство. Классика есть классика. Только через десять лет, в 1968 году, впервые в жизни посетив Москву и Третьяковскую галерею, я увидел подлинник К. Е. Маковского и был ошеломлен разницей с копией. Можно выполнить копию даже лучше оригинала, учтя все ошибки, недочеты подлинника, даже если при помощи компьютерной графики повторить все мазки, объемы картины и колер красок, то все равно «пахнуть» копия будет по-другому, так как при создании оригинала впитал в себя время, душу мастера и атмосферу мастерской во время своего рождения.

Поездка в Югославию в 1968 году всей семьей к папиному другу Яреву Тому, посещение Македонии, Москвы оставили неизгладимое впечатление у нас с сестрой и послужили мо-

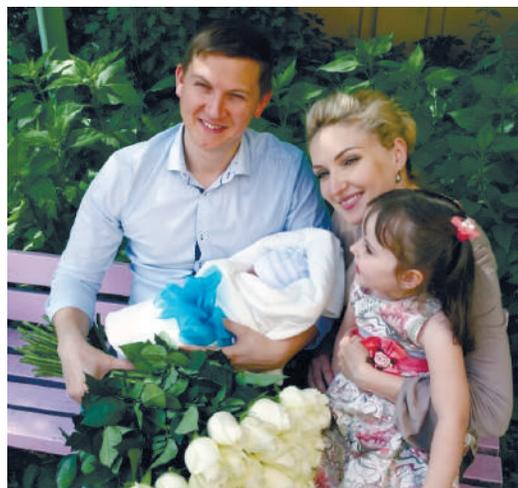
Ольга и Алексей Назаровы. 1962 год.

тивацией к поиску счастья, радости и добра. Своим детям я показал лучшие музеи Москвы, Петербурга, Германии, Франции, Испании, побудив их стремиться к самопожертвованию и искреннему служению людям и искусству.

Мой внук Богдашка, шутливо называемый моими друзьями и учениками Худобергенем, впервые знакомился с мировыми шедеврами, написанными великим Усто Уралом Тансыкбаевым в его Доме-музее в десять месяцев. Он хлопал глазами, как затвором фотоаппарата, откладывая в памяти образы увиденного.

Да внучка Настя с пяти лет стала серьезно заниматься национальным танцем. Мой сын Костя Назаров, прекрасный остеопат Санкт-Петербурга, специально для воспитания моей внучки Ярославы и наследника фамилии Назарова Константина Константиновича закрутил их по всему «белому свету», показывая образцы мировой культуры. Причем первые поездки в «мир» мой наследник провел, не отрываясь от чудесной груди своей мамы Вероники.

Очень хотелось научиться рисовать, и в детстве я прикладывал большие усилия в одолении этого предмета. Цветные карандаши фабрики им. Сакко и Ванцетти, привезенные отцом из Москвы, так сладко пахли. В наборе их было 36, и у каждого свой запах и оттенок. Я аккуратно раскрашивал ими сегменты в книж-

Назаров Константин с женой Вероникой, дочерью Ярославой и сыном Константином.

Дмитрий Валерьянович Сеелянин. 1962 год.

ках-раскрасках, но дальше дело не пошло, несмотря на все мои старания. На уроках рисования стабильной оценкой была тройка, но если у учителя было очень хорошее настроение, то и тогда выше четвертки с минусом оценочный балл не поднимался.

У меня было три попытки усовершенствовать свое искусство в школьном изокружке. Последняя мне очень запомнилась. Вместо яйца я нарисовал шар, совершенно спугав свет и тени. Наш учитель — очень талантливый художник и музыкант Дмитрий Валерьянович Сеелянин, взяв меня за левое ухо, вывел за дверь и громко, не отпуская уха, сказал: «Назаров, не доводи до греха...»

Это был окончательный диагноз, с которым пришлось согласиться, но осадок все-таки остался, и в 12 лет я взял в руки отцовский фотоаппарат «ФЭД» с выдвижным объективом и

занимался этим делом со всей серьезностью. Много занимался по специальной литературе, сам готовил химические реактивы для проявления, промывок и фиксации пленок. Поменял видоискательную технику на зеркальную — немецкую, используя самую лучшую оптику Carl Zeiss Iena, и в 16 лет стал призером Всесоюзной выставки. Сделав фотопортрет своего учителя рисования, добился полной своей реабилитации, получив в аттестат зрелости «пять». Но желание рисовать осталось навсегда.

Наш гениальный педагог Дмитрий Валерьянович Сеелянин прожил 100 счастливых лет и вырастил огромную плеяду художников, архитекторов и музыкантов, внесших в культуру Узбекистана свой весомый вклад. В 20 лет я отчетливо понял, что в мире есть много видов искусств, и что даже сама жизнь и смерть могут быть их проявлением. Занимаясь своим основным делом, изучая медицинское искусство, я постоянно вторгался в другие сферы, стараясь изучать и делать это как можно профессиональнее.

Моя поездка в Грузию, где я получил в подарок от моего дяди инструмент в 100 чеканов, и моя восторженность красотой природы и людей послужили началу изучения чеканки. Я выполнил около трех десятков работ. Внимательно осмотрев всю мою коллекцию, мой друг — будущий известный архитектор Саша Куранов — показал одну из своих работ и, увидев мое вытянутое лицо, сказал, чтобы я не расстраивался, что для подарков мои работы вполне сойдут и что у меня очень хорошо выходят круглые формы. Потом, подумав, предложил: «Не заняться ли тебе чеканкой денег?». Предложение было заманчивым: сразу перей-

**Возле монумента Вахтангу Горгасали
в Тбилиси. 1970 год.**

ти к получению желаемой и окончательной формы приложения любого искусства. Долго смеялись, и я больше никогда не брался за чекан и молоток. Право, чего стоят «муки творчества», если ни у изготовителя, ни у потребителя нет положительных эмоций или они односторонние. Правда, у гениальных людей этот расклад может быть совсем иным или даже неожиданным.

Наконец-то поняв, что мой ряд не «калашный», и определив свое место на «шестке», я успокаивал себя тем, что мои руки, как видно, не полностью подчиняются моей голове, а, может быть, растут не из того места. Но желание рисовать не пропадало.

Уроки музыки. 1962 год.

Пробовали родители меня и в музыке. В десять лет повели на приемные экзамены в Янгиюльскую музыкальную школу. Мне предстояло пройти обычный тест: повторить ритм, отбиваемый карандашом по столу. При первом моем повторении комиссия напряглась, а при повторном разразилась таким смехом, что и меня вовлекла во всеобщее веселье. Директор, погладив меня по голове, обратился к комиссии, сказав, что, возможно, я напишу такое произведение, которое будет смешить минимум два поколения. Я был зачислен на мучения по классу фортепиано, так как протееже был мой дядя Ашот Константинович Назаров — доцент консерватории и завуч музыкального училища им. Хамзы — очень талантливый музыкант и педагог.

С делом Николаем Федоровичем Леоновым
и мамой. 1954 год.

Моей первой учительницей по музыке была красивая, молодая и модная женщина. Мне запомнилась ее прическа каре и юбка-колокольчик с нарисованными пальмами — очень модный фасон шестидесятых. Мне кажется, я восхищался ею, но при этом очень боялся. Она больно била карандашиком по кистям рук в случае их неправильной постановки или игры. Поскольку тыльные стороны кистей были все время в синяках, можно было предположить, что у меня что-то не ладилось с гармонией, ритмикой и осанкой.

Родители сжалились надо мной и поговорили с педагогом. Удары переместились на волосистую часть головы. Но когда однажды меня носом воткнули в клавиатуру, а сверху прямо по затылку (а он был тщательно vybrит под «полубокс») упала крышка, то синяк не удалось скрыть. И я еще долго ходил пострадавшим от музыки.

Из шумного разговора в закрытой учительской я ловил обрывки слов: «он как полено...»,

С отцом Константином Константиновичем
Назаровым. 1970 год.

«увольюсь» и понимал, что мое музыкальное образование подходит к концу. Радовало, что мучения закончатся, но не хотелось расставаться со своим чувством влюбленности. А все получилось гораздо хуже: меня перевели в класс аккордеона.

Петр Степанович Калинычев — педагог по классу аккордеона — хорошо знал моего дядю и не бил никогда ни по пальцам, ни по голове. Просто когда я приходил на занятия, он шел обедать или курить.

На выпускном концерте он сказал, что этот день самый для него счастливый за пять лет моей учебы. И когда родители спросили его, в каком училище он посоветует мне продолжить учебу, педагог, не задумываясь, сказал: «В милицейском. Свисток он точно сможет освоить». Но, уходя, обернулся и дополнил: «Пожалуй, в этом я тоже не уверен! Ему медведь наступил не на ухо, а на всю голову!»

Я был счастлив, и в моей «раздавленной башке» действительно не жили сонаты, фуги,

В Болгарии. 1974 год.

увертюры и симфонии, а звучали на полную мощь «The Beatles», «Rolling Stones», «Hollis», «Creedence Clearwater Revival» и всевозможная лабуда.

Я по сей день остался рокером, но пробки из моих ушей выпали через пару лет, когда я был в Москве и впервые живую услышал виолончельную музыку. Ее исполнял Мстислав Ростропович, просто для себя, на своей даче. Я выпрямился среди грядок, которые мы пропальвали с его учеником и моим другом Давидом Герингасом. Я не видел ни человека, ни инструмента, это было что-то слитое в один огромный шар, из которого струилась колдовская музыка. Рядом с ним сидели жена, с лица которой не сходила улыбка сладострастия, и все время хмурый дядя Саша. Через пару десятков лет я понял, что это был Александр Сол-

женицын. Там, в Подмоскowie, среди грядок с клубникой, волшебные звуки, рождаемые Великим Маэстро, открыли в моей душе уровни взаимодействия и понимания красоты этого мира.

Видимо, насильственное внедрение в меня искусства моими родителями и какая-то генетическая память дали о себе знать, и это количество всаженной в меня «новой» информации стало перерастать в качество ее осмысления. Этому еще способствовали и якобы случайные встречи в восьмидесятых с людьми необыкновенными, внесшими в культуру мира огромную лепту.

Сильный посыл движения в мир искусства дала мне теща Давида — Нина Константиновна Шац — главный администратор касс Большого театра и Кремлевского дворца съездов. Благодаря ее помощи я впервые увидел Джоконду Леонардо да Винчи в Пушкинском музее. Очередь к этой картине была куда больше, чем в Мавзолей Ленина. Меня завели с заднего крыльца, и, смешавшись с толпой фанатично заряженных людей, я ожидал чуда, но был сильно разочарован. Меня куда больше удивила реакция движущихся перед картиной людей. Они плакали, ругались, впадали в ступор, а одна женщина потеряла сознание. Выйдя из толпы и наблюдая, я впервые увидел такую вакханалию разнонаправленных реакций и чувствовал себя полным имбицилом. Второй раз я «поздоровался» с Джокондой в Париже в Лувре через тридцать лет и ожидал переосмысления своих представлений о картине, но чуда не случилось, и я отметил, что в катамнезе выздоровления не произошло.

Там же в Пушкинском музее меня завели в закрытый для просмотра зал, где шла подготовка экспозиции картин великого Ренуара, собранных со всего мира. Впечатления были настолько яркие и блаженны, что по истечении почти сорока лет я помню расположение картин в зале.

Нина Константиновна легко и просто ввела меня в самый цвет искусства Москвы 70–80-х годов. Ее знали все: и «секретари и исполнители». Муж Нины Константиновны, Леонид Петрович, был главным концертмейстером Ансамбля песни и пляски им. Александрова и любимчиком Леонида Ильича Брежнева. К тому же он был другом моего отца и не постеснялся привести к нам в гости в Янгйоле шестьдесят солистов ансамбля, бывшего в гастрольной поездке в Ташкенте.

Уникальные знания истории и культуры Москвы я получил в семье Николая Павловича Шастина — моего одноклассника по Второму Медицинскому Институту. Это была древняя дворянская семья, где дед Николая являлся основателем здравоохранения Монголии, которому в центре Улан-Батора стоит бронзовый памятник. А бабушка Николая была профессором истории Москвы и работала с академиком Тарле — лучшим библиографом первой Отечественной войны 1812 года.

Лучи света этих семей осветили мне мир искусства и культуры тех лет изнутри, а не с глянцевого обложки журналов и из «желтой» прессы. В двадцать лет я впервые понял, что такое 200 граммов водки залпом без закуски, приняв стакан из рук Аллы Пугачевой. Я был обнят гениальным Арамом Хачатуряном и директором Королевского театра Великобритании и получил от них напутствие в учебе и медицинской деятельности.

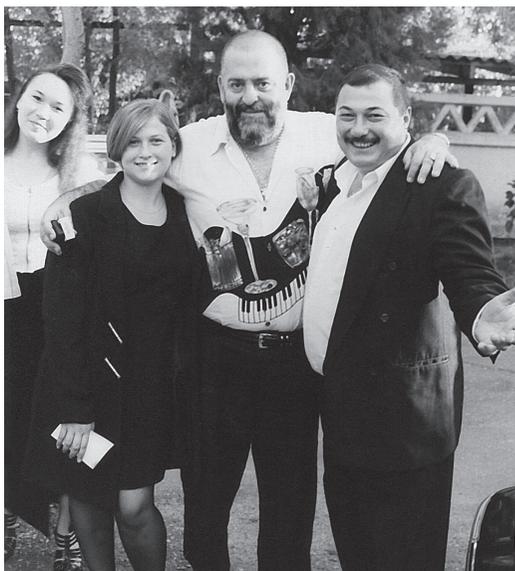

С одноклассником Николаем Шестиным.
Москва. 1970 год.

Мне довелось посидеть в машине с прозрачным пластиковым верхом несравненного Мариса Лиепы. Ужинал с семьей главного директора Большого театра Хайкина, давал медицинскую консультацию ребенку семьи великого Юрия Гуляева, уговаривал Владимира Высоцкого начать концерт в аудитории института при недостатке студенческих рублей, видел и слушал последнего из Рерихов в одном из театров на Маяковке. Все это выходило случайно и легко. Ни один из этих эпизодов не был постановочным. Как будто кто-то за ухо вел меня через строй гениев и говорил: «Это тебе за сольфеджио, за нотную грамоту, за технику исполнения...»

Наверное поэтому приезды на гастроли в Ташкент известных мастеров российской эстрады не обходятся без дружеских встреч за дастарханом, и связь столиц двух государств России и Узбекистана продолжает свою невыдуманную и яркую историю, запечатленную в лицах друзей для жителей обеих стран.

С Михаилом Шуфутинским в Медицинском центре «Аник» в Ташкенте. 1999 год.

Жизнь даже рядом с искусством приносит большое удовлетворение и многому учит. А началось все с раннего детства, когда мы с семьей жили еще в коммунальной квартире в городе Янгиюле рядом с семьей гениального Шухрата Салиховича Аббасова. Он, как и мой отец, был направлен после института молодым специалистом в Янгиюль. Младшая сестренка Шухрата Ойдин, учась уже в школе, по праву старшей водила меня за ручку на репетиции в областной театр. И как было приятно, сидя в первом ряду партера, наблюдать за действиями артистов и режиссера, вкушая лепешку, посыпанную кунжутом и любовно разделенную пополам их мамой .

С Шухратом Салиховичем Аббасовым.
2011 год.

По-разному люди приходят к искусству, и, очевидно, это один из вариантов. Детство объединяет всех и все, а старость разъединяет, но я до сих пор по-детски привязан к этой замечательной семье и благодарен ей по-своему.

Благодарность — одно из самых ярких проявлений человеколюбия. Это прогресс, это начало, это любовь, это счастье, а неблагодарность — регресс, подлость и смерть. Недаром мой отец считал ее наихудшим пороком, даже хуже предательства. Этому качеству поведенческой реакции учат с пеленок, а окончательно оно оформляется, когда человек начинает понимать, что такое хорошо, а что такое плохо — у всех по-разному и в разном возрасте, так же как и чувство культуры и искусства. Очевидно, что каждому фрукту — свое время.

К примеру, Тая Кац и Додик Геренгас приучали своего Сашеньку к классической музыке внутриутробно. Предполагая, что ребенок уже

слышит все происходящее вне матери, а может быть, плод даже формируется по-особому под воздействием классической музыки, Татьяна слушала классику весь день и аккомпанировала на фортепьяно Додикиной виолончели Страдивари. Саша родился талантливым и в четыре года написал свой первый фортепианный этюд, но он не говорил. Родители обошли всех знаменитых фоннаторов и логопедов Москвы и были очень озабочены этой проблемой. Я сказал им, чтобы они не мучили мальчишку и не лечили его всевозможными способами, и что скоро он сам заговорит. Так и произошло. В пять лет мальчик заговорил — сразу предложениями. Очевидно, какие-то центры в его головном компьютере были перекрыты мощным действием других. Здесь тоже важно не переборщить.

Перефразируя известную поговорку (каждому фрукту — свое время) на медицинский лад, можно сказать, что в организме человека все должно развиваться генетически фатально, по космическим часам. И особо талантливые врачи могут только слегка подрегулировать ход процесса, а «неврачи» — ухудшить имеющееся состояние. Так как процентное соотношение тех и других сногшибательно разное, то в настоящее время, как и тысячи лет тому назад, главным тезисом всех врачующих остается: «Не навреди!». Он указывает на то, что фатально развивающаяся и саморегулирующая система «организм человека — Космос» не выносит грубых воздействий, приводящих к нарушению намеченной программы самореализации, а болезни человека тоже не случайны и являются генетическими коррекциями са-

морегуляции, обеспечивающими фатальность жизни и смерти. Но какими бы умными ни были наши биоэнергетические системы, они очень зависят от социума, в котором существуют. Мы, по крайней мере большинство, любим нашу жизнь от рассвета до заката. То, что происходит в жизни, волнует или не волнует нас. Неволнение — это тоже движение, но в более высоких философских каналах.

Абсолютная интактность в жизни — один из признаков выхода из строя основных регулирующих систем в общении с социумом. По нашим представлениям, это болезни души. Поэтому, воспитывая детей, мы учим их общаться с социумом и видеть его многообразие, проявлять заинтересованность в нем. Так и происходит вхождение в общую культуру общества: возникает интерес ко всему происходящему, дифференцирующийся затем в определенные направления для более глубокого его изучения и самореализации своих жизненных потребностей. У кого-то получается все, а у кого-то — ничего, но стартуем мы все одинаково: в детстве, начиная с утробы матери, изучая этот мир и его культуру.

Все понимают, что реализация генетического кода — цепь фатальных реакций до полного их завершения, что называется жизнью и смертью. Успешное вмешательство ученых в ход этого процесса в целях поиска Бога или выполнения социального заказа — это перенос войны из макрокосмоса в микромир, и она уже началась.

Религия, как обычно, стопорит науку и прогресс. Так, Римская католическая церковь в настоящее время обозначает искусственное

изменение четкой структуры фатальных реакций как смертный грех, возможно, это кого-нибудь и остановит, но общую тенденцию — вряд ли.

К счастью или несчастью, есть всему альтернатива — это Господин Случай и, являясь частью естественного отбора на планете Земля, он может быть судьбоносным даже для планетарных систем. Это уже закономерность высшего порядка.

Конечно же, не такой большой случай, а очень-очень мизерный привел меня и группу врачей в 1991 году на арендные площади Дворца культуры «Текстильщик», не на «Седьмое Небо», а всего лишь на третий этаж очень красивого архитектурного ансамбля Ташкента, находившегося на пересечении улиц Шота Руставели и Богдана Хмельницкого. Остановка называлась Театральная благодаря самодеятельному театру, располагавшемуся когда-то в здании. Правда, театральная труппа я уже не застал, и помещение не использовалось ни под концертную деятельность, ни под всякого рода политические и аполитические заседания.

За кулисами располагалась Народная и Образцовая Изостудия, называемая так золотым человеком и ее бессменным руководителем — Фрумгарцом Яковом Львовичем. Низкорослый, кряжистый, с красивыми, с проседью вьющимися волосами и темно-печальными еврейскими глазами, он в свои шестьдесят восемь не напоминал «утомленного солнцем» человека. В провисающем костюме, в неглаженных брюках, но всегда при галстук и боевых орденах Второй мировой

на груди. Его можно было одновременно встретить на всех этажах дворца. Легкая хромота — следствие ранений и душевных потрясений. Он появился в Ташкенте, приехав к единственному родственнику, оставшемуся в живых. Горький опыт войны дал ему почувствовать радость жизни и ее красоту. Закончив «Бенькова» в 1952 году, он стал учить других видеть эту красоту — красоту простой и повседневной жизни людей, ищущих истину. Кроме изостудии Фрумгарц двадцать пять лет преподавал рисование и черчение в школе №147, что располагалась на улице Стародубцева, обучая моего будущего друга Рината этим навыкам. Общались мы как врач и пациент. Он жаловался на боли в позвоночнике, я долго выслушивал эти исповеди и лечил, лечил.... За это он писал для меня маленькие «камерные» пейзажи, которые так вкусно пахли краской. Для оформления медицинских кабинетов они не подходили по объему. И я многократно благодарил Маэстро, быстро забывая об их существовании.

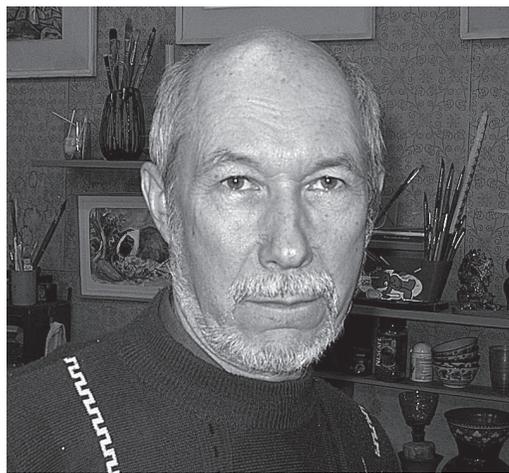
Кроме всего прочего, Яков Львович был великолепным «сиренистом». Он писал сирень только весной, один месяц, с натуры. Десяток полотен, еще не высохших, уходили по очереди друзьям и знакомым. Мне досталась его первая сирень, написанная весной 1957 года. Это случилось уже после перехода здания в ведение Министерства легкой промышленности в 1995 году и отъезда Фрумгарца в Израиль. Картину нашли на свалке и торжественно вручили мне на память о Маэстро. Отреставрировав чудесную работу, я счастлив с ней и по сей день.

Яков Львович Фрумгарц на пленере.

Я. Л. Фрумгарц недолго прожил на своей исторической родине и спокойно ушел дорогой вечности близко к миллениуму, оставив на этой земле учеников и добрую память.

Его ученики — Валерий Утешев, Игорь Дмитриевич Ложкобанов, Юрий Дмитриев и Лиля Латипова руководили изостудией еще несколько лет до полного прекращения ее существования. Это они предложили мне серию картин, тем самым положив начало моей коллекции. С Валерием я дружен, приобретаю его картины и приглашаю на свои выставки. Он работает в одной из школ близ вокзала и руководит изостудией, а Юрий Дмитриев уехал в поселок Мга Ленинградской области. Я был там, но свидеться не удалось. Спасибо ему за красивую жизнь и ее продукцию.

Валерий Утешев.

Весной 2010 года с Евгенией и Ринатом были у него в изостудии, смотрели старые и новые работы, как всегда беспредметно спорили об улыбке Джоконды и пили чай. В результате этого чудесного контакта с мастером около пятидесяти работ перекочевали в мою коллекцию. А еще я получил в подарок железную металлическую коробку с 36-миллиметровым документальным фильмом сорокалетней давности, где еще живет студия Фрумгарца и ее питомцы. К сожалению, Валерий Николаевич покинул свою школьную изостудию и уехал в Россию в Тверскую область летом 2016 года, оставив нам свои чудесные работы, а весь учебный гипс — Сергею Кислинскому — своему ученику по изостудии.

Много художников и архитекторов Узбекистана были связаны этой студийной друж-

Яков Львович Фрумгарц со студийцами: Юрий Вяльцев, Игорь Усов, Татьяна Островерхова, Андрей Барабанщиков, Елена Брянцева, Алексей Дмитриев, Лиля Латипова, Сергей Абатуров, Наташа Огородникова, Алексей Мороз.

бой. Для многих юных школьников занятия в студии повлияли на выбор профессии и определили жизненный путь. Так, в середине 70-х в студии занимались Алексей Дмитриев, Максим Варданын, Сергей Абатуров, Игорь Усов, Юрий Вяльцев, Алексей Мороз, Сергей Тычина, Татьяна Островерхова, Елена Брянцева, Лиля Латипова, Наташа Огородникова, Зоя Малахова, Лена Гапонова, Борис Чухо-

вич, и многие другие. Окончив после студии высшие художественные заведения, кто-то в Ташкенте, кто-то в Ленинграде, кто-то в Москве, они все связали свою жизнь с искусством. Получили признание в родной стране и за рубежом.

Так, например, Алексей Дмитриев был удостоен Гран-при Всероссийского Фестиваля-конкурса «Золотая кисть – 91» (ЦДХ, Москва).

Акмаль Нур и Алексей Дмитриев с супругой Еленой на открытии выставки «Повесть о Ходже Насреддине» Леонида Соловьева

После чего выбрал постоянным местом своего жительства Горно-Алтайск, но не прекращал тесного сотрудничества с художниками Москвы и Ташкента. В апреле 2018 года мне представилась возможность познакомиться с этим прославленным мастером в Мемориальном музее им. К. Бехзода в Ташкенте на выставке иллюстраций к повести Леонида Соловьева «Повесть о Ходже Насреддине», изданной издательским домом «Арбор» (Москва). Организации этой выставки содействовал Сергей Абатуров — друг Алексея со студийной поры. Он же и познакомил меня с Алексеем Дмитриевым. Теперь виртуозные иллюстрации к книге «Повесть о Ходже Насреддине» есть и в моей коллекции.

Еще одним ярким примером многолетней дружбы студийцев является Максим Варданиян, который, так и не окончив Ташкентский Театрально-художественный институт, вместе со своей женой Даимой уехал в 1989 году в Париж.

Яков Львович Фрумгарц со студийцами: Алексей Дмитриев, Алексей Мороз, Сергей Абатуров, Максим Варданиян, Игорь Усов.

В Париже Максим с Даимой прожили 25 лет, выставляясь в крупных галереях Парижа, Брюсселя, Чикаго, Токио, прочно войдя в историю мировой живописи уникальным колоритом и почерком своих произведений. Но, по прошествии 25 лет предпочли вернуться в родной город Ташкент, чтобы продолжать заниматься своим любимым делом и не зависеть от конъюнктуры европейского галерейного бизнеса.

Только Сергей Абатуров не покидал надолго родные пенаты. Мое знакомство с Сергеем произошло после того, так его прооперировали в Германии в 2003 году. Имплантировали тазобедренный сустав. И ему понадобилась корректная поддерживающая терапия. В Германии Сергей выставил 60 графических работ, подаренных им благотворительной европейской организации «За гуманитарность» в благодарность за лечение. Ведя активную жизнь в Ташкенте, Сергей много сделал для культур-

ной жизни города, являясь дизайнером и куратором множества международных и городских выставочных проектов.

Так, ярко и достойно складывались судьбы учеников Якова Львовича. Они покорили своим творчеством искушенного европейского зрителя, сохраняя связь с родным городом, друзьями и духом студии во дворце Текстильщиков.

Заходил в студию и Рузы Чариев, а затем всегда поднимался на третий этаж и кричал мне прямо в коридоре: «Леша! Есть коньяк?» Усаживался в моем фитобаре, где хлопотливая Татьяна всегда держала что-нибудь вкусненькое.

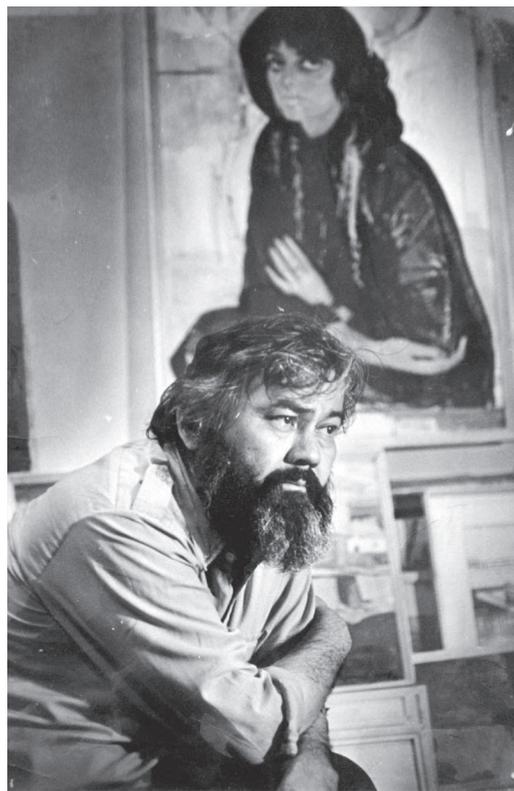
Наша дружба с Рузы Чариевым началась в сурхандарьинском Шерабаде в июне 1988 года, где я с моим другом Зауром Каримовым был в медицинской командировке. Занимались каждый своим делом: он — гинекологией, а я — педиатрией.

Мы жили по-байски, в хоромах дачи совпартактива, а во дворе, на высоком айване, превратив его в мастерскую, обитали два художника. Один пожилой, лет шестидесяти, видно, мастер, и молодой, лет двадцати пяти — ученик. Я заинтересованно поднялся и представился: «Доктор Назаров». Мастер пожаловался на боль в спине. Положив пациента на живот, а затем на бок, я провел две манипуляции. Радостный «больной» через минуту осведомился, какого профиля я врач, и, услышав, что я педиатр, был просто ошеломлен.

— А это что было?

— Хобби.

Так что дружба началась с «улыбки». Затем было много вечеров за пиалой чая и скромным

Рузы Чариев в мастерской.

ужином. Я узнал от него, что он родом из Пашкурта и каждый год бывает здесь. Истинно, где родился, там и в дело стодился.

Зов Родины и женщины имеют сумаспешную притягательность. Там же я познакомился и с Адолат-апой, красивейшей женщиной Востока и заведующей керамическим цехом в Шерабаде. В Ташкенте мы часто ее вспоминали.

В те далекие времена я только начинал соображать, что все строится и разрушается ради Женщины. Война и Мир — это мужские игры для достижения совершенства в познании красоты и гармонии, причем всегда соревнующиеся и всегда направленные на то, чтобы у ног матери и любимой быть лучше, чем другие.

Как-то я спросил у Рузы-ака, счастлив ли он. «Нет, так как не нашел Женщину, и да, потому что еще ищущу», — ответил он.

Как ему казалось, «Галу» он нашел, женившись на ленинградке, еще учась в «Решинке». Но что-то не складывалось. То ли любовь эфемерна, то ли часто болели дети, но гармонии и радости не было, а спиртное — плохой советчик в таких случаях. Радость вполне или не вполне реальную находил он, общаясь с родной природой Сурхандарьи и с друзьями и учениками, которые всегда находились рядом и в жизни, и в душе. Он был облакан и государством, и простыми людьми, но глаза были грустными.

Как-то Рузы-ака пригласил меня домой в Ташкенте посмотреть сына, якобы страдающего каким-то неврозом, и я приехал в «Дом художника» на «Светлане». Из неудобной гостиной с массой беспорядочно расположенных предметов жития мы поднялись по деревянной лестнице в спальню покои. Левая дверь детской комнаты была буквально изрублена топором. За закрытой дверью чувствовалось движение мебели и непонятное бормотание, переходящее в крики. Наши убеждения и просьбы ее открыть были тщетны, и уже в его мастерской, в доме напротив, я старался мягко объяснить устозу, что в этом случае ему понадобятся специалисты другого профиля.

Мы долго пили чай и беседовали в пыльной, захламленной малогабаритной мастерской, и на душе у нас было так же.

Еще раз я вошел в дом Рузы Чариева через год после его смерти. Обстановка в гостиной была прежней, но с усилением беспорядка. Не найдя духа Рузы-ака и общих тем для беседы с его супругой, а ныне вдовой, я с тяжелым сердцем покинул последний приют великого устоза.

Рузы Чариев был прекрасным человеком, другом, патриотом, любил жизнь и людей, и если он кому-то остался должен, то я постараюсь отдать его долг.

Случайность в жизни людей занимает такое же почетное место, как и закономерность. Они как Инь и Ян, как плюс и минус, как жизнь и смерть. Они не подлежат никакому сравнению типа «больше или меньше», «лучше или хуже...». Отличить их друг от друга невозможно, а управлять ими совсем бесперспективно.

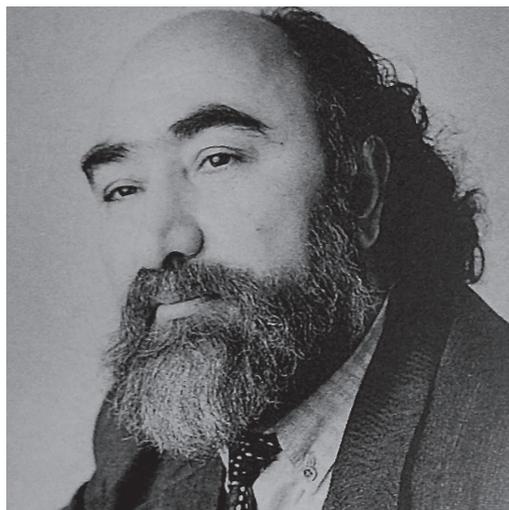
Мне вспоминается лекция по философии, которую мы, четверокурсники, слушали в аудитории Готье 1-ой Градской клинической больницы в Москве. Наш преподаватель привела следующий пример случайности: человек, идущий по асфальту городской улицы, поскользнулся на оброненной кем-то апельсиновой корке и сломал руку. Случайность? Да. Но я сразу возразил, что это может быть закономерностью, если в этом городе низкий культурный уровень жителей и ослабленный контроль над коммунальным хозяйством и чистотой улиц.

По поводу случайности и закономерности можно спорить бесконечно, и ваш покорный

слуга — простой врач считает, что граница между субъективностью и объективностью условна, как и весь реальный мир.

Случайно или закономерно, но с Тахиром Миржалиловым по кличке «Карл Маркс» я все же встретился. Я часто останавливался на углу улицы Ленина и проспекта Космонавтов у первой аптеки. А рядом с ней находился цветочный магазинчик. Раз в квартал он менял вывеску, становясь то коммерческим магазином, то кафе. Когда в девяностые годы прошлого века на нем появилась вывеска «Мебельный магазин», я туда вошел. Даже на фоне дорожащей эксклюзивной мебели выделялся спальный гарнитур розового цвета с разводами. Но мое внимание привлекла чудесная живописная работа — панно 40x160. На фоне бирюзово зарождающегося утра с еще не померкнувшими звездами крохотный колибри нежно пил нектар из только что открывшейся лиловой магнолии. Я, как бы походя, из любопытства осведомился о цене картины. Ответ меня поразил: сумма была умопомрачительной. Но мне объяснили, что картина продается вместе с мебелью. И никак иначе, чтобы не нарушать комплектность! Я что-то неудачно сострил про Леонардо да Винчи, но получил ответ, что мебель не итальянская, а картина тем более, ее написал чудак-художник с чердака. На лифте я поднялся на седьмой этаж и остановился перед широко распахнутой железной дверью чердачного помещения, переделанного под мастерскую. В те далекие перестроечные девяностые перестраивалось все, и квартиры в том числе. А начинали все с установки железных дверей.

Передо мной сидел маленький человек на маленьком стульчике за журнальным столиком,

Тахир Миржалилов.

напоминающим большой табурет. Красивые иссиня-черные волосы падали на плечи, и голый торс гармонировал с большими выразительными глазами, выжидающе направленными в мою сторону. Перед ним стояла недопитая бутылка «Русской», лежали подсохшие куски лепешки и что-то неопределенной консистенции в кульке. За спиной на мольберте стояла законченная работа, на которой изящно красовалась девушка лет двадцати пяти, одетая в платье, скроенное из газет «Комсомольская правда», «Труд» и других, с хорошо читаемыми заголовками и текстом. Я вспомнил, что совсем недавно видел подобное творение в очень модной тогда газете «Собеседник», выполненное моим московским знакомым Михаилом Рогачевским, закончившим ВГИК вместе с Михалковым, Адабашьяном, Басыровым.

Я еще рта не успел открыть, как получил приглашение войти. Мастер ногой подвинул в мою сторону табуретку и сказал:

— Доктор Назаров, присаживайтесь. Какая судьба занесла вас на мое «Седьмое небо?»

Увидев в моих глазах вопрос, ответил:

— А кто же вас не знает? — и представился:

— Тахир Миржалилов, бедный художник. Чем обязан?

Сделав комплимент выставленной на мольберте картине, одиноко стоящей в совершенно пустой мастерской, я сказал, что хочу купить его работу, которая висит в мебельном магазине. Это вызвало неожиданную бурю эмоций в виде смешанного удивления и восторга.

— Что, прямо взять и купить, за деньги? Ты знаешь, у меня за полтора года никто не купил ни одной работы. Эту «девушку», — большим пальцем указал за спину, — я даже возил месяц назад во Францию. Там ее тоже не взяли «замуж», а ведь хорошенькая, согласись! Возьми ее! Не пожалейся! Просто возьми и ничего не надо платить!»

Я видел, что работа знаковая, но использовать духовное и физическое состояние Маэстро в тот момент было бы грубой невоспитанностью и хамством. Я сослался на то, что именно нижняя работа запала в душу, и осведомился о ее цене. Но Тахир не успокаивался и предложил «Девушку» в подарок, если я отгадаю мысли, которые владели им в момент написания «колибри». Я предположил, что он думал о сексе. Мастер искренне улыбнулся и обнял меня.

— Забирай! Она твоя.

Пока мастер надевал рубашку, чтобы спуститься со мной в магазин, я вынул все имею-

щиеся у меня ролики купонов и прилагающиеся к ним суммы и положил рядом с недопитой «Русской» на стол-табурет.

Работа была куплена для одной моей подружки, а досталась другой. Далее ее судьбу я не прослеживаю, так как наши дружеские отношения с ней никак не сохранились. С Тахиrom Миржалиловым, уже вице-президентом Академии художеств, мы еще пару раз встречались на выставках и презентациях и очень тепло здоровались, сохраняя наши дружеские отношения, но через несколько лет и они были прерваны в связи с его внезапной смертью от инфаркта миокарда.

Мастера уходят, остается добро, светлая память, а что может быть дороже? Кстати о том, что Тахир Миржалилов стал вице-президентом Академии художеств Узбекистана, сообщил мне Владимир Иванович Бурмакин. «Гора» пришла к «Магомеду» осенью 1994 года.

На третьем этаже Дворца текстильщиков передо мной внезапно, как грибок, вырос среднего роста человек в огромном бархатном берете с очень добродушным лицом, с большой родинкой на правой щеке. Мягкий многотональный голос, сочетающийся с оригинальным беретом, интеллигентность представления, выдавали в нем человека культуры и искусства.

Мозговой компьютер, сравнивая похожие образы, выбросил лишь одну фишку — Волад! Да, булгаковский демон. Было сразу понятно, что в мою жизнь вошел не простой человек, а меченый, знаковый.

Поступило предложение подлечить его дочерей-близняшек в обмен на его работу. Не имея выбора, я согласился, и через месяц карти-

Владимир Иванович Бурмакин. 2017 год.

на (благодарность за лечение) была выставлена для демонстрации в массажном кабинете.

На небольшом холсте на нежно-голубом фоне были прописаны две рыбы неизвестного мне семейства. Владимир Иванович попытался мне объяснить философскую подоплеку этой работы, и чем больше он говорил, тем больше я его не понимал. После чересчур витиеватого художественно-философского предложения, заглянув в мои добрые по-бараньи глаза, он понял, что говорит в колодезь. Я был в состоянии аутизма. На его вопрос о моих пожеланиях после длительной паузы я просто ответил, что мне нужна большая работа и желательны цветы — под цвет обоев приемного кабинета. Маэстро интеллигентно сообразил, что я профан в живописи,

и через три дня в приемной висел свежeproписанный натюрморт огромного размера с цветами, самоваром и атрибутикой чайного стола. Бурмакин-Воланд вывел меня на тернистую дорогу познания мира искусства, уверив, что темной ночью на горизонте она соприкасается со звездами. И я пошел и до сих пор иду, как слепец, в ожидании рассвета.

С Владимиром Ивановичем мы сохранили теплые, дружеские отношения. Я побывал на многих его выставках, видел и его классическую станковую живопись, и авангард, и с сильным феминфильным оттенком компьютерную фотографию-компьюфо.

В. И. Бурмакин — академик, и заслуженно, но мне кажется, что он ищет в темной комнате искусства черную кошку совершенства. Хотя это обычная жизнь знаковых людей. Спасибо всем ищущим — вечным двигателям прогресса.

Звание вице-президента Академии обязывает ко многому, и я В. И. Бурмакина понимаю. Низко кланяюсь моему «Воланду» и желаю здоровья, новых побед и поражений, не ощущая границы и разницы между ними. Пусть это делают другие.

Кстати, к великому произведению «времен и народов» Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» постоянно возвращаюсь с середины восьмидесятых, когда прочел его еще в Самиздате. Сначала прочел только фэнтези — комедийную часть, затем религиозно — мистическую и когда объединил инь и ян, приподняв веко третьего глаза, то стал на происходящую вокруг жизнь и смерть смотреть несколько по-иному. Рамки и цвета радости и печали сложились в круглую черно-белую монаду, которая порой расширя-

лась до бесконечности или же вмещалась в ладонь. В конце восьмидесятых, пролежав полвека в рукописи, «Мастер и Маргарита» получил «добро» на публикацию. По счастливой случайности, в это время произошла встреча российского художника Андрея Хоршака и главного художественного редактора издательства Гафура Гуляма — Толика Боброва, которому и была передана графика по теме издания. Книга вышла в 1989 году в черно-белом издании, на серой бумаге, но зато она была первой. Через двадцать лет после выхода первой книги, графика из этого издания попадает в мою коллекцию и становится ее гордостью.

Много раз пытался и делал заказы художникам по теме гениального произведения, думая о новом издании в Узбекистане, но что-то не срабатывало и у меня, и у мастеров. И только в 2017 году с художником Алишером Ибрагимовым, пишущим графику в психоделическом стиле, мы, наконец, провели выставку работ в молодежном театре «Ильхом» по тридцати двум главам книги. Работы были гениально оформлены багетчиком и антикваром Рафаэлем, народу было много, камеры стрекотали как сумасшедшие, телевидение, но, по-моему, никто так и не понял, и я тоже. Видно придется повторить для «тугодумов». Примечательно, что в этот вечер в театре давали «Собачье сердце» одноименного автора.

Наступил «долгожданный» 1995 год, пионерская организация, равно как октябрятская и комсомол, к тому времени были уничтожены на всем постсоветском пространстве. Очаги культурного развития детей и молодежи, досуга пенсионеров захватывались ведомствами

и частными лицами в зависимости от их масштабы и расположения. После многочисленных боев между двумя министерствами — культуры и легкой и текстильной промышленности, — победили производственники, и началась эвакуация. А она, как обычно, бывает спешной. Имея добрый опыт «перестроечной кочевой жизни», мы с врачами почти без проблем, исключив полную потерю вложенных в производство средств, перекочевали в почти пустой двенадцатигрупповой двухэтажный детский сад, принадлежащий Экскаваторному заводу на Дархане по улице Садыкова-Ярославской. Арендваемая площадь увеличилась в три раза — с шестисот метров до двух тысяч, что, в сущности, было хорошо, но появилась новая проблема — стены.

Именно стены и ничто другое явились новым стимулом и катализатором моего дальнейшего движения в искусстве. Может быть, мы недостойно мало обращаем внимание на наши стены? Задумайтесь! Ведь они, как живые люди и художники, могут быть знаковыми и ординарными. Ну, например, Великая Китайская стена, Берлинская или Стена плача в Израиле, супротив стен из плетеного камыша или глинобитных дувалов в киплаках. Обладая четырьмя основными функциями: экспозиционной, защитной, пограничной и опорной, стены многообразны и нужны любые. И это справедливо. Предлагаемая мною классификация стен очень гротескна и шутивая, но, если подумать, то в ней можно найти много общего с картиной. Ведь картина — это продолжение стены, а стена с повешенной картиной является ее составляющей.

Итак, стены бывают большие и малые, богатые и для тараканов, длинные и незавершенные, под крышей и незащищенные, высокие и незначительные, ровные и не стены вовсе, контактные и непробиваемые, кричащие и молчаливые, выдуманные и тактильные, глухие и с прослушиванием, предательски податливые и опорные, запятнанные и чистые, для бросания гороха или все же умные, любимые и тюремные... А теперь поиграйте со мной и продолжите сами.

Мне создавала проблему лишь одна функция стен — экспозиционная. Кажется, она на заслуженном первом месте — вспомните наскальные и пещерные рисунки. Когда человек имеет больше, чем ему одному необходимо, сразу же возникает проблема, как распорядиться излишком, а это, в свою очередь, тянет за собой кучу вариантов и действий, характеризую человека в социуме. Так что и стены могут определять человека и быть мотивацией к какому-либо действию. У меня появилось много стен, а украсить их по своему разумению было нечем, что и явилось чудесной причиной углубленного изучения искусства и жизни рядом с ним. Да, очень мало внимания мы уделяем нашим стенам, а ведь они первые встречают нас в родзале, сопровождают нас по жизни, объединяя нас в отчем доме, и разъединяют, когда мы строим их между собой в отношениях. Да что говорить, мы и сами состоим из стен, только очень маленьких, с массой окошек, отверстий, пазов и турникетов. Каждая клетка нашего тела, окруженная мембраной, — маленькая стенка, обладая всеми четырьмя аллегорическими перечисленными функциями, выполняет свою

специфическую. Клетки крови, как маленькие «космические корабли — стеночки», бороздят беспредельные для них просторы нашего тела. Перегородками, фасциями, мембранами, «стеночками» разделены все наши органы, системы и среды, в совокупности составляя живой организм, как «китайской стеной», защищенный кожей. Движения нашей внутренней среды, выделяя энергию, создают вокруг нас еще одно защитное поле — ауру, которая, предохраняя нас от внешних агрессивных воздействий, в то же время является нашим контактером с энергией космоса. Думается, что если сложить все клетки-стеночки человека в одну линию, возможно, она превысит длину Великой Китайской стены. Поверьте моей интуиции, так как проверить это пока не представляется возможным.

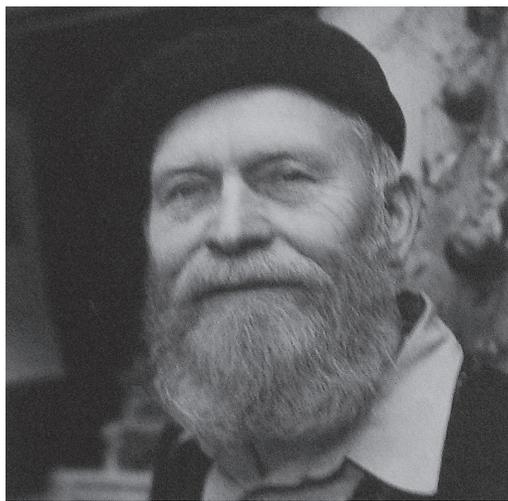
Ученые — медики всего мира уже давно начали штурмовать «стены», и появились такие науки как анатомия, гистология, цитология, мембранология, гематология и т.д. «Стены» изучают все: и физики, и лирики, а зачем? Лишь по одной причине: чтобы влиять на них — строить, ломать, переносить, раздвигать и изучать горизонты за ними. Кому не хочется заглянуть в будущее? А может быть, люди, пристально и благоговейно всматриваясь в «Черный квадрат» Казимира Малевича, думают, что это окно в будущее? Мне помнится, как когда-то в Риме, на выставке футуриста, за спинами людей я тоже тянул шею, глядел в его квадрат и через него. Подошел ближе, даже протер очки и... ничего не увидел такого, что могло меня потрясти. Ну не вижу я «улыбки» и «квадрата»... Наверное, надо учиться смотреть на «платье короля». Произведения художников

— это тоже «стеночки», которые нужно вовремя и правильно сдвигать, раздвигать, перемещать, дарить, продавать: они должны двигаться, чтобы жить и приносить радость людям. А ведь это одна из главных функций человека, не зависящая от его статуса, — служение людям! Без бравады удовольствие и счастье приносит хорошая служба и огорчает плохая.

Некоторые художники, накапливая в мастерских свои произведения, создают высокие стены между собой и людьми, которым они и призваны служить. Под предлогами непонимания, неудовлетворяющего курса доллара, создания собственного музея, что не в те руки попадут, что могут украсть идею... И постепенно они из богатырей, призванных делать людей счастливее и богаче, в своих пещерах-мастерских превращаются в Драконов, охраняющих «свое богатство». В простом быту, надев грязное тряпье «Плюшкина» и «Коробочки», они плохо питаются, одеваются, не улучшают своих жизненных условий и обязательно критикуют своих братьев по цеху и глухих покупателей.

Продолжая оснащать и украшать свой медицинский центр, в 1996 году я, по рекомендации старшего брата моего зятя Лазурьевского Бориса Никодимовича, встретился в Доме художников на Актепе с Юрием Талдыкиным — в те времена очень популярным и известным мастером кисти.

В нашей домашней библиотеке в Янгиоле был его альбом, выпущенный в 80-х и, очевидно, купленный отцом. В те годы альбомы выпускали только знаковые художники за счет Союза художников. Это сейчас, при наличии средств, каждый может позволить себе издать

Юрий Талдыкин.

такой альбом или книгу. Тот самый альбом я последний раз просматривал лет десять назад и, рассекая на своей «ласточке» по «добротным» дорогам Ташкента, добираясь до Актепе, ворошил в своей памяти картинки, виденные в нем.

Выстраивались куски натюрморта, где на просто сколоченном столе аппетитно красовались две недопитые, запотевшие кружки с янтарного цвета пивом, с тускло сверкающей изнутри бриллиантовой россыпью пузырьков газа на граненом стекле. На переднем плане грустно коробились три светлых небольших жерешка, красиво объединенных в связку медной проволокой, умело продетой через их головы. Очевидно, что им было лучше, чем тем двум, которых ранее вынули из связки и изрядно потрели перед употреблением. Их ото-

рванные головы с широко открытыми ртами и пустыми глазницами удивленно уставились на четверть буханки «орловского» черного хлеба, сверху посыпанного семенами кинзы. Пополом разрезанная, но еще не тронутая луковица указывала, что «пивная вакханалия» только началась. Еще очень смутно вспомнился сюжет картины, где подростки нагишом купались в горном ручье и брызгались бирюзово-светлой водой. Больше ничего не лезло в голову, но я был в предвкушении демонстрации и совсем напрасно.

В мастерской меня холодно встретил среднего роста человек с окладистой бородой, являющейся логическим продолжением копны рыжих волос. На нем был светлый свитер, крупной старомодной вязки, с продолговатыми коричневого цвета подлокотниками из кожзаменителя. Военные галифе цвета хаки на удивление были мало запыляны (рабочая одежда художников зачастую напоминает десантный маскировочный халат с разноцветными пятнами и разводами). Ноги грели валенки кавказского образца. На то, что маэстро давно не писал, указывали и его чистая одежда, и чистота в мастерской. Множество картин были аккуратно разложены по полкам, причем, строго по размерам. Мастерская больше напоминала архив или же хранилище музея. Полы были тщательно вымыты, а стекла окон сияли чистотой. Было впечатление, что помещение подготовлено для сегодняшнего праздника со столованием и танцулями. Соответственно, разговор не ладился. В основном Ю. Талдыкин «прощупывал» меня, но как-то вяло, без всякого энтузиазма. Узнав, что работы нужны

для оформления медицинского центра и что я классику не отличаю от авангарда, уже через двадцать минут беседы он впал в уныние и объявил, что работы свои не продает, так как нет настоящих покупателей и ценителей его труда. А он достоин музейных экспозиций и в России. В Иваново, куда собирается переехать к дочери, им найдется достойное применение.

Наконец, я вразумел, что с моей тысячей долларов в кармане и молодостью в душе я имел шансы только на двадцатиминутную беседу, но без демонстрации картин. Сотни плотно составленных работ не оставляли даже надежды заглянуть в щель между ними.

С чувством обиды за себя, за Родину и Юру я скорбно покинул уже «неживую» мастерскую большого художника, через пару лет узнав, что и сам Маэстро внезапно ушел в Вечность от какой-то болезни. Как говорят в народе, «пешона тахдир» — кому что написано на лбу. Не все могут быть при жизни Тансыкбаевыми или позже Ван Гогоми, и никто не виноват, что ответственный участок его жизни пришелся на трудный участок эпохи перемен.

Почему-то большинство людей думает, что в компенсацию динамической юности к старости они получают мудрость. К счастью или несчастью, это совсем не так. Дряхлеют наши наружные и внутренние стеночки и обрастают всякой дрянью — слизью, холестериновыми бляшками, разными камешками. Достучаться до нас через такие толстые стены бывает трудно. В быту, прямо указывая на возраст, сдает нас первый признак — шаркающая походка. Потом — рассеянность, забывчивость, мания. И

забрасывают стариков массой эпитетов, диагнозов и даже оскорбительных слов — склеротик, маразматик, слепец, тугодум, божий одуванчик, старый перечник, впавший в детство. Отдельно для стариков создана медицинская наука — геронтология, как для детей — педиатрия. Изменения внутренних органов со временем изменяют и психическое состояние человека, его поведенческие реакции. Проще говоря, если человеку повезет дожить до старости, в его лице мы имеем возможность пообщаться минимум с тремя совершенно разными личностями. Поэтому не обижайте стариков и тем более не обижайтесь на них, если они больны. Все это в полной мере относится и к художникам, так как учеными до сих пор не найдены анатомические, физиологические и прочие их отличия от писателей или строителей.

Радуйтесь, что жизнь так разнообразна. Если из семи нот можно составить море звуков, то сколько личностей содержит в себе динамически развивающийся всю жизнь организм? Посчитать не удастся — можно только вообразить. Поэтому зачастую удивляемся: только вчера вроде бы говорили с человеком, а сегодня он уже другой. Нас меняют жизненные обстоятельства и события, встречи и не встречи, недуги и здоровье, погода и природа... Покопайте глубже — вы ведь тоже стали другими. Потому-то тезис «прощение» во многих религиях считается основным — ведь человека, совершившего грех, уже нет. Так с кого же спрашивать?

Выйдя от Ю. Талдыкина и попав в объятия уже давно поджидавших меня подружек — Риммы Гаглоевой и Инны Васильевой,

Римма Ильинична Гаглоева.

красивейших и умнейших женщин Востока, вспомнил, что забыл свое плохое настроение в чистой мастерской. Я почему-то не вернулся обратно. Видно, в одну и ту же воду два раза не войдешь. Вот и пригласилась моя тысчонка, слегка влажноватая после вегетативного трепа. Я прекрасно отдохнул, получив долгожданную демонстрацию, и приобрел несколько больших работ двух художниц, ставших украшениями скромного жилища доктора. Кстати, у Риммы дочь Вера Нечаева, имеющая очень хороший потенциал в живописи.

Еще раз повторяюсь, это был 1996 год, и то посещение Дома художников на Актепе кроме радости оставило небольшой осадок — отсутствие в моей коллекции хоть одной работы мастера-кудесника Юрия Талдыкина. Да упокоит

Бог его душу, дав реализацию его пожеланиям. И пусть его работы, покинув родину, еще поговорят с людьми его голосом и покажут землю его народа. Аминь.

Увлечение графикой началось с Сережи Аганова в 1997 году. Армяне, разбросанные по миру, почему-то притягиваются друг к другу, а Сережа был армянином «самаркандского разлива», среднего роста, кряжистый, с зелеными хитрыми глазами, с кондачка напоминающий Михаила Фрунзе. Он занимался антиквариатом и имел «то там, то сям» маленький магазинчик. Энергии движения и идей у него было валом. Он, как и многие в то время, мечтал быть здоровым и богатым, рассекал горные дороги Узбекистана в поисках различных предметов быта с повышенной маржой. Поскольку его основательно потрепанный синий «жигуль» через пару лет превратился в «добротню подержанный» форд, делал он свое дело справно. В составе его «продажной коллекции» были и художественные произведения, в том числе графика Мальта и Усто-Мумина.

Как мне тогда казалось, мое понимание искусства было достаточно пространственным и глубоким, а в сущности в линейном измерении оно составляло лишь жалкие 5–6 метров фокусной визуализации демонстрируемой картины. И только тогда, когда у меня испортилось зрение и я надел очки, после их тщательной протирки я улетел в Мир и Космос графического рисунка.

Первая выставка графики, организованная благодаря С. Аганову в моем центре, была судьбоносной, так как я познакомился с умными и

деятельными искусствоведами Наташей Глазковой и Ириной Булкиной (царство ей небесное, земля пухом и добрая память), которые показали мне место, где следует разбить мои «цыганские шатры» для изучения Мегалополиса Искусства.

Тогда же я познакомился с очень хорошим человеком, близким другом и помощником Урала Тансыкбаева, бессменным хранителем и директором его Мемориального музея Тахоевым Салтаном Ибрагимовичем, заменившим мне отца и советчика. Гордость, отвага и прямолинейность достались ему просто так — по кавказской генетической линии осетина, а выправка и качества командира были привиты за долгие офицерские годы службы. Двери Музея и сердце С. И. Тахоева были открыты для меня, и впервые я вошел туда осенью 1998 года, будучи приглашенным на выставку Ильдара Фатхуллина — художника, спонсируемого турфирмой «Asia Travel».

Выставка не была очень яркой, но запомнились несколько коллажей и триптих, изображающий горы с горящими свечками, в память о погибших альпинистах. Посещение его выставки в галерее «Караван» несколькими годами позже впечатления не усилило. Запомнился большой портрет Джона Леннона в раме, инкрустированной множеством ручных часов. Из личного разговора и рассказов знакомых я понял, что Ильдар, не покорив «богемного олимпа», путешествовал в Чехию и обратно много раз, и, кажется, преуспел в оформительском деле.

Не помню, по чьей инициативе, но 3 марта 1998 года мы провели выставку к Международному женскому дню сразу четырем женщинам-художницам — Харитоновой Ольге Владис-

лавовне, Бородиной Марине Ростиславовне, Юлдашевой Гулором и Кочкаревой Светлане Ивановне.

Оля и Марина закончили в 1978 году отделение театрально-декоративной живописи и скульптуры ТГТХИ им. А.Н. Островского и были подружками. Гулором, ученица известного Ташкентского усто — Фасхутдина Дадмухамедова, работала в «ювелирке», воссоздавая украшения, характерные для различных эпох нашего региона, одновременно внося в них нотку сегодняшнего дня и делая их приемлемыми для современного человека. Света — старшая из «девочек» — окончила в 1972 году художественно-графический факультет пединститута и работала прикладником по «деревянке». Роспись разделочных досок и деревянных панно в национальных традициях удавалась ей с особым шиком, похоже, глаза «иноверца» воспринимают жизнь Востока «пошпионски» острее и красочней.

Света и Оля достаточно набожны и помогают в Свято-Никольском женском монастыре иконописью и реставрацией.

Выставка освещалась в телепередаче «Добрый вечер, Ташкент» известнейшим Георгием Яковлевичем Ирлиным (светлая ему память). На том же вечере присутствовала не менее знаковая телеведущая Галина Мельникова, которой я долго целовал руки и подарил цветы. Марина Бородина сделала ладную скульптурно-флористическую инсталляцию в «предбаннике» выставочной гостиной, и я во время ее занятия шутил, спрашивая, нельзя ли приобрести ее работу — бюст академика Восита Вахидова? Смеясь, она отвечала, что это очень затруднитель-

Георгий Яковлеви Ирлин.

Галина Витальевна Мельникова.

но, а легче поцеловать «ее собственный», только это будет значительно дороже. В принципе, выставка-вечер удалась. Выступала шоу-группа «Маски», показывая новые образцы женской национальной одежды, был фуршет, и представляемые художницы были довольны. Они

пригласили друзей и знакомых. Но «продаж» было мало, так как период определения «кто есть кто?» еще не завершился, хотя и появились нувориши, которых (из-за их воспитания) вопросы и предметы искусства не волновали.

Наши девочки-врачи купили у прикладниц разные затейливые мелочи. Ну, и я взял у Гулором два красивых серебряных набора, скопированных с согдийских украшений женщин 14–15 веков, витиевато исполненных колье и сережек, красиво выложенных на черном бархате. Эта пара наборов была подарена мною профессору-пульмонологу из Москвы за консультацию, данную моей драгоценной супруге — Светлане Петровне Назаровой. И вот так просто эти украшения незатейливо поменяли маленькую республику на большую.

У Светы Кочкаревой я купил всю оставшуюся выставленную «продукцию», чем и заслужил «бонус». Через месяц она принесла мне небольшую икону Николая Чудотворца, искусно прописанную на дубе и уже освященную в женском Свято-Никольском монастыре, чем и пролила елей на мою израненную душу.

Мой дедушка по материнской линии, родившийся в 1900 году в день Святого Николая Угодника, был по святым назван Николаем. Правда, он был воинствующим атеистом, за что у моей бабушки — Арины Васильевны — получил «заспинное» прозвище Миколка-безбожник. Дед — ветеран трех войн — гражданской, КВЖД и Второй мировой, жил почетно среди партийных и хозяйственных организаций того времени. Это раздражало мою бабушку — дочь кулака, «проявившего большой интерес к изучению географии Северного и Южного по-

лушария и инженерии» — по десять лет участвовавшего в строительстве Беломорканала и Ташкентского текстильного комбината.

Та икона напоминала мне дедушку, но очень умиротворенного, как бы в идеальном представлении бабушки, и была со мной как амулет в долгих поездках по республике. Но всему приходит конец, и она была похищена из моих бесчисленных багажных сумок детьми из неблагополучных семей одного ферганского спортивного интерната, которых я спонсировал, подкармливая и одевая. Может быть, она кому-то поможет в жизни, сделав его светлее и сильнее. Дай-то Бог!

С Олей Харитоновой мы встретились только осенью в ее доме-мастерской, расположенной в жилом массиве частных домов за медсанчастью Текстильного комбината. Я с трудом нашел его, так как он был зажат «айсбергами» нависающих над ним двадцатиметровых строений. Дворик, маленький и уютный, с обилием цветов и растений, производил впечатление красоты и девственности. Домик, хорошо обжитый хозяевами и массой домашних животных, застыл в стиле и моде 40–50-х годов.

В доме было четыре мастерских — сестер Оли и Любы, отца Владислава и матери Луизы (художников-реалистов старшего поколения). Об их набожности говорило обилие самописных икон. В старом кресле 20–30 годов я был напоен чаем и обласкан демонстрацией работ всех членов художественной семьи с ретроспективой. Сделав заказ и оставив заклад, я через 5–6 месяцев получил двенадцать чудесных натюрмортов от всего пишущего семейства и в подарок небольшой натюрморт с клубникой,

Ольга Харитонова. «Клубника», холст, масло, 60x43 см.

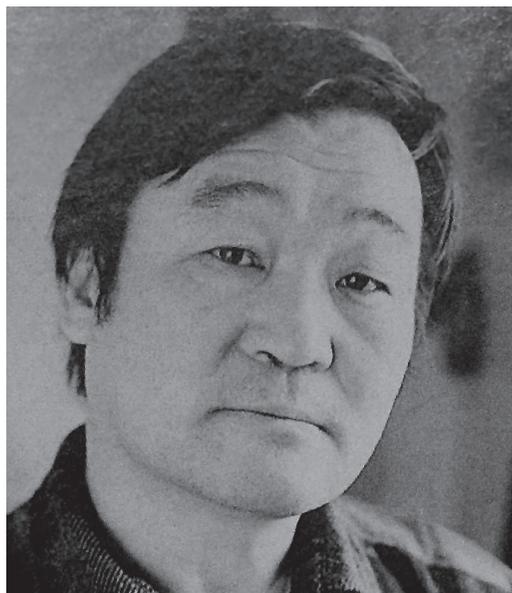
который и по сей день украшает мою маленькую кухню-столовую на ТТЗ.

Конец сентября 1998 года. Наконец-то конец рабочего дня. Конечно же, дни должны быть короче, но что-то с этим не получалось. Полузатемненный рабочий кабинет. На письменном столе контуры различных предметов — телефона, разбросанных книг и письменных принадлежностей. В мягком директорском кресле «ухайдоканное» тело шефа. Слева — релаксирующее бриллиантово-зеле-

ное пятно акварнума, справа — напрягающий свинцово-серый квадрат окна, по величине и продольной солнцезащите утверждающий, что это не «одиночка». За окном — «поющий» дождь и время суток, точнее определяющееся по боли в мышцах и рою беспорядочных, хаотичных мыслей в голове, торосами наползающих друг на друга. Два предмета — «Спящий вулкан» К. Шмакова за спиной и родительский диван 1957 года — определяли общую ситуацию: все в порядке!

Нашатырно-раздражающий стук в дверь спровоцировал такого же свойства вопрос: «Ким?» За дверью эхом отозвалось: «Ким!» До конца не разобравшись, но чувствуя что-то доброе в этой ситуации, открыл дверь. В темном узком коридоре, тускло освещенном серо-зелеными клубами кабинетного света, стоял небольшой коричнево-серый квадрат человека, почему-то ассоциирующийся с маленькой бронемашинкой с узкими глазами-бойницами. Конфигурацию определяла большая, очевидно, с подстежкой, кожаная куртка, изрядно нахлебавшаяся дождя. Низ не определялся, но в руке болталась на ремешке маленькая сумочка-барсетка. Это был Владимир Семенович Ким. Серость того вечера и жизни яркими красками и добротой ровно на 10 лет осветил интереснейший человек и художник, мой друг — Володя Ким.

Володя подошел к «Эвересту искусства» будучи уже взрослым мальчиком, научившись писать только квадратик и кружочек, хорошо разобравшись только с двумя цветами — оранжевым и голубым, — цветами солнца и земли. Времени на подъем в гору оставалось мало, а сделать надо было много, и Володя Ким нашел единственно правильное решение: он стал вытягивать линии квадратиков и кружков по абрисам деревьев, домов и гор, раскрашивая полученные очертания хорошо узнаваемой природы в любимые цвета — оранжевый и голубой, при накладке образующие богатую гамму оттенков. Не получалось у него лишь с названиями работ, они были очень витиеватые и разнообразные. Я бы предложил всего два названия, которые и определяли бы каждую работу в отдельности — «Красота» и «Любовь».

Владимир Семенович Ким.

Прошло десять лет. Мы сидели в уютном дворике Музея Урала Тансыкбаева после моей прошедшей выставки «Глазами женщин» в марте 2008 года. Оба усталые и покоцанные жизнью и любовью. Оба прямо из стационаров и оба в сопровождении жен. Прощались. Володя, парализованный после перенесенного инсульта, покидал страну, уезжая куда-то в российскую «тьму таракань» к детям. Я был парализован психически, покидая свой привычный, обжитый с любовью мир рядом с Володей.

В жизни Владимир Семенович Ким был чистым, открытым, трудолюбивым человеком

и не страдал никакими маниями, щедро посвящая свою жизнь и творчество людям, живущим рядом с ним, усиливая в них концентрацию Любви и Красоты. Незаметно для себя и людей он создал массу передвижных музеев в душах своих современников. Все, что мы имеем, дается нам только на время и только по тому, как мы сможем или успеем распорядиться своим «скарбом». Это и будет нашей характеристикой, определяемой и современниками, и потомками.

Не надо забывать, что накопление и концентрация — это только часть процесса, и вслед за этим последует распад, сопровождаемый выделением энергии, направленной на созидание новых материальных и духовных субстратов. Этот бесконечно повторяющийся цикл и является подтверждением вечности жизни и смерти. Все циклы в космическом мироздании разнятся по времени, массе и скорости, но запускаются и контролируются «божественной» энергией распада. Чтобы образоваться с помощью концентрации и распасться от взрыва, звездной системе потребуется много миллиардов лет, а чтобы освободиться ребенку, находящемуся в утробе матери в течение 9 месяцев, нужны часы. Систола и диастола сердца же завершаются за несколько секунд.

Множественность чередования процессов накопления и отдачи приносит человеку радость. Разве не радостно знать, что сердце бьется и рождаются дети. А радость — это сконцентрированные Вера, Надежда и Любовь.

Всему свое время... Время разбрасывать камни и время собирать камни... Время строить и время разрушать...

Так что формула радости проста: многократно концентрируйте и отдавайте и радуйтесь всем и всему. Это такая же аксиома, как и то, что здоровый позвоночник — это долгая жизнь. Да не оскудеет душа и рука отдающего. Аминь.

При первой нашей встрече он искренне «парамонил» меня, обнимая и целуя, не оставляя никакой надежды усомниться в долговечности нашей дружбы. На нем была светлая водолазка и стального цвета костюм, который во второй раз я увидел на его юбилейном вечере, который я сам и спонсировал, ровно через десять лет в красивейшем зале Дома молодежи. Центральной фигурой той ДЕМОНстрации была «Бабочка Воннегута», — собранная из металла философская идея Баята по анализу зарубежной литературы. Она была очаровательна и гениальна, да я, право, и не помню ни одного произведения Баята, сделанного халтурно. До какого бы материала он ни дотрагивался, его произведение благодаря его подсознанию приобретало гениальные пластические формы и гармонично вливалось в окружающее пространство, украшая и дополняя его.

Конечно, я практически никакой знаток пластики и формы и их взаимодействия, но мне кажется, что искусство Баята Мухтарова космополитично и не совсем отвечает региональным направлениям и задачам сегодняшнего дня, но как мощный фундамент андеграунда и альтернативы оно необходимо, так же как Инь и Ян.

Для западных направлений искусство Б. Мухтарова слишком ординарно, а для региональных — слишком авангардно, но как раз в

этом его разрыве и вся его прелесть, и гениальность, и малопродаетаемость.

Успокаивая вечно сетовавшего на отсутствие хороших покупателей Баята, я говорил ему, чтобы он сильно не волновался и что через 50–60 лет его произведения будут искать, если они, конечно же, сохранятся.

С Баятиком мы встретились в январе 2011 года в филиале моего Медицинского центра на проспекте Шарафа Рашидова, 66. Он приехал, чтобы поделиться радостной новостью, что ему, наконец-то, дали выставочную площадку в нижнем выставочном зале Союза художников и что выставка состоится через месяц, и еще, по обыкновению, попросить спонсорской поддержки.

У меня тоже было к нему дело. Я хотел заручиться его мнением и помощью в реализации идеи, не дающей мне покоя уже не один месяц. Весной 2011 года ко мне попала видеозапись утренника, сделанная скрытой камерой в Городском центре реабилитации детей, страдающих детским церебральным параличом. В том видеofilmе дети с тяжелыми формами поражения центральной нервной системы читали стихи, пели и танцевали на коленках. Для себя я принял твердое решение — подарить часть работ наших знаменитых мастеров кисти из моей коллекции в этот Государственный центр. Пусть дети, лишённые возможности активно двигаться по миру, увидят его в движении, уже подсмотренном и выплеснутом на холсты мастерами фиксации времени. Впоследствии я так и поступил, но думалось, что так же поступят и художники, отдав свои работы с очередной выставки.

Баят Мухтаров. 2008 год.

В Музее Урала Тансыкбаева уже давно не работающие там Наташа и Лобар занимались обычным своим делом — оформляли очередную выставку, как будто и не уходили. Между работой, но трезво выслушав наше собеседование, временами переходящее в спор, искусствоведы высказали свое мнение по этому вопросу. И сразу все стало понятно и просто.

Искусствоведы пояснили мне, что никогда художники не расстанутся со своими лучшими работами с выставки. Отъем работ, даже под самую гуманную идею, будет расценен ими как насилие, как отъем части мозга, души и их мироощущения в этот период жизни и творчества.

Баят Мухтаров. «Скифский небосклон», 1999 г.
Алюминий, стекло, дерево, смальта.

Выставка — это праздник, бал, смотр потенций и, конечно, определение положения в жизни и обществе. Родители-мастера очень тщательно готовят своих «детей» к балу: красиво одевают и украшают, наделяя их своеобразным индивидуальным имиджем, соответствующим своему рангу и положению в обществе.

Уровни балов бывают разными. Ежедневные не требуют специальной подготовки и проводятся для поддержания тонуса и примерки сил. На такие балы мастера королевского уровня «своих детей», как правило, не посылают, а готовят к балу в королевском дворце, где уже «случайных» не бывает, и никто из «нуворишей искусства» не попытается дерзновенно затмить

Баят Мухтаров. «Бонсарты», 1998 год,
дерево.

членов королевского двора и саму королеву бала. Там соблюдаются расписания, предписания и этикет, и все определено по ранжиру. К таким балам «списочнодопущенные» готовятся годами, и блеснуть на таком празднике — большая честь и гордость «семьи».

Ну, а теперь представьте себе, что во время такого торжества дворец окружается людьми в «кожаных куртках», и один из них, маузерно бряцая бедром, выйдя на середину тронного зала, заявит, что настал тот час, когда придется — хочешь или не хочешь — отдать имеющиеся на празднике «драгоценности» в пользу другим людям, которые тоже в них нуждаются. И это для всеобщего блага и

С искусствоведом Натальей Глазковой.
2007 год.

очень гуманно, хотя немножко насильственно. Какова будет реакция участников праздника? То-то же!

Правда, существуют «супербаль», где можно позволить все, без ограничений. Они не требуют ни места, ни времени, ни одеяний и могут проводиться в любое время суток, без всяких предписаний и этикета и длиться секунду или всю жизнь. Да и приглашать на них можно из любого времени и места: хоть сонм, хоть одного участника. И все это рождается в черепной коробке автора.

В зависимости от «управляющего» «супербаль» могут быть конструктивными или разрушительными. Все это происходит в пространственном и временном режиме, пока не данном нам в ощущениях. Благодаря биорезонансному взаимодействию энергии Космоса и нашего мозга происходят электробиохимические процессы созидательно-разрушительного действия, которые и вызывают движения во

Искусствовед Лобар Мирзабаева.
2007 год.

внутренней и внешней среде. Напрашивается вывод — мысли материальны, следовательно, поаккуратней думайте. Временно ваши мысли интимны, но когда они преобразуются в процессы, всем все станет ясно. Скрыть свои мысли можно только абсолютным бездействием, что в принципе невозможно в мысленно обозримом Космосе. Даже смерть не может быть таким гарантом, так как при ней разрушение направленно движется к созиданию, а движение — это жизнь.

Продукты жизнедеятельности людей, и тем паче творческих, очень автобиографичны. Некоторые из них, имея скрытный характер или несчастливую жизнь, пытаются защитить свой внутренний мир разностильностью, авангар-

С Джавлоном Умарбековым, Маратом Садыковым и Владимиром Бурмакиным. 2008 г.

дом или новаторством. Однако для хороших «дешифровальщиков», к которым, помимо искусствоведов, принадлежат врачи и психологи, не будет больших проблем заглянуть за «внешний фасад» мастера. Еще проще это сделают простые люди, полюбившие его, а если мастер пишет автопортрет, любому все карты в руки. Портрет наиболее полно отражает внутренний мир человека. Правда, не то, что он думает о себе и представляет, а то, как мастер видит его. Поэтому «заказчик» зачастую недоволен своим изображением, сетуя, что художник не уловил каких-то его особенностей, характеристик. Более удачен портрет в случае, когда мастер и «объект изображения» ранее взаимодействовали. Портреты одного и того же человека выглядят по-разному у разных художников, так же как разнятся их мастерство, видение и стили.

Мой друг, чудесный комиксмейкер и оформитель Виталий Щербак, с которым за двадцать

лет нашей творческой деятельности мы сделали около тысячи комиксов по дискографии «Битлаз» и написали книгу «Битлатерация шейного остеохондроза», всегда изображал меня в комиксах микроцефалом с фенотипическими признаками болезни Дауна на лице. Чего уж обижаться, если он так видел меня, спонсировавшего и планирующего его творческую деятельность в области, малозначимой для культуры и хозяйственной деятельности республики. И только тогда, когда спонсорские дотации закончились и пришлось повкальвать на хозяйственных объектах Ташкента, создавая с группой сотоварищей новые формы дизайна развивающегося города, он полностью осмыслил мою миссию в его жизни и судьбе. Уезжая на свою родную Украину, он написал замечательный портрет, авангардно-демонически изобразив меня в многоцветии, не забыв увеличить и объем черепной коробки.

Увлечшись сатирическими стилями — комиксом и шаржевым портретом, я заказал шаржевую галерею на своих сотрудников, включая, конечно, и себя, которая спокойно провисела в вестибюле нашего Медицинского центра пять лет, подготавливая пациентов к более доверительным отношениям с медперсоналом. С этой задачей наши «бродвейские мастера» справились на «отлично». В их числе был Олег Шкред, который в Израиле стал знаменит и даже иллюстрировал произведение «Мастер и Маргарита» М. Булгакова, вышедшего на иврите.

Очень интересную серию шаржей на моих сотрудников выполнил «бродвейский» художник Сергей Чуваков, отсидевший в прошлом пятерку за какую-то уличную «свару». Будучи

Вечер памяти Джона Леннона.

одинок-интернатским ребенком, он прихватил из зоны «губки» и умение рисовать. Но он не имел никакого художественного образования, промышлял шаржами на бродвее и небольшими частными заказами по раскраске окон и стен к праздникам. Кстати, он и выполнил шаржевые рисунки к моей поэме «Серый мем», оформленного А. Каменским в виде фильма.

Шаржевые портреты, сделанные на меня на Монмартре и в Афинах, не были столь удачны:

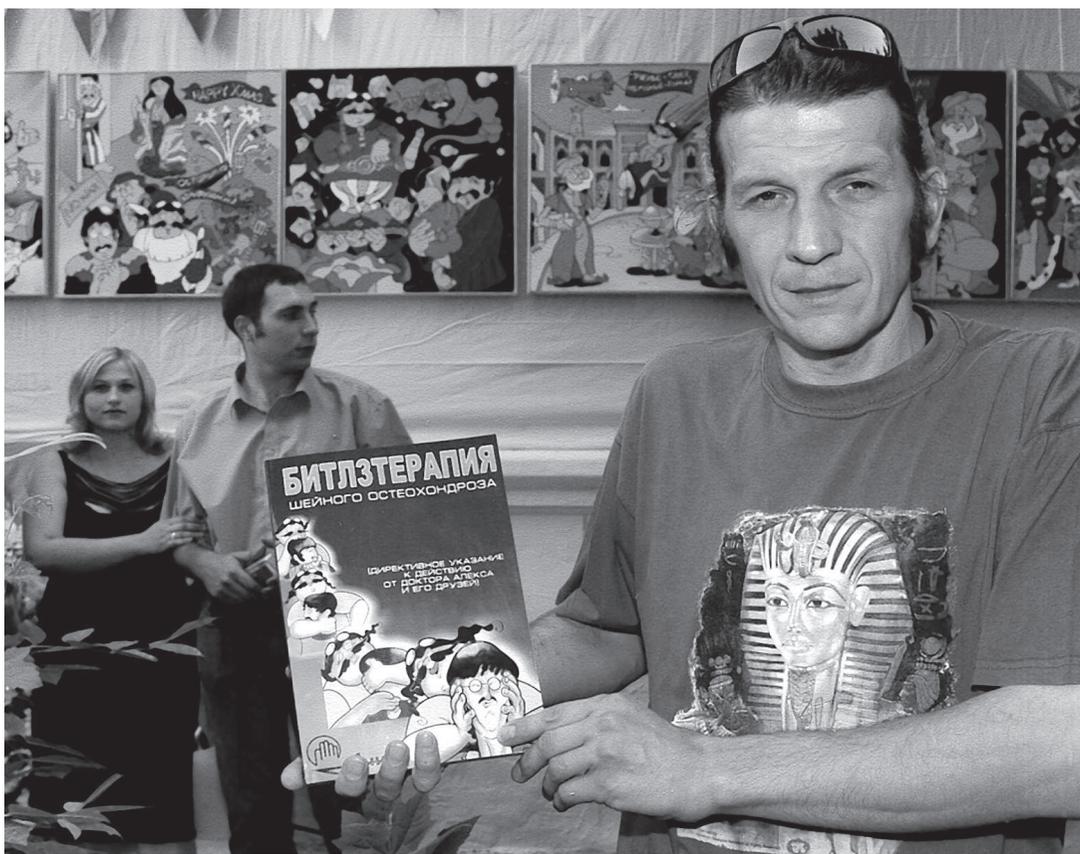

Выставка, посвященная 70-летию Джона Леннона в музее Урала Тансыкбаева. 2010 год.

Открытие выставки 70-летию Джона Леннона в музее Урала Тансыкбаева. 2010 год.

на одном из них я был похож на Пикассо, а на другом — на Манолиса Глезоса. Первый «живой реалистический» портрет был выполнен Дмитрием Шабуниним в 1995 году в орготделе фирмы. На нем я был изображен в белой рабочей форме, с фирменной нашивкой на нагрудном кармане «АНИК», сидя на диване. Передо мной располагался столик с открытой

Виталий Шербак,
автор иллюстраций для книги Алексея Назарова «Битлтерапия шейного остеохондроза». 2006 год.

пачкой сигарет «Winston» и большой белой фарфоровой пепельницей с аналогичным названием. Работа была выполнена на холсте 1,5х1,5 м гладью и одета в ореховый багет. Три года она провисела в той комнате и над тем же диваном, а переехав в мой филиал в

г. Чимкенте, канула в Лету. Дима Шабунин, похоронив маму, переехал в Москву, где стал известным придворным художником у блистательных российских поп-звезд. Мы, не став друзьями, думается, сохранили хорошие воспоминания друг о друге.

Свято место пусто не бывает, и взамен ушедшему портрету появился новый, написанный в реалистическом жанре, но совсем иным способом, молодой художницей Еленой Ли, после ее первой выставки, проведенной мною в октябре 1999 года. Он был соткан разноцветными лоскутами красок за час позирования, на холсте 60x40 см, окончательно собран и одет в белоясеневый багет за неделю. Мне он был симпатичен с начала его производства. В нем чувствовалось разноцветье состояния моей души в тот период. Глаза, устремленные в душу смотрящего, не оставляли равнодушными, но, по мнению супруги, на нем я походил на утопленника, только что выловленного после двухнедельного таинственного подводного путешествия, но еще не обмытого резиновым шлангом прозектора. Не знаю, наверное, любя, она сильно меня идеализирует.

В сложных ситуациях я всегда шел на компромисс, поступал, как она говорит, и портрету не посчастливилось попасть на демонстрацию, но, верится мне, что он обязательно найдет круг понимания.

Именно в этот период и написала однофамилица Лены — Татьяна Ли — мой портрет, где угадывались только глаза и состояние души. Хотя многие мои знакомые, видевшие его в Центральном выставочном зале Академии художеств на выставке, говорили, что работа удачная и соответствует «оригиналу» в тот период. Познакомила нас в 2003 году Наталья Глазкова, и я провел Татьяне персональную выставку в Медицинском центре буквально через месяц после нашего знакомства. Выставка удалась на славу, и было куплено десятка два

Елена Ли. «Портрет доктора Назарова», 1999 г.
Холст, масло, 60 x 40 см.

картин. Они выглядели очень декоративно и были пригодны для украшений любых помещений — офисов, жилых домов, включая кухни, вестибюли, залы и даже спальни. Все эти годы мы сохранили с Татьяной Ли доверительно-красивые отношения в поступках и в душе. Мне всегда импонировало в ней сочетание тонкого романтизма с твердым поступательным движением к осуществлению поставленной задачи, интеллигентной вальяжности с чертовской трудоспособностью и мягкий крен от реализма в сторону авангарда в архитектурной живописи и в экспрессию во флористике.

Мастерская Татьяны очень похожа на женскую сумочку, в которой, как в «Ноевом ковчеге», есть все, начиная от средств массового поражения до индивидуальной защиты репродуктивных функций. Причем создается впечатление, что, уходя на работу, женщины не уверены, что вернутся домой, и уносят в своих очаровательных маленьких сумочках месячный запас выживания в любых геополитических условиях минимум на десять человек. По внешнему виду и внутреннему содержанию дамской сумочки можно в точности судить о женском психологическом портрете, привязанностях и наклонностях ее близких и любимых. А по остаткам биологического материала, которого предостаточно на средствах косметологического ухода и в разных маленьких целофановых пакетиках, расшифровать генетические карты ее «предпочтений», и уж нет ничего проще, как определить климат, экономику и политику страны проживания. Объем сумочки, в зависимости от достатка и возраста владелицы, может меняться — от миниатюрной кожаной (для переноски мобильного и визиток) до огромных размеров холщевых баулов, передвигаемых на специальных устройствах с двумя колесиками. Очень интересным наблюдением является тот факт, что приятность коммуникабельности возрастает по мере уменьшения объема сумочки у собеседницы, вплоть до ее полного исчезновения. Некоторые женщины предпочитают носить в нагрудных, заплочных сумках или просто на плечах биологические объекты — детей или мужей. Периодически, чтобы обновить свою жизнь, они меняют сумочки и их содержимое! Загля-

Ли Татьяна и Ли Сафи Мария. 2010 год.

нуть в женскую сумку равносильно тому, чтобы заглянуть в душу. В скобках замечу, в женской голове творится то же, что и в ее сумочке.

У Тани в мастерской на тридцати квадратах находилось все, о чем мечталось простому смертному: кухня, гостиная, спальня, приемная, архив, туалетная, музыкальный холл и рабочая площадь со множеством мольбертов. Однако оцетинившаяся зубная щетка с красавцем-тюбиком зубной пасты в одном стакане и неудобный лежак говорили о том, что уже никто не мешает плодотворной работе. Причем компактность находившихся предметов в мастерской оставляла еще достаточный простор для размещения хоровой и танцевальной групп Ансамбля им. Пятницкого.

Периодически я «забирался» в Танину душу, и мы часами беседовали об искусстве и художниках, она показывала свои новые разработки и направления, которые обычно мастера держат втайне друг от друга до решающего бала-вы-

ставки. Мнение неучей и зевак интересно для изучения маркетинга — ведь они потенциальные покупатели.

Профессионалы никогда ничего не покупают у своих собратьев по искусству, а если и коллекционируют работы своих друзей, то только подарочным способом, все время жалуясь на отсутствие денег. Причем чем круче мастер, тем меньше у него денег, и это видно по высоким ценам на его продукцию и невозможность добиться уступки. Высокая цена, очевидно, стимулирует воображение, является катализатором творческого процесса, радует «домашних» и действует как нашатырный спирт на собратьев по кисти.

Что жизнь изменилась, понимают вроде бы все: конформисты уже давно в лаковых туфельках рассекают на иномарках, а консерваторы вынуждены в рваных штанах сторожить ранее написанные работы. Законов природы в связи со сменой экономических формаций никто не отменял, поэтому только жизнеспособные формы будут иметь обозримое будущее. И законов морали и совести никто не снимал с повестки текущего дня, и Вера остается верной, Надежда — оптимистичной, а Любовь — она для всех, но ватка с нашатырным спиртом, поднесенная к носу, действует одинаково и на мудрых, и на глушцов.

Татьяне повезло родиться в чудесной семье художников и жить с хорошими людьми. Папа и мама — талантливые художники-графики — Александр Владимирович Ли и Галина Ли. Младшая — красавица сестренка Мария — хороший живописец. Издалека ее картины можно принять за вышивку или гобелен. Как и она

сама, ее работы оригинальны и очень декоративны. Муж Маши был афганцем, поэтому по паспорту она Мария Александровна Сафи, но зачастую свои работы подписывает Мари Сафи Ли.

Мне импонирует стиль работы и жизни семьи художников Ли, и у меня в коллекции достаточно их работ. Персональную ретроспективную выставку художников Ли, прошедшую в начале 2011 года, я посетил дважды. Плотность выставки была такой, что места для средних работ не оставалось, что говорило о высоком мастерстве семьи Ли, оценке их творчества людьми и Академией художеств и слабой продаже. Если первые две позиции уже укреплены временем, то третья, подвластная другим законам, будет телепаться то вверх, то вниз. Особенно в тяжелом положении и незаслужено оказалась графика, которая в период массовой культуры малых форм была в фаворе в 60–80-х годах прошлого столетия. Малога-

---

С Галиной, Татьяной Ли
и Диляром Мамедовой.

баритные комнатки-хрущовки во всех городах Союза стали заполняться миниатюрными элементами культуры, в том числе и графикой. Интенсивными темпами выполнялась программа обеспечения каждого индивидуальным жильем, равно как и программа «Каждому пассажиру «по мягкому месту». Все же это был прогресс в сознании и «гуси – лебеди», «олени на фоне гор» и многотиражные типографские репродукции известных художников, начиная с эпохи Возрождения, оставались лишь в парикмахерских, банях и в чайханах, где культура общения ценилась выше, чем культура дизайна.

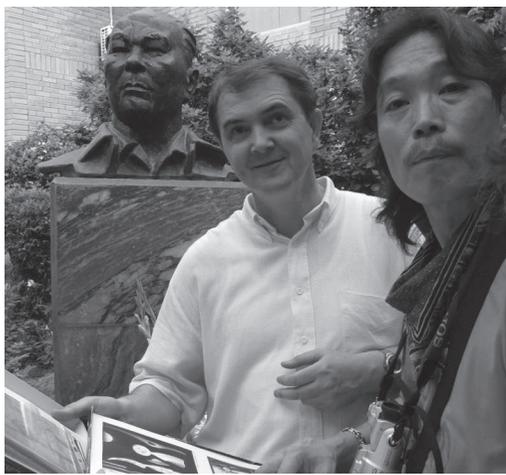
Рабочие — мастера художественных комбинатов — работали «денно и ночью». Хороший эстамп, литографию, офорт можно было купить в любом сувенирном отделе Гума, Цума, а то и в простых книжных магазинах.

Меняется «двор», меняются и фавориты, и бывшие именитые графики оставили свои убеждения и стали живописцами, ведь «кушать» хочется всегда. Выставки графики стали редкостью, правда, еще шевелятся карикатуристы и оформители в паутине NEТа, но лучше в паутине, чем на гильотине. Промысел Сатиры во все времена вечные не был безопасен и требовал особой корректности, такта и воспитания. Поиск хлеба и зрелищ заставляет двигаться, и наш Махмуд Ишанкулов, родом из Коканда, за 10 лет сумел поучаствовать в трехстах международных конкурсах и в тридцати из них получить первые премии, не выезжая за пределы республики. Его работы содержательны и корректны. В моей коллекции их около тридцати.

В марте 2011 мне позвонил мой друг Радик Азизов, из «бывших» графиков, причем

из дважды «бывших», так как давно занимается другим направлением и к тому же покинувший место председателя секции графики Академии. Поднявшись вверх по служебной лестнице и став секретарем Академии, он все же продолжал заботиться о своей «пастве» и попросил как-то отметить участников ежегодной юморины «Габассум – 2011».

По своей вере, получив три медицинских путевки на лечение в мою клинику, он определил их не по местам, а по нужде, выделив их заслуженным ветеранам — Садыкову Хусану, Эгамбердиеву Равшану и Свириденко Николаю, стоявшему у истоков журнала «Муштум». Радик умен, мягок, слегка наивен, до безобразия интеллигентен в контактах и очень педантичен. Его мастерская на массиве «Югнаки» скорее напоминала подпольную

Радик Азизов и Владимир Ким .

типографию газеты «Искра» за пять минут до прихода жандармов: в ней не было даже намека на профессию хозяина. Она была стерильна по-женски и уютно устроена. Стало ясно, что хозяин в детстве хорошо учился и слушал маму. В моей коллекции около двух десятков его графических и живописных работ, которые очень нравятся и понятны моим близким. Мое наивно-детское, в стиле скерцо, увлечение графическим рисунком не осталось незамеченным и безнаказанным, и я надолго был поставлен в угол, без права выхода из него. Если раньше зачастую графику просто предлагали в придачу к покупке живописи, то после того, что случилось в мае 2009 года, ее стали продавать мне по цене иногда выше живописи. А началось все очень банально: со знакомства с Анатолием Бобровым осенью 2008 года. Познакомил нас Осимхон Васиханов — из бывших книжных графиков, мой друг, посещающий почти все проводимые мною выставки и ведущий со мною просев накопленного им материала по системе «вершки-корешки».

Анатолий Бобров родился в Казахстане, в русском поселении, и детство провел в Лениногорске, где познакомился с ссыльным 1937 года по 57 статье опальным московским художником и педагогом Францем Феликсовичем Иванчуком, «открывшим» его глаза и руки в искусство. После окончания Театрально-художественного института в 1973 году Иван Кириакиди, тогда главный художник Издательства литературы и искусства им. Гафура Гуляма, а ныне проживающий в Греции, предложил Боброву должность художествен-

Анатолий Бобров.

ного редактора. Это навсегда сделало Боброва Анатолием Андреевичем, предоставив ему одно из центральных кресел в историческом позиционировании одного из интереснейших издательств Узбекистана, просуществовавшего почти пятьдесят лет. Его перу принадлежит чудесная графика к «Рамаяне», «Семургу» и «Зайнаб и Оману» Хамида Алимжана, к «Индонезийским сказкам и легендам» М. Р. Дайа, каракалпакскому эпосу «Шахрияр», чудесные акварели к произведению А. С.

**Иван Кириакиди с дочерью Инной
и внучкой Александрой. Москва. 2019 год.**

Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке», где старичок с национальным колоритом напоминает нашего «чола», а старуха — «кампырку».

Особенно удалась ему работа над книгами Чингиза Айтматова «И дольше века длится день...» и «Плаха». В конце восьмидесятых прошлого столетия найти эти книги в свободной продаже не представлялось возможным, и только сдав кучу макулатуры, можно было стать обладателем сих очень востребованных произведений.

Конечно же, А. Бобров мог себе позволить работу над таким центральным изданием, так как с 1983 года стал главным и бессменным художником издательства до полного его разрушения. Не знаю, каким он был руководителем, но издательство он точно не разваливал, хотя, в принципе, кто любит «начальство»?

Графика Боброва очень специфична, и перепутать ее с другими авторскими работами не удастся даже дилетанту. Она выполнена этюдно и якобы черновично, совмещая на одном листе план последующих иллюстраций и напоминая о прошедших темах, причем с письменными заметками автора, иногда неразборчивыми.

**Анатолий Бобров. «И больше века длится день»
Ч. Айтматов. Эскиз. Бумага, тушь, перо.**

Произведения эстетически закончены, но иногда выглядят динамически развивающимися шифровками для будущих «умных» читателей.

Не знаю, как в молодости, но при встрече Анатолий уже походил на все свои произведения — зашифрован, интровертен и закрыт от ненужных внешних раздражителей, далеко не «рубаха-парень». Создается впечатление, что его кто-то сильно обидел ранее, но достучаться ему в «латы» можно, если по «делу». При особом расположении к собеседнику мастер может приподнять забрало, а общаться с ним всегда чрезвычайно интересно из-за его достаточной глубины, историчности и мастеровитости. Правда, доставать что-либо из тайников его души, равно как и работы из его личного архива, по-настоящему трудно, но дорогу осилит... больше дающий, чем другие, и в моей коллекции появились чудесные работы Цыганова и Циглинцева, Харшака и Кириакиди, Кайдалова и Ларисы Даватц.

Люди, как и их дороги, разные, и в этом есть радость и счастье бытия, но на склоне лет у горизонта они, сливаясь в одну, приведут только в «Рим». Взяв Боброва «на плечи» в качестве проводника, я в первый раз пошел именно по этой тропе. Художники издательства, узнав и обрадовавшись, что я уже в пути, почему-то не торопились постелить мне асфальт. Пешие прогулки, однако, очень полезны для здоровья... сидящих на плечах путешественников. Когда-то мой «проводник и смотрящий» в далеком 1982 году шел по ней пешком с группой сотоварищей издательства, но тогда, по молодости, дорога казалась ме-

нее ухабистой и более государственной, и выставка «Художник и книга» удалась на славу и демонстрировалась в Москве и Париже.

Сейчас «большак мотать» в одиночку было как-то грустновато, но до безобразия интересно, так как был повод — кончина одного из крупнейших и интереснейших книгоиздательств советской культуры. Остатки и останки получили новое название «ИПТД — Издательско-полиграфический дом им. Г. Гуляма». Вернувшись «на круги своя» в ту же типографию, откуда и произошли пятьдесят лет назад, только несколько поменяли прежний девиз: «Per aspera ad astra» на «Per astra ad punctum fcsum».

Отдать дань уважения такому замечательному творческому коллективу было делом чести, большого почета, и «поминки» удались на славу. Денег и труда было вложено немало, особенно досталось сотрудникам Музея Урала Тансыкбаева — Наташе Глазковой и Лобар Мирзабаевой, так как пришлось демонтировать музейные экспонаты на территории двух этажей и участвовать в экспертной оценке покупаемой графики.

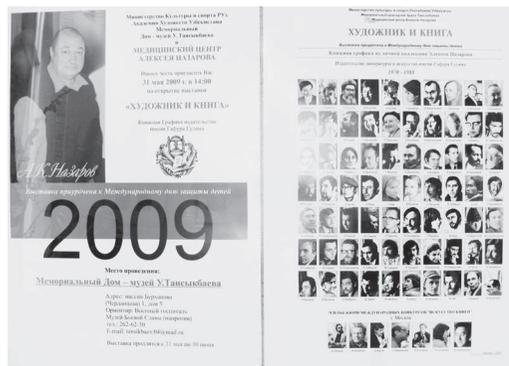
Директор Музея Тахоев Салтан Ибрагимович, глубоко вздыхая, из-за уважения ко мне и понимая историческую значимость проводимой выставки, дал свое «добро» на наши действия, но старался не лезть в дела, так как такая вакханалия перемен в стабильности экспозиций Музея была не по здоровью почтенному его основателю. Анатолий Бобров разработал и распечатал большой красочный плакат и буклеты в ста экземплярах для подарков бывшим художникам издательства, а

Тахоев Салтан Ибрагимович,
директор Музея Урала Тансыкбаева. 2009 год.

в оформлении работ ему помогал Геннадий Жирнов, ныне покойный, очень похожий на Хемингуэя. На большой площади было размещено более двухсот работ из различных печатных изданий, начиная с шестидесятых годов. Презентация, проведенная по установленному этикету, собрала около трехсот человек, включая и зевак, так как анонсировалась СМИ.

На таких мероприятиях бывает все, как на свадьбе: арендодатели, пироженщики, музыканты и украшатели, ведущие и фото-

**Плакат выставки художников
Издательства им. Г. Гуляма. 2009 год.**

мастера... Причем все исполнители «навариваются», а устроители обычно разоряются, но «ситцевые платья все равно будут носиться», и свадьбы делать надо всегда, правда, соблюдая закон «длины курпачи»: курпача кураб, или, как говорят русские: «По одежке протягивай ножки».

Очень интересным актом этого представления была купля-продажа графики по системе «антибазар». Обыкновенно на площадях, предназначенных для торговли или не предназначенных, собираются различные категории людей: продающие, зеваки, карманники, смотрящие сверху и снизу, покупатели, подставные, продающие продающим, уборщики и изучающие маркетинг. В этом живом, клокующем, смеющемся-плачущем механизме взаимодействия людей основным звеном являются покупатель и продавец. Они, случайно комбинируясь и получая различные эмоции от дележки продуктов своей жизнедеятельно-

Творческий коллектив Издательства им. Гафура Гуляма
в Музее Урала Тансыкбаева. 2009 год.

сти, не зная истинной ее цены и стоимости, называются сомном окружающих их специалистов, пришедших сюда точно по делу «не очень умными людьми». Здесь можно купить «непонятные каракули» Пикассо за копейку и продать умиленно смотрящих друг на друга с суконной тряпки белых лебедей за рубль. В таких взаимоотношениях главное не деньги, а

эмоции, так как и покупатели, и продавцы не являются специалистами маркетинга.

В мутной воде миграции людей хорошо поудили «рыбку» антиквары, за дешево скупая предметы западноевропейской культуры и быта прошлого столетия, привезенные на Восток с оккупационных территорий Второй мировой войны, и, конечно же, работы доре-

волюционного и советского периода, лимитированные пятидесятилетним сроком таможенной службой республики.

Такие «блошинные» рынки стихийно существуют во всех странах и мало зависят от их политик и экономик. На них можно встретить лишь прикладников или оформителей с дешевой сувенирной продукцией. Мастеров «средней руки», как правило, уже не встретить на таких пестроэмоциональных праздниках бога Мамоны. В случаях особой экстренности они скорее предпочтут раздарить или уничтожить никогда не скапливаемые продукты своей жизнедеятельности, причем, получая удовольствие от самого процесса. Эта основная масса среди собратьев по «цеху», весело разбегаясь врасыпную после окончания своей художественной «бурсы», где им каждый день втемяшивают в башку, что они «особенные люди», по молодости, не придавая этому значения, заполняет своей продукцией весь непретензионный рынок школьно-дошкольных учреждений, пунктов общественного питания типа «тошниловок», государственных заведений мелкого и среднего пошиба, увеселительных и зрелищных компаний и прочих мест общественного пользования. Так создается самый большой и многооборачиваемый, при ремонтах и переездах, рынок потребления художественного и прикладного искусства. Кстати, при некотором «застое» на нем иногда встречаются работы мастеров, ставшие раритетными из-за их общественного и исторического признания.

Один из «бродвейских» торговцев рассказал мне, что нашел среди строительного мусо-

ра ремонтируемого концертного зала «Бахор» две большие работы Карахана, беспощадно забрызганные краской ругательной строительной братией, но еще пригодные для реставрации. К художественным и историческим ценностям относятся по-разному: умиляются, созерцая фарфоровые китайские прозрачные вазы двухтысячелетней давности в Эрмитаже, а всего-то сто лет назад в Зимнем в них ходили по маленькой нужде депутаты Первого съезда РСДРП и делали это с большим удовольствием (ведь искусство принадлежит народу!) А вот расстрелянная тридцатиметровая статуя Будды, высеченная в скале в Афганистане, — это варварство, но ведь это тоже эмоции, следовательно, «большое искусство» никого не оставляет безучастным — ни грамотеев, ни неучей. К «мелкому варварству», на мой взгляд, относится «хуление» работ других художников собратьями по цеху. С «камешком за пазухой и с фигой за спиной» это всегда делается «за глаза», зная, что иногда словом можно испачкать работу и судьбу круче, чем краской или непризнанием. Обычно подобными кознями не занимаются начинающие, ушедшие с «большого дерби» в учителя и оформители, большинство искусствоведов, чьи дивиденды и популярность напрямую зависят от пишущей братии, художники, уже получившие и то, и другое, и просто интеллигентные люди.

Среди сотни сотоварищей по оружию всегда есть очень маленькая группа «законодателей мод», стоящая на арт-олимпе. Как правило, хватает пальцев руки, но лучше их считать в уме. Это воистину неординарные люди, чей талант признан при жизни и «верхами и низами», и

даже мастерами, по званиям и регалиям подбигающимися к ним. Они называют их лакименами, а простой люд — гениями, ну а степень их талантливости и гениальности будет определять только время, вкупе с мастерами, ставшими историческими. Всем, кто им завидует, советую проявить мудрость и благоразумие. Быть наверху не так-то просто, как кажется.

Представьте себе пекущуюся в тандыре самсу. Кто принимает жар раскаленных углей гузапай? Наверное, внутри гораздо приятнее медленно готовиться в луковом соке, чем наверху, на границе выдерживать сотни градусов температуры, обеспечивая комфортность внутреннего приготовления. То-то же!

Очень тяжело быть «законодателем мод» хоть на миг, хоть на срок, а достигли они своих вершин благодаря их незаурядному таланту, высокой коммуникабельности и правильно выбранной стратегии и тактики своего движения. Эти люди всегда одиноки, как Волаңд при огромной видимой и невидимой свите. У них есть интересная особенность: они начинают скупать работы своего «периода восхождения» и по-детски удивляются, когда их же работы предлагают минимум по двойной цене. А чему удивляться? Продавали они ведь дорого, но по дружбе, а покупают уже по деньгам у богатых людей. Может быть, покупатели их работ не изучали «Капитал» К. Маркса, но как увеличить «свой», они точно знают, покупая дорогие работы и не имея цели отдать их музеям или большим детям.

Зачем они это делают? Не знаю. В конечном итоге все жизнестойкие работы попадут в музеи, возможно, не только на родине автора, и достанутся детям и внукам, вполне вероятно, и не своим.

Так что же движет такого рода покупателями и продавцами? Возможно, не «марксова прибавочная стоимость», а все-таки эмоции от самого процесса, но, конечно, покруче и сильнее, чем на «блешке».

Следовательно, деньги — продукт эмоциональной жизнедеятельности человека. Они рождаются от эмоций и на них же тратятся, а их количество зависит от разницы величины удовольствия при покупке и продаже. Математикам осталось символизировать формулу, а всем остальным — поулыбаться. Хотя, как знать?!

Вот такая интересная купля-продажа по системе «антибазара» состоялась у меня в музейном холле Музея Урала Тансыкбаева при приобретении графики для выставки «Художник и книга». Покупатель я был один в сопровождении двух искусствоведов, а продавцов было много — Анатолий Бобров и художники-сотоварищи издательства имени Гафура Гуляма, которым в память о расформированном месте их долголетнего и плодотворного труда и предназначался этот праздник. Цены были установлены жестко, и торги были неуместны, но радость великодушно предоставленной рассрочки платежей и осознание, что скоро графика, знакомая и пахнущая детством, будет в коллекции, затмевала небольшие отрицательные реакции произошедшего обмена.

Самым участливым к моему затруднительному положению оказался Медат Кагаров, подаривший двадцать шесть работ в ответ на заявленные для выставки двадцать. Этот добрейший поступок и был гениальным предвидением будущего великим маэстро графики

Выставка художников Издательства им. Г. Гуляма
в Музее Урала Тансыкбаева. 2009 год.

и живописи, с которым я познакомился более десяти лет назад и который стал моим другом. Уже в те годы он перешагнул границу между жизнью и смертью, был звездой и знаменитостью, имея столько регалий, что давало ему полное право служить маяком всемдвигающимся к своему «пункту назначения».

Конечно же, всемирную известность Медату принесла графика, которая по мере его взросления из классической переросла в философско-символическую, оставляя всем простор для размышления, но сужая круг его

привязанностей и понимания. В обыденной жизни мы рождаемся и умираем в одиночестве, на время окружая себя семьей, друзьями, товарищами и свитой, которая тает по мере умудрения. Наверное, это и привело его в живопись, где мастер выразился более красочно, космополитично, с большей философией. Наклоненность всех его фигурантов говорит о большой благодарности своей земле, родителям, учителям и детям, а их «рублевская иконописность» — о его космической свободе в поисках основ мироздания. Такая видимая

Аукцион графики в Музее Урала Тансыкбаева. 2009 год.

простота общения с этим миром и невиданная глубина его познания отличает великих от всех остальных.

Он вместе с Инной Васильевой часто посещал мои маленькие «представления», совсем невидимые в мире демонстрируемого искусства, и, как мне казалось, они были счастливы и в жизни, и в судьбе.

Когда в их семью пришла беда — Инна сломала шейку бедра — Медат показал всем, какой он мужчина, обеспечив ей сложнейшую и дорогостоящую ортопедическую операцию, сохранив ей жизнь, в сущности, просто обменяв свою на ее, поступив так, как он обещал когда-то в молодости. Сахарный диабет и большое человеколюбие позволили выполнить себе

Инна Васильева на выставке памяти Медата Кагарова. 2011 год.

«сэшку» быстро и эффективно, не оставив никаких шансов на выживание. Это случилось от инфаркта миокарда 19 февраля 2011, в день, когда последний, тяжелый, водянисто-голубой предвесенний снег засыпал его любимый Ташкент, открывая стартовую площадку для встречи с вечностью, о которой он так мечтал и старательно изучал, оставив нам возможно-

сти только для его понимания и приказав всем нам жить долго и счастливо.

А вот с Машенькой Коровиной (Хромалевой) «великой художницей!» Узбекистана, журналисткой, поэтессой и моделью я познакомился, когда ей было десять лет в 1991 году во Дворце текстильщиков. Девочка была после второй операции на легком проведенной в

Инна Васильева

Санкт-Петербурге. Все началось в трехлетнем возрасте, когда орешек арахиса попал в легкое. Такие инородные тела не рентгеноконтрастные и бронхоскопия не была проведена вовремя, в результате за семь лет лечения инфекция сделала свое дело и вызвала пневмоторакс и ателектаз легкого, две операции и две клинические смерти, но божья благодать, шаманские корни предков с Алтая и родительская любовь изменили лично судьбы, но фамилию на всякий случай поменяли — от греха подальше. Да и мне три года пришлось поработать — раз-

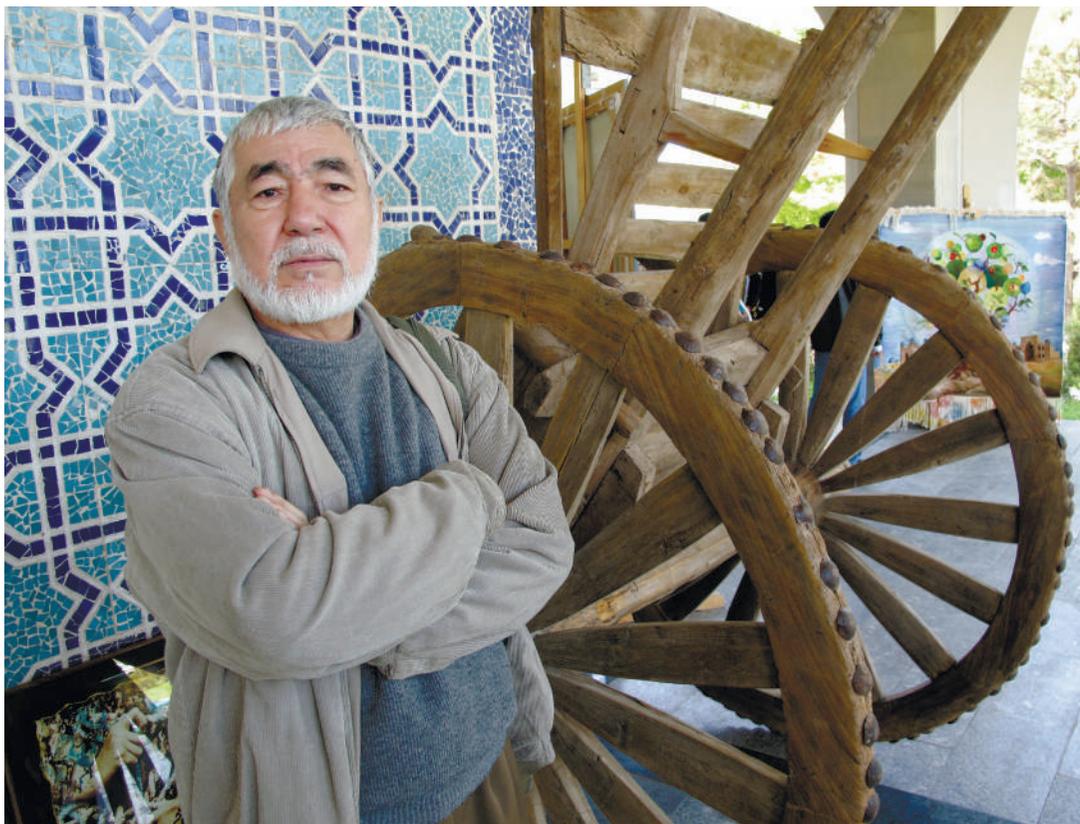
Васильева Инна Михайловна.
«Пионы», 1994 год, холст, масло. 42x55 см.

Кагаров Медат. «Гульчатай»,
2007 год, монотипия, 39x45 см,

дышать оставшуюся часть легкого и потом лечить начавшийся сколиоз.

Двадцать пять лет спустя, на секции графиков Академии, я попал в объятия молодой, красивой и эпатажной женщины, которая, целуя, называла меня папой. Пришлось включить голову. «Вы что, не узнаете меня? — спрашивала

Медат Кагаров у Центрального выставочного зала Академии Художеств. 2009 год.

она. — А может Вам показать спину?» Я почувствовал себя Чеховским Ионычем. На другой день, осмотрев и поговорив с Машенькой, я восстановил в памяти все этапы сложнейшей реабилитации озорной и жизнерадостной девочки. Мы ни разу не пересекались на наших творческих виражах в эту четверть века, но в

той работе, что она подарила мне, чувствуется мощь и перспектива. Возможно, те кавычки, коими я округлил слово великая, могут и разлететься при сильном напоре таланта и эпатжности. Да воздастся оной по заслугам ея. Аминь.

Acta est tabula! Plaudite, Cites!

КАТАЛОГ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

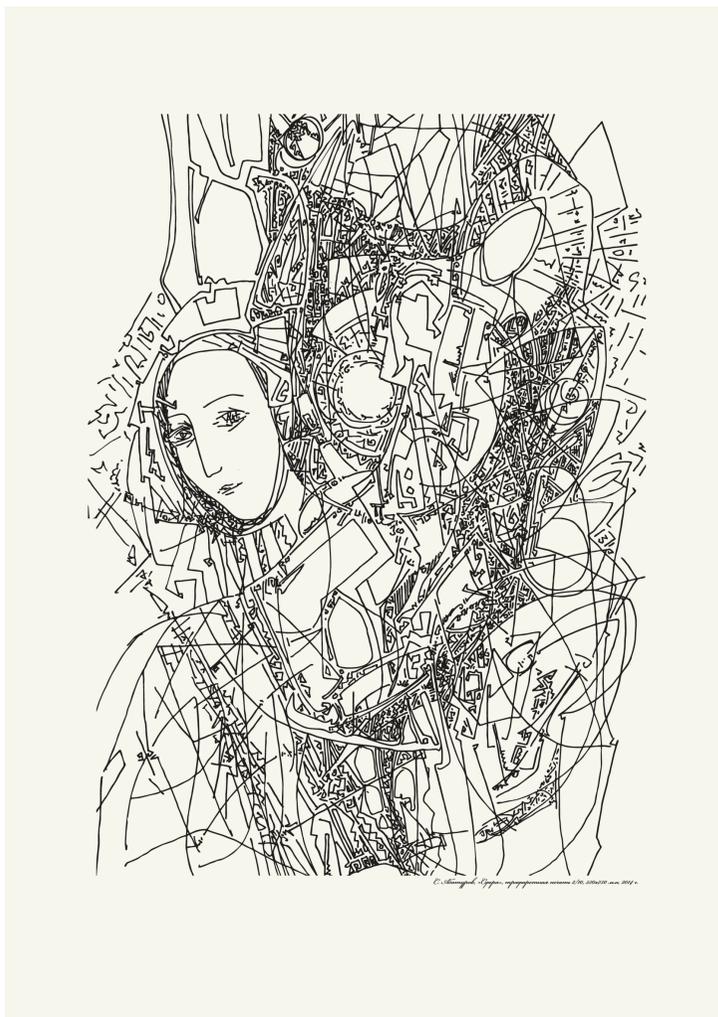

Абатуров Сергей
Абдулгалимов Раис
Абдуллаев Музаффар
Абдуллаева Шахноза
Авезов Рахмон

Азизов Радик
Аллабергенов Атахан
Аллабергенов Сардор
Апухтин Виктор
Аскарров Зайнутдин
Бакиров Обиджон
Барноев Асад
Барноев Вафо
Батова Ирина
Батыков Александр
Бизяев Валентин
Бровов Анатолий
Брынских Борис
Бурмакин Владимир
Васильева Инна
Воробьев Эркин
Гаглоева Римма
Гамбаров Валерий
Ганин Вениамин
Ганьшина Татьяна
Горбачев Леонид
Даватц Лариса
Давлетшин Рафаэль
Дмитриев Алексей
Джурабаев Мухамаджон
Жураев Эркин
Исаев Аслиддин
Кагаров Медат
Кайдалов Владимир
Каланов Аслиддин
Кива Александр
Ким Владимир
Ким Георгий
Кириакиди Иван
Крикис Андрей
Кичко Павел

Ли Александр
Ли Галина
Ли Елена
Ли Сафи Мария
Ли Татьяна
Мамиталиев Ахмаджан
Мирсагатов Анвар
Мухтаров Баят
Овсюков Василий
Панов Евгений
Плужников Артем
Пономарев Александр
Пучковский Владимир
Ромазанов Эрнест
Садьков Марат
Саиджанов Зелимхан
Селомов Баходир
Семизорова Любовь
Стрельников Юрий
Умарбеков Джавлон
Уразаев Дамир
Утешев Валерий
Фадеев Сергей
Фрумгарц Яков
Хайдуков Валерий
Хамидов Алишер
Харитоновая Луиза
Харитоновая Ольга
Циглинцев Анатолий
Чуб Владимир
Шерфединов Синовер
Шихова Светлана
Шмаков Константин
Шувалова Маргарита
Щербаков Алексей
Щербак Виталий

АБАТУРОВ СЕРГЕЙ

«Сфера», 2014 год,
шелкография, 55х75 см.

АБДУЛГАЛИМОВ РАИС

«Восточная мелодия 1», 1997 год,
бумага, акварель, 66х76 см.

АБДУЛЛАЕВ МУЗАФФАР

«Симфония», 2005 год,
холст, масло, 100x100 см.

АБДУЛЛАЕВА ШАХНОЗА

«Арба счастья», 2002 год,
холст, масло, 80х60 см.

АВЕЗОВ РАХМОН

«Путь вечности», 1993 год,
холст, масло, 80х90 см.

АЗИЗОВ РАДИК

«Млечный Путь. Странники», 1999 год,
холст, масло, 70х55 см.

АЛЛАБЕРГЕНОВ АТАХАН

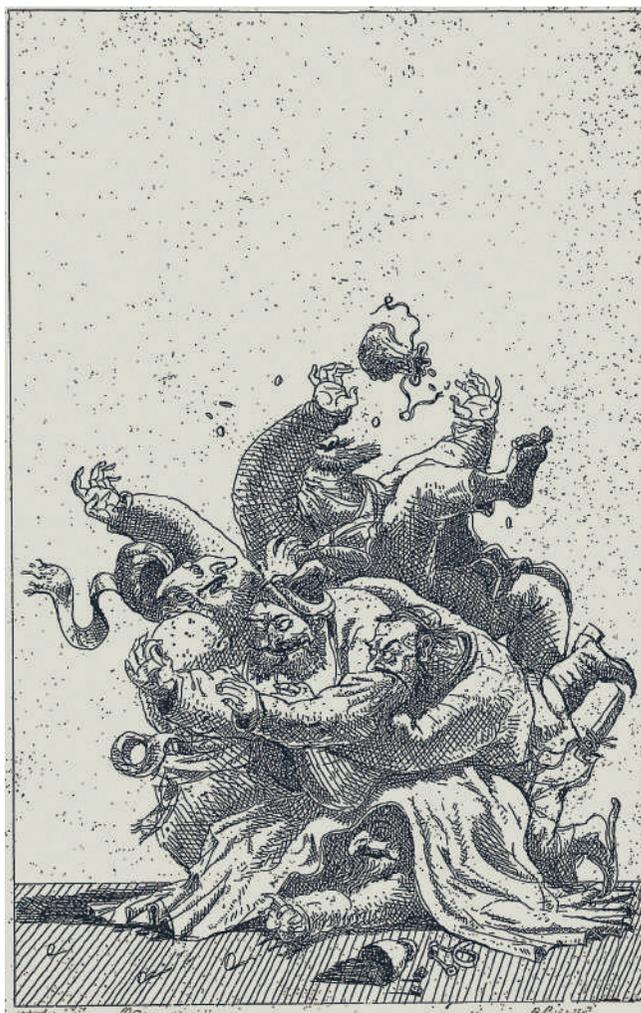
«Хива. Старый город», 2004 год,
бумага, акварель, 14х20 см.

АЛЛАБЕРГЕНОВ САРДОР

«Портрет отца», 2005 год,
холст, масло, 50х38 см.

АПУХТИН ВИКТОР

«Танцующие дервиши». «Шумбола», Г.Гулям,
бумага, тушь, перо, 20x12,5 см.

АСКАРОВ ЗАЙНУТДИН

«У старой крепости», 2007 год,
холст, масло, 100х150 см.

БАКИРОВ ОБИДЖОН

**«Сбор хлопка», 1994 год,
холст, масло, 100х120 см.**

БАРНОЕВ АСАД

«Муза», 2005 год,
холст, масло, 45х60 см.

БАРНОЕВ ВАФО

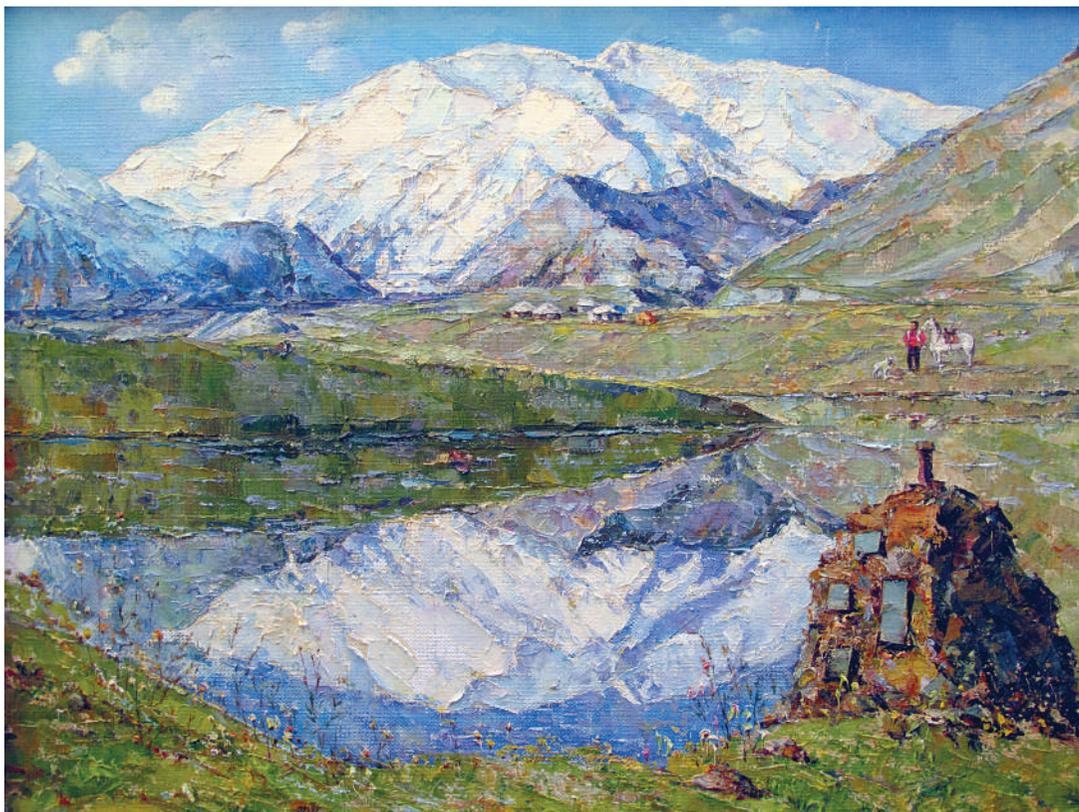
«Дехканин», 2005 год,
холст, масло, 40х60 см.

БАТОВА ИРИНА

«Мак Кастанеды», 2003 год,
картон, масло, 70x55 см.

БАТЫКОВ АЛЕКСАНДР

«Памир. Зарафшан», 2005 год,
холст, масло, 60x80 см.

БИЗЯЕВ ВАЛЕНТИН

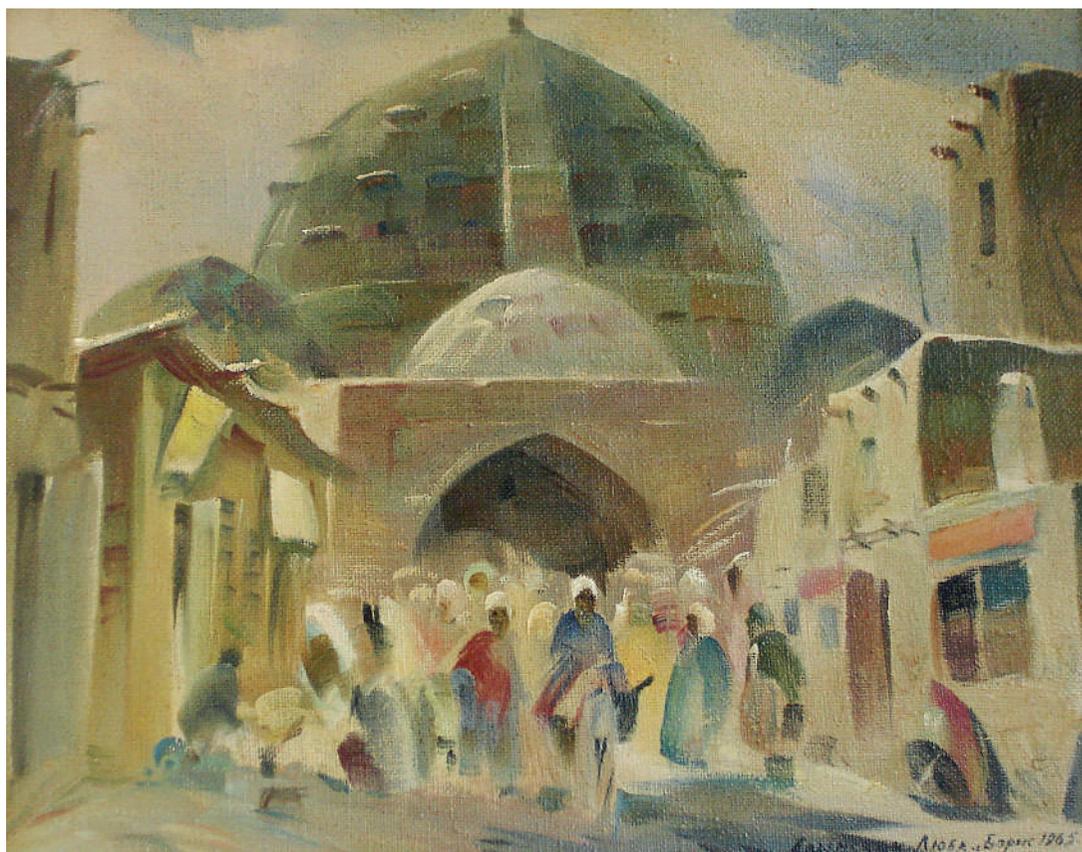
“Германия. Озеро. Закат.”
Холст, масло, 55х67 см.

БОБРОВ АНАТОЛИЙ

Узбекская народная сказка «Бей, дубинка», 2000 год,
темпера, 21х30 см.

БРЫНСКИХ БОРИС

«Бухара. Торговая улица», 1965 год,
холст, масло, 40х50 см.

БУРМАКИН ВЛАДИМИР

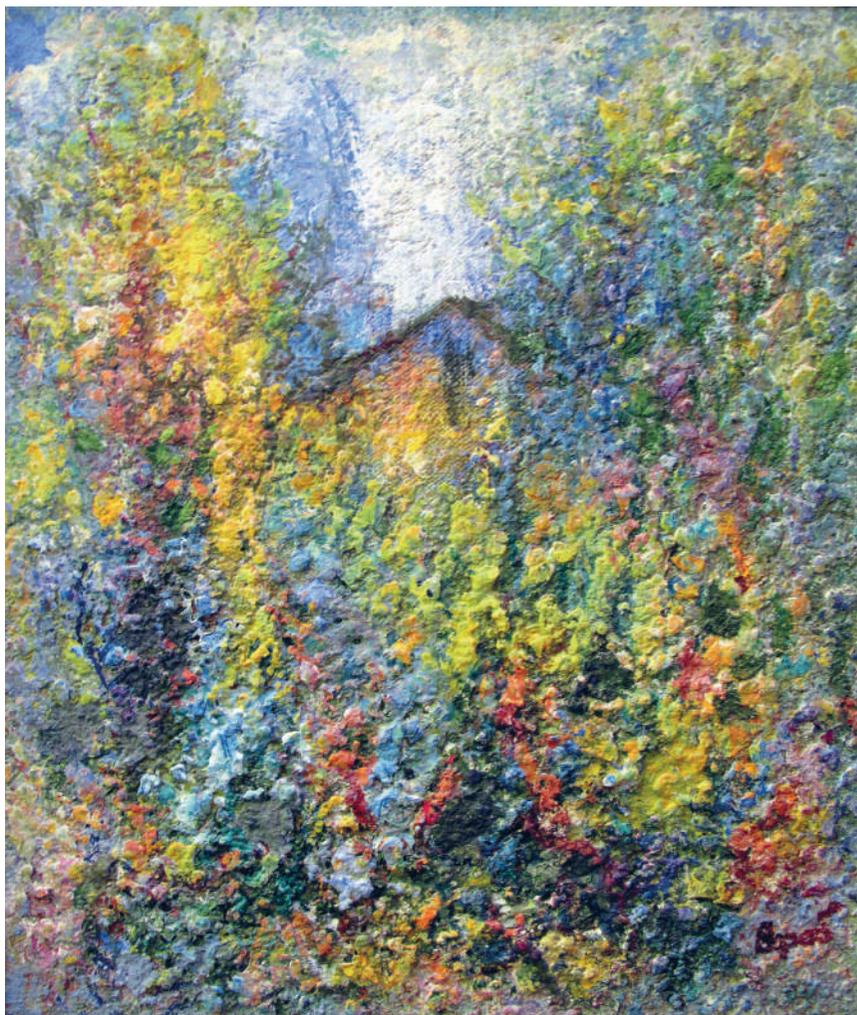
«Натюрморт. Георгины», 1994 год,
холст, масло, 110x95 см.

ВАСИЛЬЕВА ИННА

«Осенние цветы», 2005 год,
холст, масло, 80x80 см.

ВОРОБЬЕВ ЭРКИН

«Домик в саду», 2009 год,
холст, масло, 40х50 см.

ГАГЛОЕВА РИММА

«Пионы», 1995 год,
холст, масло, 90x100 см.

ГАМБАРОВ ВАЛЕРИЙ

«Погружение», 2007 год,
холст, масло, 90x65 см.

ГАНИН ВЕНИАМИН

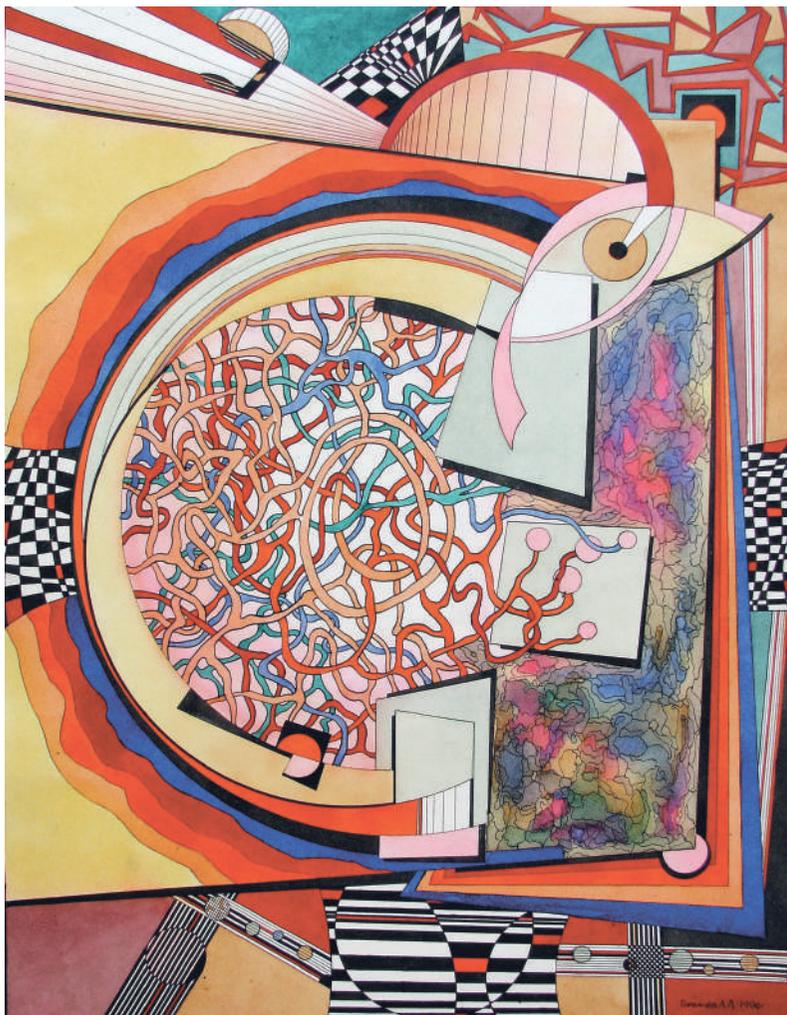
«Времена года. Холодная осень», 1991 год,
бумага, акварель, 39х55 см.

ГАНЬШИНА ТАТЬЯНА

«Птицелов», 1985 год,
бумага, фломастер, 43х29 см.

ГОРБАЧЕВ ЛЕОНИД

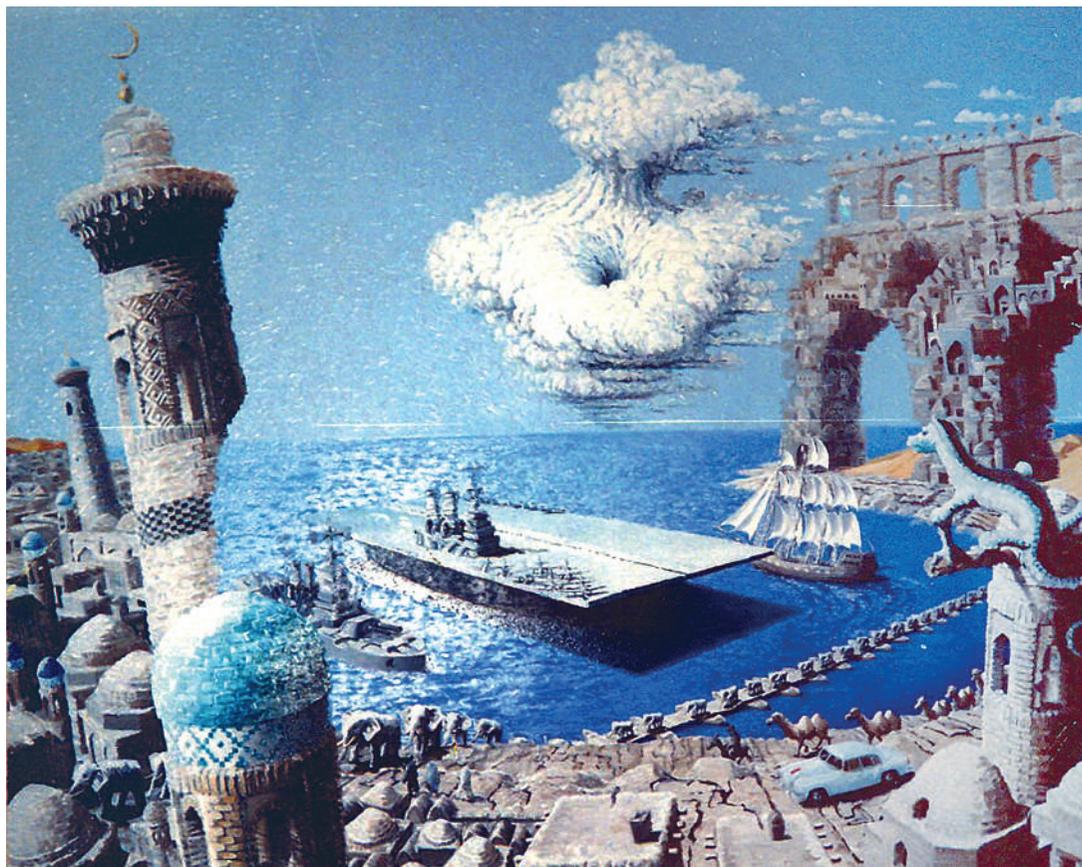
«Работа мозга», 1993 год,
бумага, тушь, акварель, 30х42 см.

ДАВАТЦ ЛАРИСА

«Материнство», 1985 год,
литография, 37x30 см.

ДАВЛЕТШИН РАФАЭЛЬ

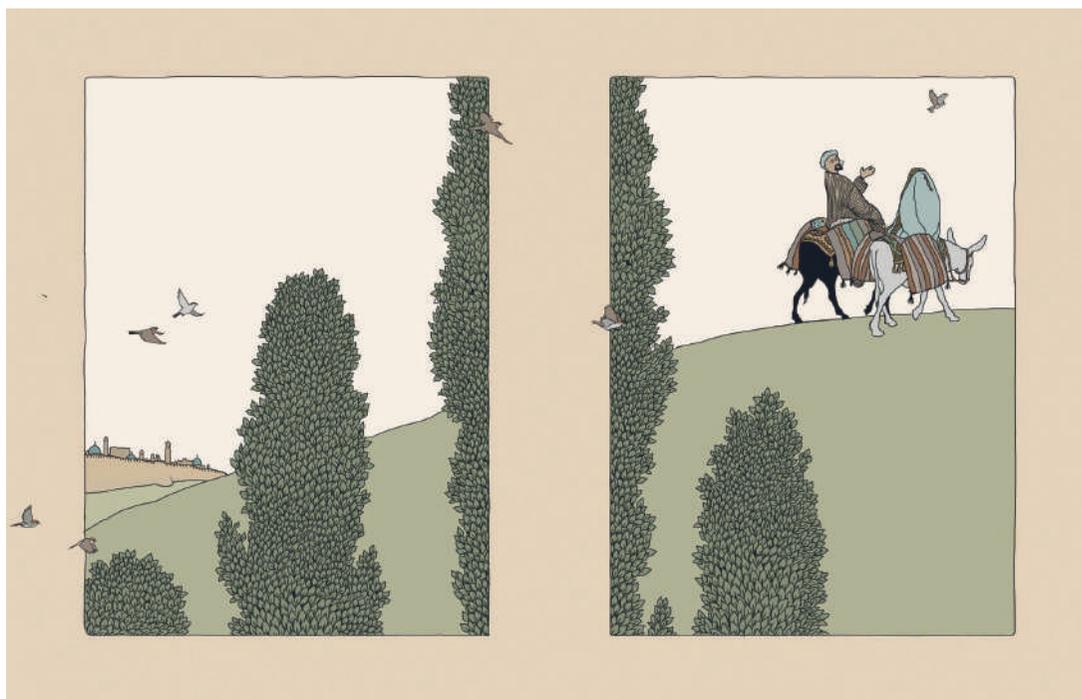
«Ковчег»,
фанера, масло. (не в коллекции)

ДЖУРАБАЕВ МУХАМАДЖОН

“Портрет доктора Алексея Назарова”, 2011 год,
холст, масло, 75x100 см.

ДМИТРИЕВ АЛЕКСЕЙ

А. Соловьев «Повесть о Ходже Насреддине», 2017 год,
42x27 см.

ЖУРАЕВ ЭРКИН

«Певчие птицы», 2004 год,
холст, масло, 65х65 см.

ИСАЕВ АСЛИДДИН

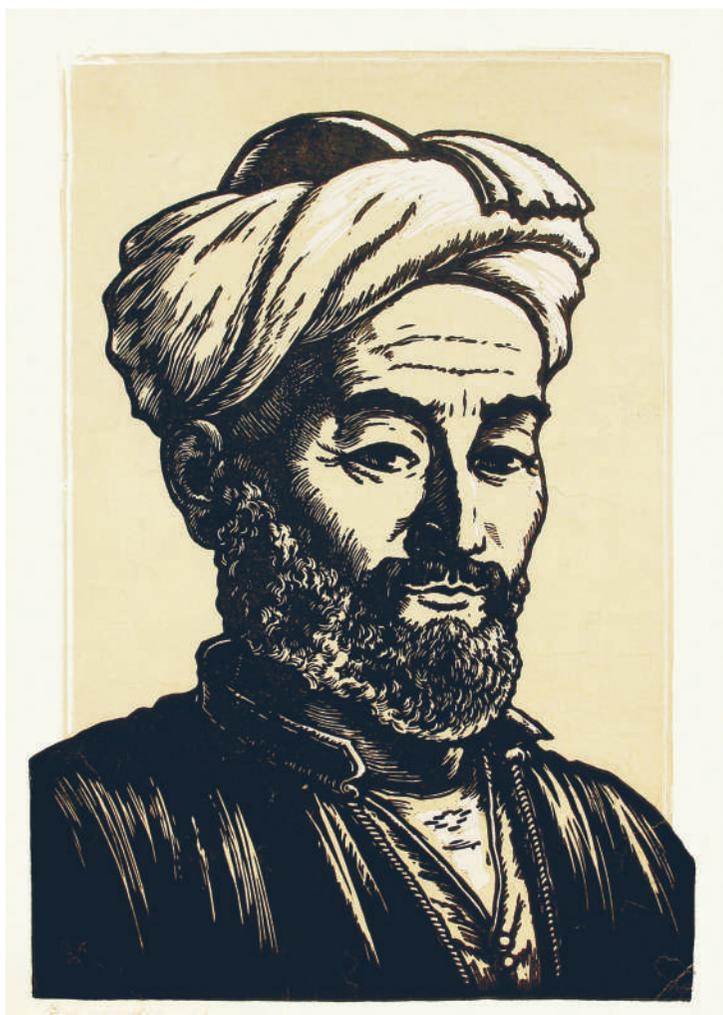
«Женщина», 2001 год,
холст, масло, 99,5x80 см.

КАГАРОВ МЕДАТ

«Землемер», 1989 год,
ксилография, 12х15 см.

КАЙДАЛОВ ВЛАДИМИР

«Алишер Навои», 1968 год,
цинкография, 49х36 см.

КАЛАНОВ АСЛИДДИН

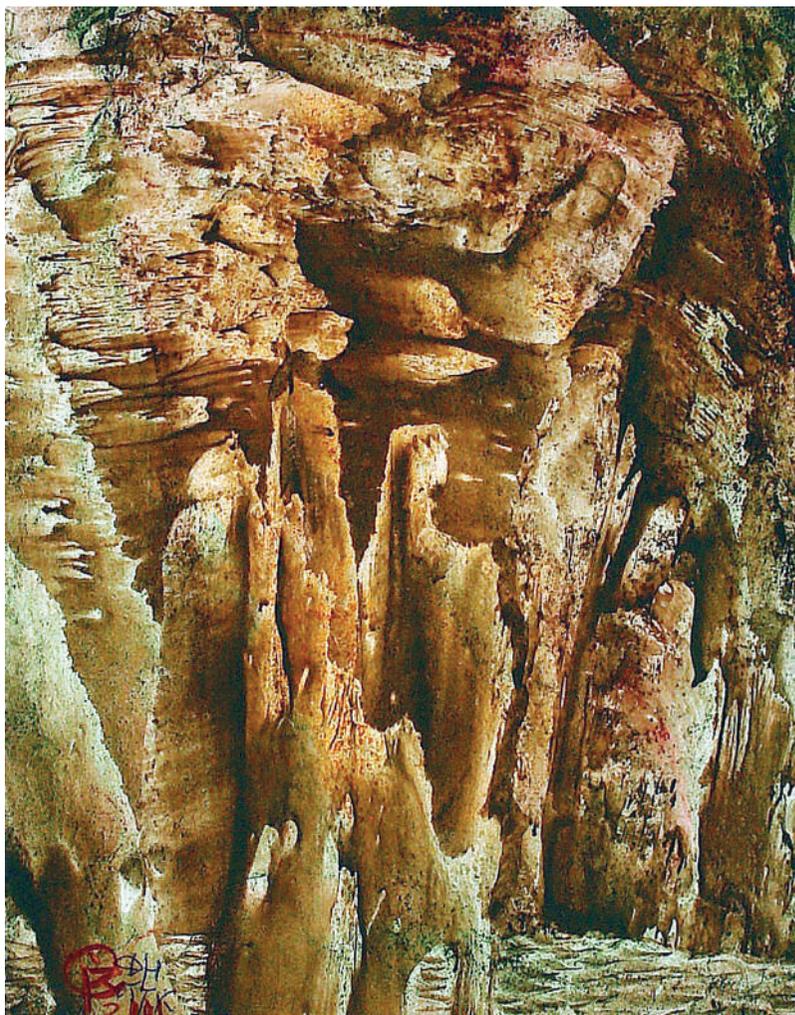
«Волшебство легенды», 1996 год,
холст, масло, 63.5x71.5 см.

КИВА АЛЕКСАНДР

«Преemptивность», 2003 год,
холст, масло, 70x47 см.

КИМ ГЕОРГИЙ

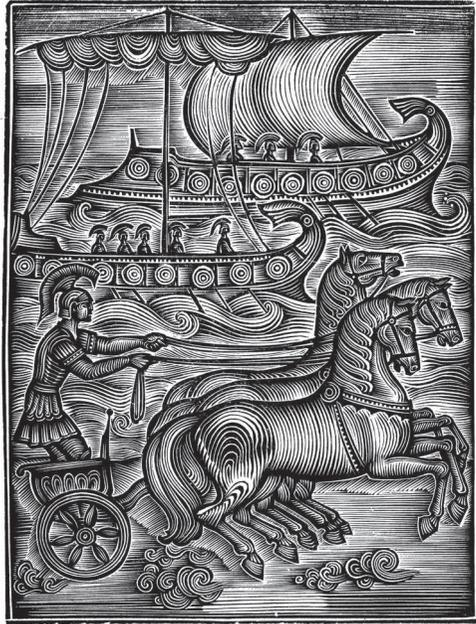
«Глубина», 2001 год,
монотипия, 20х17 см.

КИМ ВЛАДИМИР

«Вход в Иерусалим 1», диптих, 1997 год,
холст, масло, 65x170 см.

КИРИАКИДИ ИВАН

А. Фирдауси «Шахнаме», 1976 год,
ксилография, 6x8 см.

КИЧКО ПАВЕЛ

Павел Кичко. «Меланхолия 1», 2001 год,
холст, масло, 22.8 x 28.3 см.

КРИКИС АНДРЕЙ

«Космос фэктори», 1978 год,
картон, масло, акрил 33x42 см.

ЛИ АЛЕКСАНДР

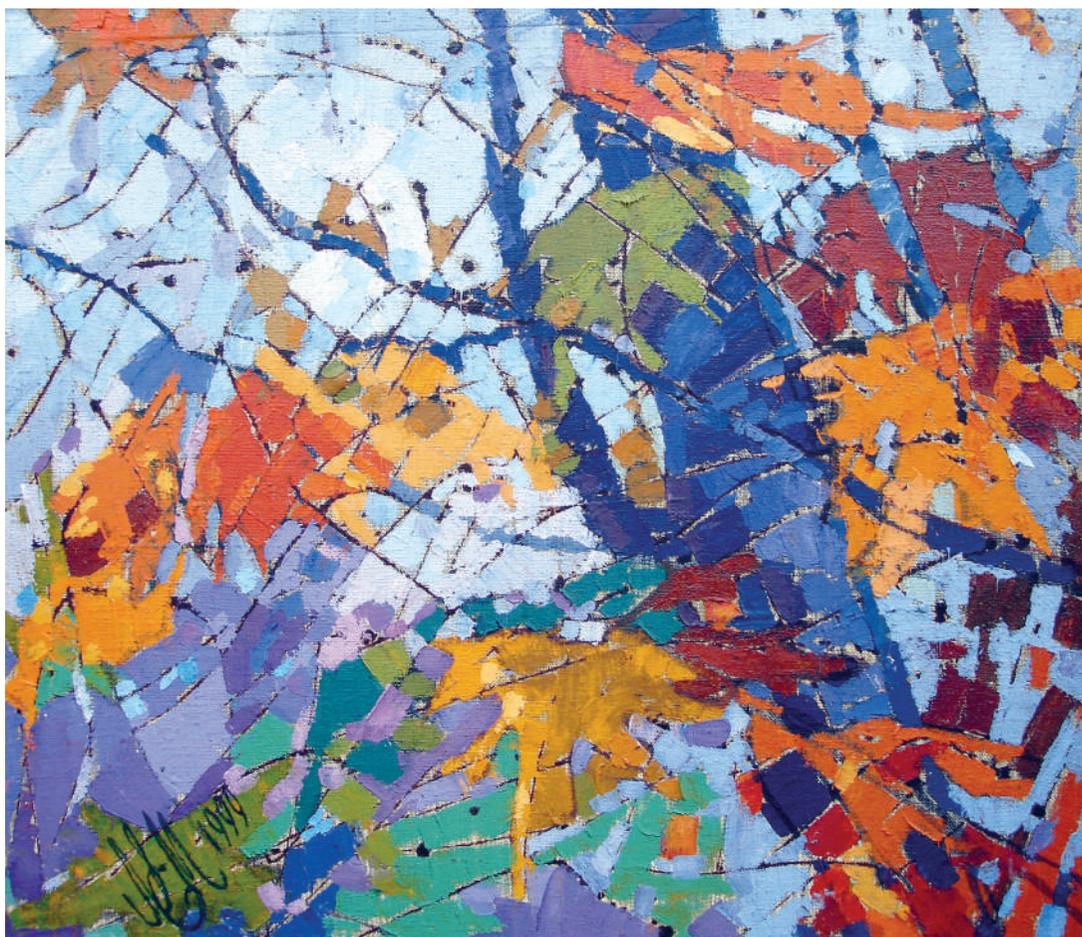
«Ташкентское метро», 1984 год,
автолитография, 42х52 см.

ЛИ ГАЛИНА

«Ты не сирота», 1985 год,
литография, 42х28,5 см.

ЛИ ЕЛЕНА

«Чинара», 1999 год,
холст, масло, 70x80 см.

ЛИ ТАТЬЯНА

«По улице Никитина», 1997 год,
холст, масло, 85х90 см.

ЛИ САФИ МАРИЯ

«Молчание», 1993 год,
смешанная техника. 55,5x47 см.

МАМИТАЛИЕВ АХМАДЖАН

«Захир-ад-дин Мухаммад Бабур», 2010 год,
бумага, тушь, 25x15 см.

МИРСАГАТОВ АНВАР

**«Подуостров Крым»,
холст, масло, 50х70 см.**

МУХТАРОВ БАЯТ

«Летний взрыв», 1999 год,
фанера, ткань, смешанная техника, 100x100 см.

ОВСЮКОВ ВАСИЛИЙ

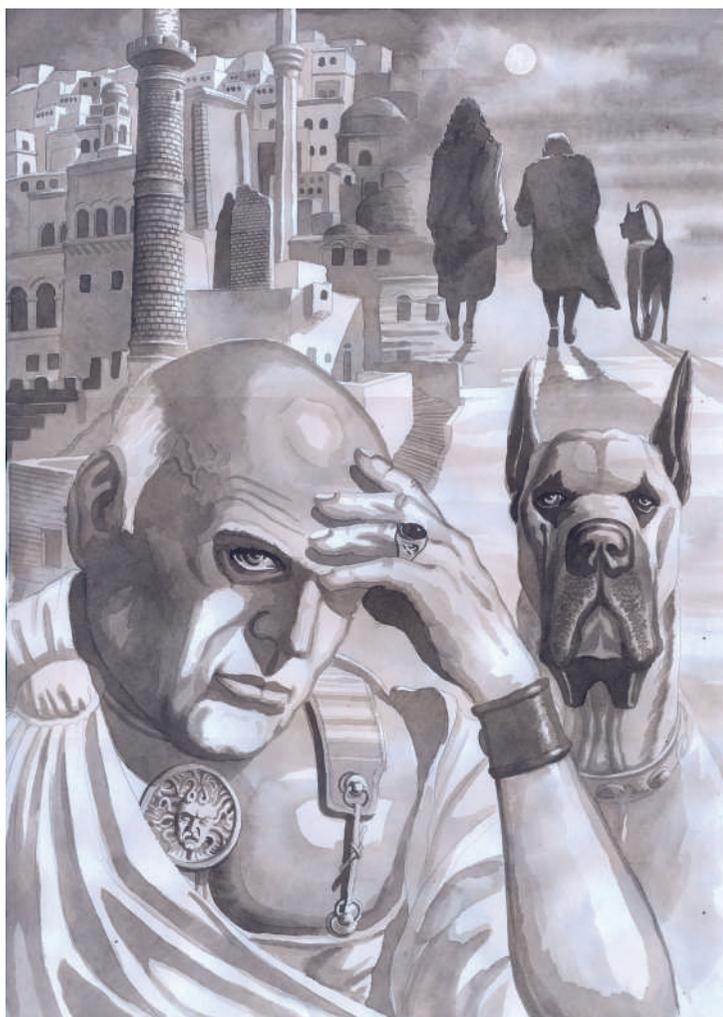
«Кувшин», 2007 год,
бумага, акварель, 18х23,5 см.

ПАНОВ ЕВГЕНИЙ

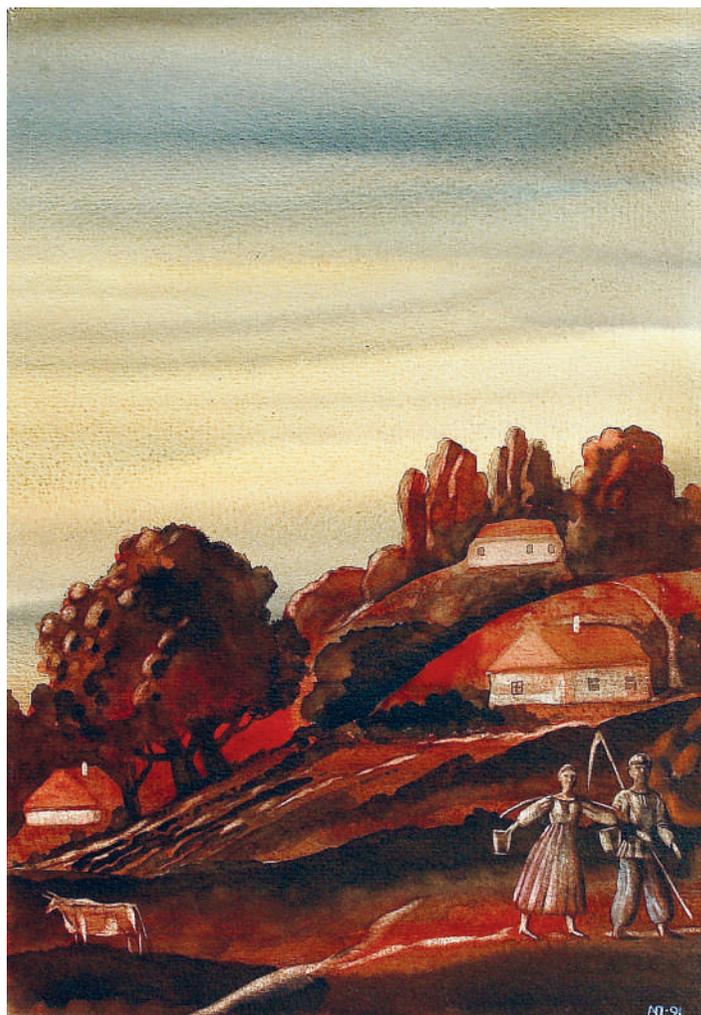
**«Контрасты»,
холст, масло, 50x70 см.**

ПЛУЖНИКОВ АРТЕМ

«Понтий Пилат», 2018 год,
бумага, акварель 45X30 см.

ПОНОМАРЕВ АЛЕКСАНДР

Н.В. Гоголь «На хуторе», 1991 год,
бумага, акварель, 30х21 см.

ПУЧКОВСКИЙ ВЛАДИМИР

«Лотос», 2004 год,
гобелен, 70x70 см.

РОМАЗАНОВ ЭРНЕСТ

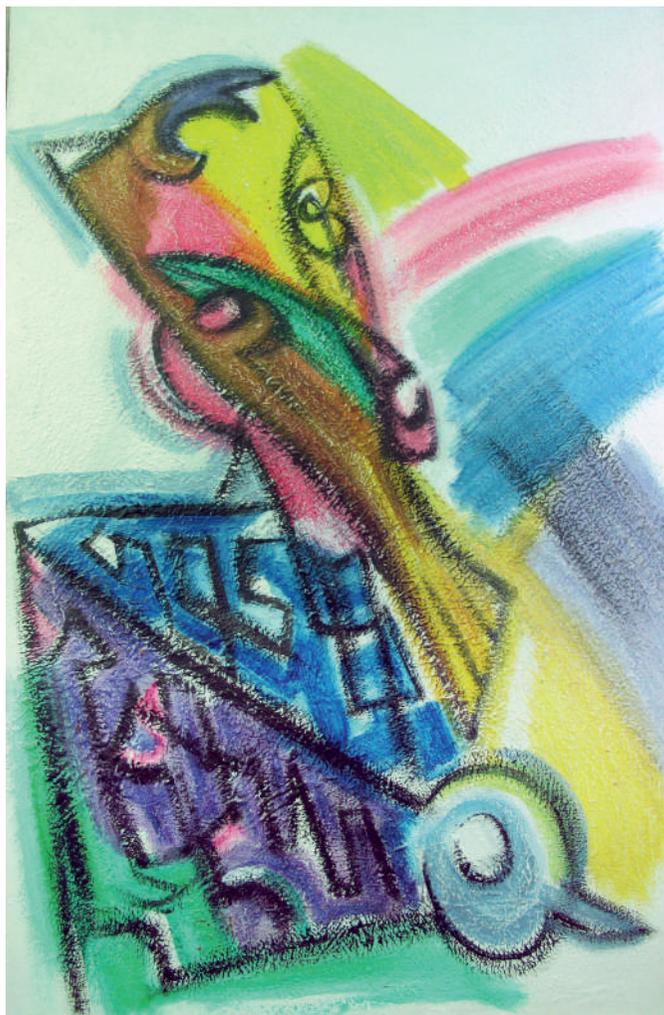
«Весна в Ярдане»,
холст, масло, 47х63 см.

САДЫКОВ МАРАТ

«В степи», 1993 год,
бумага, акварель, 36х48 см.

САИДЖАНОВ ЗЕЛИМХАН

«Чайханщик», 2005 год,
холст, масло, акрил, 115x75 см.

САЛОМОВ БАХОДИР

«Куз гулдасташ», 1993 год,
холст, масло, 65,5х65,5 см.

СЕМИЗОРОВА ЛЮБОВЬ

«Красотка», 2004 год,
вышивка, 40x49 см.

СТРЕЛЬНИКОВ ЮРИЙ

«Горный пейзаж», 1994 год,
холст, масло, 55х61 см.

УМАРБЕКОВ ДЖАВЛОН

«Водонос», 2008 год,
холст, масло, 100x120 см.

УРАЗАЕВ ДАМИР

«Народные игрища-1», 1996 год,
бумага, тушь, перо, 70x50 см.

УТЕШЕВ ВАЛЕРИЙ

«Толстолобики», 1990 год,
бумага, ручка, фломастер, 30x40 см.

ФАДЕЕВ СЕРГЕЙ

«Моя Бухара», 2007 год,
картон, акварель, 20х14 см.

ФРУМГАРЦ ЯКОВ

«Вечерняя рыбалка», 1995 год,
картон, масло, 25,3х32,8 см.

ХАЙДУКОВ ВАЛЕРИЙ

«Кишлак», 2004 год,
холст, масло, 29,5х39,5 см.

ХАМИДОВ АЛИШЕР

**«Кошка», 2000 год,
картон, масло, 68х75 см.**

ХАРИТОНОВА ЛУИЗА

«Гранаты», 2001 год,
вышивка на шелке, 43х63 см.

ХАРИТОНОВА ОЛЬГА

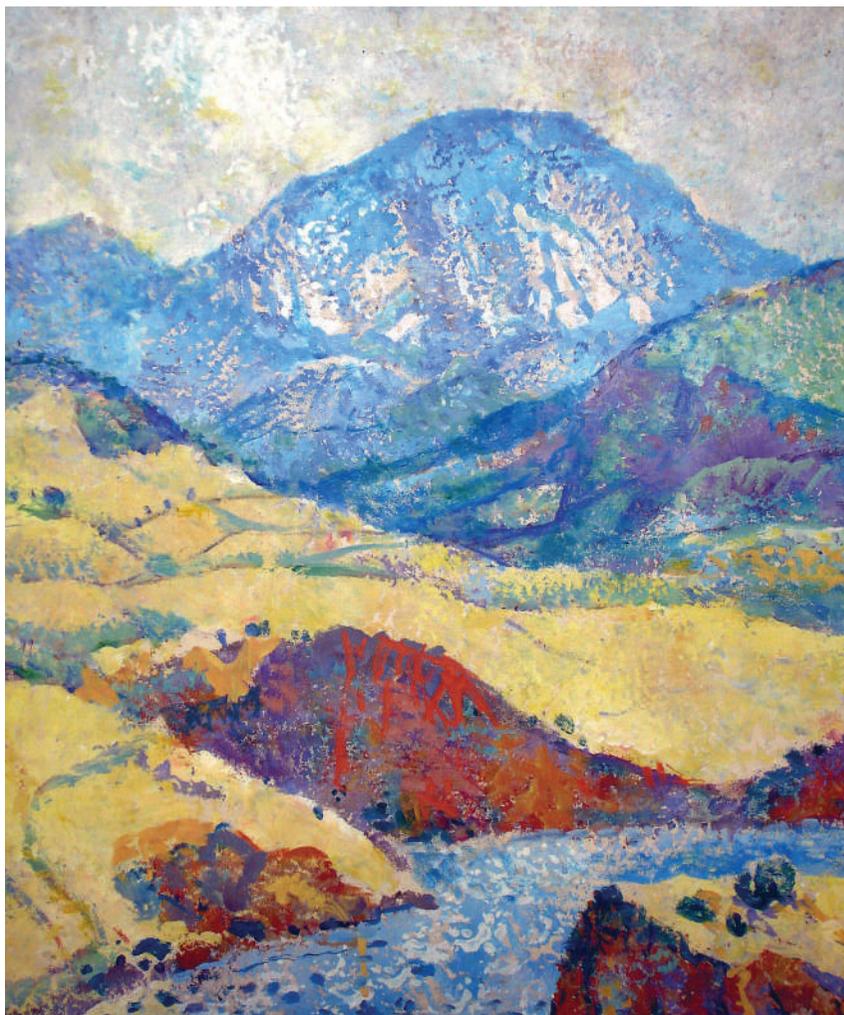
«Воробьи на хризантемах», 2001 год,
холст, масло, 50x70 см.

ЦИГЛИНЦЕВ АНАТОЛИЙ

«С Победой!», 1975 год,
литография, 52х50 см.

ЧУБ ВЛАДИМИР

«Сай», 2004 год,
холст, масло, 60x50,5 см.

ШЕРФЕДИНОВ СИНОВЕР

«Сирень», 2006 год,
холст, масло, 80x80 см.

ШИХОВА СВЕТЛАНА

«Сафари», 2004 год,
габелен, 90х90 см.

ШМАКОВ КОНСТАНТИН

«Мостик над Пскентом», 1975 год,
фанера, темпера, 37х62 см.

ШУВАЛОВА МАРГАРИТА

«Портрет девочки», 2009 год,
холст, темпера, 20х30 см.

ЩЕРБАКОВ АЛЕКСЕЙ

«Глубинка», 2007 год,
холст, масло, 65.5x73 см. (не в коллекции)

ЩЕРБАК ВИТАЛИЙ

«Команда Алексея Назарова», 1993 год,
холст, масло, 151x150 см.

ПЕРЕЧЕНЬ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Абатуров Сергей

«Сфера», 2014, шелкография, 60x75 см.

Абдулгаимов Раис

«Восточная мелодия 1», 1997, бумага, акварель, 66x76 см.

Абдуллаев Музаффар

«Симфония», холст, масло, 100x100 см.

Абдуллаева Шахноза

«Арба счастья», холст, масло, 80x60 см.

Авезов Рахмон

«Путь вечности», 1993, холст, масло, 80x90 см.

Азизов Радик

«Млечный Путь. Странники», 1999, холст, масло, 70x55 см.

Аллабергенов Атахан

«Хива. Старый город», 2004, бумага, акварель, 14x20 см.

Аллабергенов Сардор

«Портрет отца», 2005, холст, масло, 50x38 см.

Апухтин Виктор

«Танцующие дервиши». «Шумбола», Г.Гулям, бумага, тушь, перо, 20x12,5 см.

Аскарлов Зайнутдин

«У старой крепости», 2007, холст, масло, 100x150 см.

Бакиров Обиджон

«Сбор хлопка», 1994, холст, масло, 100x120 см.

Барноев Асад

«Муза», 2005, холст, масло, 45x60 см.

Барноев Вафо

«Дехканин», холст, масло, 40x60 см.

Батова Ирина

«Мак Кастанеды», картон, масло, 70x55 см.

Батьков Александр

«Памир. Зарафшан», 2005, холст, масло, 60x80 см.

Бизяев Валентин

«Германия. Озеро. Закат», холст, масло, 55x67

Бобров Анатолий

Узбекская народная сказка «Бей, дубинка», 2000, темпера, 21x30 см.

Брынских Борис

«Бухара. Торговая улица», 1965, холст, масло, 40x50 см.

Бурмакин Владимир

«Нагорморт. Георгины», холст, масло, 110x95 см.

Васильева Инна

«Осенние цветы», 2005, холст, масло, 80x80 см.

Воробьев Эркин

«Домик в саду», 2009, холст, масло, 40x50 см.

Гаглоева Римма

«Пионь», холст, масло, 90x100 см.

Гамбаров Валерий

«Погружение», 2007, холст, масло, 90x65 см.

Ганин Вениамин

«Времена года. Холодная осень», 1991, бумага, акварель, 39x55 см.

Ганьшина Татьяна

«Птицелов», бумага, фломастер, 43x29 см.

Горбачев Леонид

«Работа мозга», бумага, тушь, акварель 30x42 см.

Даватц Аариса

«Материнство», 1985, литография, 37x30 см.

Давлатшин Рафаэль

«Ковчег», 2007, холст, масло.

Дмитриев Алексей

А. Соловьев «Повесть о Ходже Насреддине», 2017, 42x27 см.

Джурабаев Мухамаджон

“Портрет доктора А.Назарова”, 2011, холст, масло, 75x100 см.

Жураев Эркин

«Певчие птицы», 2004, холст, масло, 65x65 см.

Исаев Аслиддин

«Женщина», холст, масло, 99.5x80 см.

Кагаров Медат

«Землемер», 1989, ксилография, 15x12 см.

Кайдалов Владимир

«Алишер Навои», 1968, цинкография, 49x36 см.

Каланов Аслиддин

«Волшебство легенды», 1996, холст, масло, 63.5x71,5 см

Кива Александр

«Преемственность», 2003, холст, масло, 70x47 см.

Ким Георгий

«Глубина», 2001, монотипия, 20x17 см.

Ким Владимир

«Вход в Иерусалим 1», диптих, холст, масло, 65x170 см.

Кириакиди Иван

А.Фирдауси «Шахнаме», 1976,
ксилография, 6x8 см.

Кичко Павел

«Меланхолия 2», холст, масло, 80x60 см.

Крикис Андрей

«Космос фэктори», 1978, картон, масло, акрил,
33x42 см.

Ли Александр

«Ташкентское метро», 1984, автолитография,
42x52 см.

Ли Гаина

«Ты не сирота» 1985, литография, 42x28,5 см.

Ли Елена

«Чинара», холст, масло, 70x80 см.

Ли Татьяна

«По улице Никитина», 1997, холст, масло, 85x90 см.

Ли Сафи Мария

«Молчание», 1993, смешанная техника. 55,5x47 см.

Мамиталиев Ахмаджан

«Зухуридин Мухаммад Бобур», 2010 год, бумага,
тушь, 25x15 см

Мирсагаатов Анвар

«Полуостров Крым», холст, масло, 50x70 см.

Мухтаров Баят

«Летний взрыв», 1999, смешанная техника, 100x100 см.

Овсюков Василий

«Кувшин», 2007, бумага, акварель, 18x23,5 см.

Панов Евгений

«Контрасть», холст, масло, 50x70 см.

Плужников Артем

«Понтий Пилат», 2018 год, бумага, акварель 45X30 см.

Пономарев Александр

Н.В.Гоголь «На хуторе», 1991, бумага, акварель, 30x21 см.

Пучковский Владимир

«Лотос», 2004, гобелен, 70x70 см.

Ромазанов Эрнест

«Весна в Ярдане», холст, масло, 47x63 см.

Садьков Марат

«В степи», 1993, бумага, акварель, 36x48 см.

Саиджанов Зелимхан

«Чайханщик», 2005, холст, акрил раз, 115-75

Саломов Баходир

«С книгой у окна», 1993, картон, пастель, 150x100 см.

Семизорова Любовь

«Красотка», вышивка, 40x49 см.

Стрельников Юрий

«Горный пейзаж», холст, масло, 55x61 см.

Умарбеков Джавлон

«Водонос», 2008, холст, масло, 100x120 см.

Уразаев Дамир

«Народные игры-1», бумага, тушь, 70x50 см.

Утешев Валерий

«Толстолобик», 1990, бумага, ручка, 30x40 см.

Фадеев Сергей

«Моя Бухара», картон, акварель, 20x14 см.

Фрумгарц Яков

«Вечерняя рыбалка», картон, масло, 25,3x32,8 см.

Хайдуков Валерий

«Кипчлак», 2004, холст, масло, 29,5x39,5 см.

Хамидов Алишер

«Кошка», 2000, 68x75 см., картон, масло,

Харитоновна Луиза

«Гранаты», 2001, вышивка по шелку 43x63 см.

Харитоновна Ольга

«Воробы на хрезантемах», 2001, холст, масло, 50x70 см.

Циглинцев Анатолий

«С Победой!», 1975, литография, 52x50 см.

Чуб Владимир

«Сай», 2004, холст, масло, 60x50,5 см.

Шерфединов Синовер

«Сирень», 2006, холст, масло, 80x80 см.

Шихова Светлана

«Сафар», 2004, гобелен, 90x90

Шмаков Константин

«Мостик над Пскентом», 1975, фанера, темпера,
37x62 см.

Шувалова Марганита

«Портрет девочки», 2009, холст, темпера, 20x30 см.

Щербаков Алексей

«Глубинка», 2007, холст, масло, 65.5x73 см.

Щербак Виталий

«Команда Алексея Назарова», 1993, холст, масло,
151x150 см.

ВЫСТАВКИ, ПРОВЕДЕННЫЕ А. К. НАЗАРОВЫМ В ГОРОДАХ УЗБЕКИСТАНА С 2004 ГОДА

1. **С 03 по 10 сентября 2004 г.** Профилакторий ФМПЗ «Энергия» г. Фергана.
Выставка «Творчество художников Ферганы» - 50 картин, изделия мастеров керамики.
2. **С 10 по 28 сентября 2004 г.** Профилакторий ФМПЗ «Энергия» г. Фергана.
Выставка «Творчество художника Бизяева В. Я., живопись» - 60 картин.
3. **С 15 июля по 15 августа 2005 г.** Мемориальный Дом-Музей Урала Тансыкбаева г. Ташкент.
Выставка «Беседа у картин». Творчество художника Ферганы Ромазанова Э. Н. , живопись - 76 картин.
4. **С 17 июля 2005 г.** Территория АНИК ул. Садыкова 5 г. Ташкент.
Выставка «Битлзтерапия» - презентация книги Алексея Назарова с иллюстрациями Виталия Щербака.
5. **С 9 по 29 октября 2005 г.** Галерея Изобразительного искусства «Чорсу» г. Самарканд .
Выставки «Во имя мира и любви», «Восточный авангард» - 34 картины, «Джон Леннон - человек мира» -10 картин, «Метаморфозы» скульптуры Баята Мухтарова - 5 штук.
6. **С 2 по 29 февраля 2006 г.** Профилакторий санаторий ХБК г. Бухара.
Выставка «Цветы доктора Назарова», живопись - 60 картин.
7. **С 9 Мая 2006 г.** Галерея Изобразительного искусства «Чорсу» г. Самарканд.
Выставка «670-летие Амира Темура», творчество Ферганских художников, живопись - 70 картин.
8. **С 21 апреля по 9 мая 2006 г.** Галерея Изобразительного искусства «Чорсу» г. Самарканд.
Выставка «21 апреля - День Художника», творчество бухарских, самаркандских и ферганских художников - 120 картин.
9. **Июнь 2006 г.** Музей изобразительного искусства г. Фергана.
Выставка «Цветы доктора Назарова», живопись - 60 картин.
10. **С 25 августа 2006 г.** Мемориальный Дом-Музей Урала Тансыкбаева г. Ташкент.
Выставка «Живопись, графика, фотография» - 80 работ.
11. **С 15 января по 10 февраля 2007 г.** Профилакторий санаторий ХБК г. Бухара.
Выставка «Старая Бухара», живопись ферганских художников - 40 картин.

12. С 2 по 22 октября 2007 г. Музей изобразительного искусства г. Фергана «По великому шелковому пути» - 100 картин.
13. С 1 по 2 ноября 2007 г. Мемориальный Дом-Музей Урала Тансыкбаева г. Ташкент. «По великому шелковому пути», первая передвижная выставка картин художников Ферганской долины - 80 картин.
14. С 28 ноября по 8 декабря 2007 г. Галерея Изобразительного искусства «Чорсу» г. Самарканд. «По великому шелковому пути», первая передвижная выставка картин художников Ферганской долины - 80 картин.
15. С 30 ноября 2008 г. Мемориальный Дом-Музей Урала Тансыкбаева г. Ташкент. «Феерия графики» - 150 картин.
16. С 9 марта 2009 г. Мемориальный Дом-Музей Урала Тансыкбаева г. Ташкент. «Глазами женщин», пейзажи, натюрморты - 80 картин.
17. С 27 июня 2009 г. Мемориальный Дом-Музей Урала Тансыкбаева г. Ташкент. «Философия графики» - 150 картин.
18. Июнь-июль 2009 г. Музей изобразительного искусства г. Фергана. «Медат Кагаров графика, Атахан Аллабергенев и др.» - 200 картин.
19. С 27 декабря 2009 г. Мемориальный Дом-Музей Урала Тансыкбаева г. Ташкент. «Благодатная Бухара», живопись, графика, работы прикладного искусства.
20. С 9 марта 2010 г. Мемориальный Дом-Музей Урала Тансыкбаева г. Ташкент. «Любимые» живопись, графика - 60 картин.
21. С 3 ноября 2010 г. Мемориальный Дом-Музей Урала Тансыкбаева г. Ташкент. «Любовь покрывает все» - 60 картин.
22. С 6 марта 2011 г. Мемориальный Дом-Музей Урала Тансыкбаева г. Ташкент. «Выставка памяти Медата Кагарова» - 60 картин.
23. С 19 сентября 2013 г. Территория АНИК ул. Садыкова 5, г. Ташкент. «Выставка памяти Раису Абдугалимова», графика, живопись, эстамп - 80 картин.
24. С 16 июля 2015 г. Центральная областная библиотека г. Фергана. Презентация книги «Anamnesis morbi et anamnesis vitae».

Р.С. Ежеквартально на территории медицинской фирмы АНИК проводятся тематические выставки

СОДЕРЖАНИЕ

Хранитель времени	9
Верхом на красном быке	27
Войти в реку дважды	51
Воскресенье всегда хороший день	69
Ишак приносящий дивиденды	99
Гениальная тройка	131
Каталог произведений	185
Перечень произведений	262
Выставки, проведенные А. К. Назаровым в городах Узбекистана	265

Альбом

Автор проекта А. Назаров

Редактор С. Чердниченко

Корректор П. Абдулина

Художник А. Бобров

Художественный редактор А. Бобров

Компьютерная верстка С. Абатурова

Фотографии С. Чердниченко, А. Назаров

На правах рукописи

Подписано в печать. Формат 84 x 100/16. Гарнитура Garamond. Бумага мелованная. Печать офсетная.
Усл. печатных листов 28,08. Тираж 2000 экзempl. Цена договорная.